

Сергей Константинович Романюк

Сердце Москвы. От Кремля до Белого города

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6493223
Сердце Москвы. От Кремля до Белого города: Центрполиграф; М.; 2013
ISBN 978-5-227-04778-6

Аннотация

Эта книга посвящена рассказу о центре Москвы, многочисленных памятниках Кремля, Красной площади, исторического района Китай-город, площадях и улицах вокруг центральной части города и об одном из самых любопытных и красивых мест центра – Острове.

Каждое строение города, где бы оно ни находилось, – каменная скрижаль с высеченной на ней историей, рассказом о событиях, людях и их поступках. Автор рассказывает об исторических корнях современной Москвы, описывает все здания (в том числе и снесенные в XX в.) и все важные события, связанные с ними.

Содержание

От автора	4
Исторический обзор	5
СОВРЕМЕННЫЙ КРЕМЛЬ	35
Стены и башни Кремля	35
Успенский собор	60
Архангельский собор	69
Благовещенский собор	73
Церковь Ризоположения	77
Потешный дворец	79
Патриарший дворец и собор Двенадцати Апостолов	81
Колокольня Ивана Великого, Звонница и Филаретова пристройка	84
Царь-колокол и Царь-пушка	89
Большой Кремлевский дворец	93
Оружейная палата	102
Арсенал	104
Сенат	106
Дворец съездов	110
КРЕМЛЬ УТРАЧЕННЫЙ	111
Исторический обзор	111
Памятник великому князю Сергею Александровичу	116
Памятник Александру II	119
Чудов монастырь	122
Церковь Святых Константина и Елены	132
Собор Спаса на Бору	133
Вознесенский монастырь	136
Памятник В.И. Ленину	140
КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ	141
Исторический обзор	141
Верхние торговые ряды	157
Средние торговые ряды	168
Покровский собор (храм Василия Блаженного)	171
Конец ознакомительного фрагмента.	173

Сергей Константинович Романюк

Сердце Москвы. От Кремля до Белого города

От автора

Книга посвящена рассказу о центре Москвы, о многочисленных памятниках Кремля, Красной площади, исторического района Китай-города, площадях и улицах вокруг центрального ядра города и одном из самых любопытных и красивых мест центра – Острове.

В книге рассказывается о том историческом корне, из которого вырос современный город, о небольшой крепости на высоком холме при слиянии двух рек – Москвы и Неглинной. Как справедливо писал знаменитый историк и писатель Н.М. Карамзин 200 лет назад, «кто был в Москве, знает Россию». К его словам можно добавить, что те, кто хочет знать Москву, должны побывать в Кремле и на Красной площади, которые в сознании многих неотделимы друг от друга. Они являются средоточием, кратким изложением истории Москвы, а следовательно, и России. Каждое строение города, где бы оно ни находилось, – каменная скрижаль с высеченной на ней историей, рассказом о событиях, людях и их поступках. В книге описываются все здания (в том числе и снесенные в XX в.) и, по возможности, все важные события, связанные с ними.

На протяжении многих лет появилось большое количество работ, посвященных Москве. Современные историки, археологи, архитекторы, искусствоведы постоянно работают над выяснением запутанных вопросов и их изыскания обязательно учитывались автором.

*Сколько время, пожары и руки человеческия ни изменили вид
Москвы, но на ея улицах еще не совсем изгладились следы старого
быта, которые нас переносят от настоящего к прошедшему.*

*Снегирев И.М. Никольская улица
в Китай-городе. М., 1853*

Исторический обзор

Москва расположена в центре Русской платформы, мощного кристаллического образования, возникшего более полутора миллиардов лет назад, на котором наслоилось до полутора километров осадочных пород, когда в этих местах было море.

Большое значение для формирования московского рельефа имели ледники. На территории современной Москвы находятся их отложения, относящиеся к трем ледниковым периодам: окскому (около 500 тысяч лет назад), днепровскому (около 300 тысяч лет назад) и московскому (примерно 130 тысяч лет назад). Каждый ледник, наступая, нес с собой массу различных отложений; подтаивая и отступая, он оставлял за собой эти отложения, которые называются моренными. Вторым фактором формирования рельефа была работа рек в межледниковые периоды. На создание современного рельефа огромное влияние оказала и деятельность человека: в продолжение сотен лет жители города подсыпали долины, копали каналы, куда переводили реки, сглаживали холмы. Кстати говоря, с московским рельефом связывается легенда о семи (число «семь» издавна считалось мистическим) московских холмах, которые сейчас уже почти не видны: Боровицкий холм (на котором находится Кремль), Швивая горка (при впадении Яузы в Москву-реку, на левом берегу), Три горы (у Москвы-реки в районе Пресни), Введенская гора (в Лефортове), Варварина гора (район Курского вокзала), Псковская гора (Лубянка) и Страстная горка (Пушкинская площадь).

Когда отступил последний ледник, а это произошло около 23 тысяч лет назад, в эпоху палеолита – древнего каменного века, сюда, в Московский край, пришли первые люди. На территории современной Москвы была сделана любопытная находка: в 1936 г. при строительстве канала Москва – Волга на левом берегу реки Сходни случайно обнаружили часть черепа, который, казалось бы, принадлежал неандертальцу с низким лбом и выступающими надбровными дугами. При внимательном же изучении были выявлены не только черты современного человека, но и такая странная особенность, как отпечаток мелкой сетки по поверхности кости, как будто оставленный тканью. Но как могла очутиться ткань на поверхности черепа в то время, когда ткацкий станок появился только через несколько тысяч лет? Разгадку этой находки так и не нашли, как не обнаружили и никаких других свидетельств, подтверждающих жизнь людей палеолита на территории современной Москвы, где трудно вести раскопки, да и многое оказалось уничтоженным при строительстве.

Однако в 1950-х гг. неоспоримые доказательства жизни человека в эпоху палеолита обнаружили сравнительно недалеко, на месте известной стоянки Сунгирь у города Владимира, а позднее еще ближе, в Зарайске, где на высоком мысу у слияния двух рек найдены остатки жилища и множество хозяйственных орудий. Судя по этим находкам, вполне можно предполагать возможность обитания людей и на территории Москвы.

От периода мезолита (средний каменный век), то есть от времени около 12–6 тысяч лет назад, осталось уже значительно больше свидетельств жизни людей, но самое большое количество находок каменного века относится к неолиту, новому каменному веку, начавшемуся около 8–3 тысяч лет назад. Люди неолита пользовались огнем, жили в легких шалашах, начали заниматься животноводством и земледелием. Они научились лепить глиняную посуду, которую украшали насечками и ямками. Свои орудия труда они делали из кости и камня.

Самая древняя из неолитических стоянок в Подмосковье – это Льяловская, датируемая примерно 3-м тысячелетием до н. э., которая находится в верховьях Клязьмы; на территории же современной Москвы, неподалеку от Москвы-реки в районе Щукина, обнаружили стоянку более позднюю – 2-го тысячелетия до н. э. Отдельные предметы этого времени обна-

руживаются и в других местах, как, например, в Зарядье, где найдены наконечники стрел и каменное долото, и в Черкизове – кремневый наконечник стрелы.

Культура следующего периода называется бронзовым веком (примерно 2-е тысячелетие до н. э.). Тогда в быту начали появляться изделия из бронзы, сначала в виде украшений, а потом и орудий труда, а также оружия, находимого в погребениях, первое из которых обнаружено у села Фатьянова в Ярославской области. Фатьяновцы в основном занимались скотоводством, но также охотой и ловлей рыбы; они хоронили умерших на боку, причем женщин на левом, головой на восток, а мужчин – на правом и головой на запад. Они были предками не только современных славян, но также балтов и германцев. На территории современного города были обнаружены два памятника этой культуры – Спас-Тушинский на берегу Москвы-реки и Давыдовский на берегу реки Сетуни.

Бронзовый век сменился железным. Железо обладало большей прочностью, железные руды были более распространены, получать железо из них сравнительно просто. Люди железного века выбирали места для поселений высоко над рекой, хорошо защищенные водой и оврагами. Они дополняли естественную защиту искусственными сооружениями – рвами и валами с деревянным тыном, защищавшими главное их сокровище – домашний скот. Такие укрепленные поселения археологи называют городищами, а неукрепленные – селищами. Много городищ находилось по течению Москвыреки, заселение поймы которой происходило снизу вверх по течению. Одно из городищ дало название всей культуре – Дьяковское, по месту нахождения его еще в XIX в. у села Дьякова, близ Коломенского. Дьяковская культура просуществовала более тысячи лет – с VII в. до н. э. до VI–VII вв. н. э. Самые известные памятники этой культуры – Кунцевское, Сетуньское, Мамоново (у Воробьевых гор) и, наконец, Боровицкое (на территории Кремля) городища. Дьяковцы занимались скотоводством – разводили крупный рогатый скот, свиней, лошадей; земледелием – возделывали просо, пшеницу, ячмень; охотились на бобров, куниц, медведей, лосей; изготавливали железные топоры, серпы, стрелы. Характерной особенностью дьяковской культуры были так называемые грузики – небольшие глиняные цилиндрические предметы с отверстием, назначение которых так и не разгадано. С дьяковцами связана еще одна тайна: они исчезли примерно в VIII в. н. э., и до прихода сюда славянских племен нет никаких материальных свидетельств жизни здесь в то время: археологи называют этот период «темными веками».

На обширной равнине Восточной Европы славяне появились в VI–VII вв. в результате последнего, третьего этапа огромного миграционного потока, который носит название Великого переселения народов. Они образовывали три большие группы – венедов, антов и склавеннов, места расселения которых определяются различными археологическими культурами, определяемыми различной формой бытовой керамики. Уже в VII–VIII вв. эти крупные образования рассыпаются на более мелкие и расселяются по Восточно-Европейской равнине.

Среднее течение реки Москвы становится местом расселения славянских племен, пришедших с юга, с Оки, уже в X или XI в. Возможно, что причинами переселения были преследования киевских князей и массовая насильственная христианизация. До славянской колонизации территорию Москвы населяли меря – народ, судя по названию рек и урочищ, финноугорской языковой семьи.

При освоении Восточно-Европейской равнины славянами на территории Москвы столкнулись два колонизационных потока: с юго-запада шли вятичи, с северо-запада – кривичи. Кривичи – это те самые племена, обратившиеся, согласно Повести временных лет, вместе с другими племенами к варягам с знаменательными словами: «...зваху тьи варязи русь... Реша (сказали. – *Авт.*)... чудь, словене, и кривичи и вси: „Земля наша велика и обилна, а наряда (то есть порядка. – *Авт.*) в ней нет. Да поидете княжить и володети нами“».

Славяне поднимались по рекам, единственно пригодным путям сообщения в этих краях, покрытых густыми, почти непроходимыми лесами. Племя вятичей обосновалось в

долине Москвы-реки, а племя кривичей – несколько севернее. Границу между ними археологи определили по женским украшениям: вятичи носили так называемые височные кольца, имевшие 5–7 плоских, свисающих вниз лопастей, а вот кривичи отдавали предпочтение кольцам, похожим на проволочные обручи. Различались также и некоторые другие украшения. Культура вятичей хорошо исследована благодаря множеству сохранившихся курганов (в Царицыне, Чертанове, Тушине, Конькове, Зюзине, Черемушках, Матвеевском и в других местах) и открытым археологами поселениям, укрепления которых были найдены в самом центре города, в Кремле на Боровицком холме.

В XI–XII вв., в период процветания земли вятичей, среди сел стали возникать первые города, центры торговли и ремесел. Земли, занятые славянскими племенами, постепенно подпадали под власть княжеств – Смоленского, Ростово-Суздальского, Черниговского. Вятические племена, жившие на территории современного Подмосковья, одни из последних потеряли свою независимость. Жили они в сравнительно труднопроходимой местности, покрытой густыми лесами, более или менее доступными только зимой, и обычные пути из Южной Руси в Северо-Восточную проходили в обход этих мест. Когда Владимир Мономах, владевший Черниговским княжеством, ходил с войском на северо-восток, он с гордостью вспоминал, что ему удалось пройти «сквозь землю вятичей».

Считается, что основателем Москвы был ростово-суздальский князь Юрий, сын Владимира Мономаха, но его имя появилось в летописи только в связи со встречей союзных князей в 1147 г. в уже существовавшей тогда Москве. Можно предположить, что Москва была основана примерно на полстолетия раньше, в конце XI в., как княжеский форпост в земле вятичей, противившихся покорению ростово-суздальскими князьями. Площадь древнего московского поселения несравнимо больше любых других поселений в бассейне реки Москвы, и, согласно исследованиям археолога А.А. Юшко, «Москву следует причислить к числу изначально княжеских городов».

Основание Москвы может быть отнесено к деятельности знаменитого Владимира Мономаха, который получил северо-восточные земли в 1093 г., после смерти отца, Всеволода Ярославича, великого князя Киевского. Но он еще ранее, будучи черниговским князем, предпринял первый такой поход примерно в 1068–1072 гг.; известно также, что он ходил на вятичей в продолжение двух зим – «на Ходоту», вятического предводителя.

Через четыре года права на владение северо-восточными землями были подтверждены Любечским съездом, когда собравшиеся на нем князья решили прекратить распри и оставить каждому земли своих отцов. Владимир Мономах старается укрепиться на северо-востоке, усиленно строя опорные пункты. Можно предположить, что он, понимая важность порубежных земель своего княжества, занятых враждебными племенами вятичей, основывает в самом конце XI в. у впадения Неглинной в Москву-реку на месте древнего дяковского поселения, где, возможно, также жили вятичи, одну из важных крепостей, ставшую городом Москвой. Одним из документальных подтверждений этой датировки является печать, найденная вместе с обрывком медной проволоки на Боровицком холме на той же глубине (более 5 м), где находилась мостовая домонгольского времени. Печать с оттиснутым изображением Богоматери Оранты датировалась 1091–1096 гг. и могла принадлежать Киевской митрополии. Ее привезли в Москву вместе с несохранившейся грамотой, которая могла храниться неподалеку – в первой церкви крепости, то есть церкви Рождества Иоанна Предтечи. Эта находка наряду с многими другими свидетельствует о заселении кремлевского холма к концу XI в.

Владимир Мономах – выдающийся политический деятель ранней истории Руси, полководец и писатель, автор «Поучения», замечательного памятника древнерусской письменности, соединившего различные жанры – и автобиографию, и нравоучение, и исповедь. По отцовской линии он был внуком Ярослава Мудрого, а по материнской – внуком византий-

ского императора Константина Мономаха, почему и получил свое прозвище. С самых ранних лет Владимир Мономах участвует в военных походах против врагов внешних, а также в междоусобных распрях с соседями-князьями. По словам самого Владимира, «всех походов моих было 83, а других маловажных не упомяну. Я заключил с половцами 19 мирных договоров, взял в плен более 100 лучших их князей и выпустил из неволи, а более двухсот казнил и потопил в реках». Он нападал даже на Византийскую империю, и император Алексей Комнин, по рассказам, прислал в Киев ценные дары, среди них был венец Константина Мономаха, которым короновали Владимира. Отсюда и название венца – «шапка Мономаха», которая хранится теперь в Оружейной палате (но, по мнению большинства исследователей, она была изготовлена на рубеже XIII–XIV вв. на Востоке).

Будучи проницательным государственным деятелем, князь Владимир выступал инициатором съездов князей, призывавшим их к согласию и объединению перед внешней опасностью. Как отмечал историк Н.И. Костомаров, «при таком положении дел важнейшей задачей тогдашней политической деятельности было, с одной стороны, установление порядка и согласия между князьями, а с другой – дружное обращение всех сил Русской земли на свою защиту против половцев. В истории дотатарского периода мы не видим ни одной такой личности, которой бы удалось совершить прочно и плодотворно такой великий подвиг; но из всех князей никто не стремился к этой цели с такой ясностью взгляда и с таким, хотя временным, успехом, как Мономах, и потому имя его долго пользовалось уважением. Кроме того, о его жизни сложилось понятие как об образцовом князе».

В результате объединительной деятельности Мономаху подчинилось почти все Древнерусское государство. Владимир Мономах остался в народной памяти заступником простого народа, «смердов»; по словам летописца, после смерти князя в 1125 г. «слава его прошла по всем странам, особенно же был он страшен поганым; был он братолюбец, и нищелюбец, и добрый страдалец за Русскую землю. Духовенство плакало по нем, как по святом и добром князе... весь народ плакал по нем, как плачут дети по отце или по матери».

Москву окружали густые леса и обширные болота, что обеспечивало ей относительную безопасность, и она занимала удобное географическое положение на пересечении важных торговых путей из Южной Руси (из Чернигова, Киева) в Северную (во Владимир, Ростов), а также из Новгородской земли в Рязанскую. Некоторые из основанных примерно тогда же военных опорных пунктов, подобно Москве, впоследствии стали, благодаря благоприятным географическим условиям, притягательными центрами для ремесленного и торгового населения.

Попытки объяснения названия Москва делались издавна, но до сих пор так и нет удовлетворительного результата.

Существует множество предположений, более (их немного) или менее правдоподобно (их значительно больше) трактующих сложный вопрос происхождения имени города, впрочем, дело обстоит также и по отношению к многим другим старинным городам.

Имя реки Москва передалось городу, и оно требует выяснения: какая народность из сменявших друг друга на Восточно-Европейской равнине была «ответственна» за него?

Названия географических и, в особенности, названия водных объектов – гидронимов – наравне с археологическими свидетельствами наиболее важный источник наших знаний о народах, населявших определенные территории.

В бассейне Москвы-реки в 3–2-м тысячелетиях до н. э. обитали финноугорские племена, и очень вероятно, что именно они и дали имя этой реке. Балтские племена появились существенно позже, и жили здесь они на протяжении 1000–1500 лет (примерно от начала 1-го тысячелетия до н. э. до середины 1-го тысячелетия н. э.), не говоря уже о славянах, которые появились примерно во второй половине 1-го тысячелетия н. э., причем долгое время оба племени жили вместе и ученые говорят о балто-славянской общности.

Почти все, писавшие о топониме Москва, делили это слово на две части – «Моск» и «ва», объясняя далее каждую часть по отдельности, как правило, обязательно присваивая части «ва» значение «вода» из различных языков. Они рассматривали его современную форму слова, не принимая во внимание развитие его во времени – ведь в древних формах топонима окончания «ва» не было.

Известный языковед И.Г. Добродомов вполне убедительно показал, что топоним с формой «Московь», зафиксированной в Лаврентьевской летописи: «Гл#бъ же на ту щень при#ха на Московь и поже городъ весь и села» (1177), имел в качестве более древней форму «Москы», реконструируемую лингвистами. Но, как указывает Добродомов, эта форма представляет собой развитие еще более древней формы – «Мушко» исчезнувшего финно-угорского языка, мери или мешеры, которую древние славянские поселенцы на Москве-реке переделали в «Москы». Как пишет исследователь, «в таком случае получается, что название Москва может рассматриваться как органический сплав принесенного славянами родного названия и местного финно-угорского, переозвученного по образу названия исконного. Свое и чужое в нем оказалось просто сплавленным».

Конечно, как и многие старинные города с богатой историей, Москва имеет свои легенды и предания. Исследователь повестей о начале Москвы справедливо отмечает, что исторический факт «окружен в повестях большим количеством вымышленных подробностей. Эти подробности каждый из авторов подбирал, руководствуясь своими задачами, но все они сошлись в свободном обращении с известными историческими событиями...».

Как-то надо было объяснить превращение незаметного поселка, вполне ординарного среди других поселений в обширных лесах северо-востока, в большой город, столицу самого могущественного княжества: «И почему было Москве царством быть и кто знал, что Москве государством слыти». В XVII в. появляются несколько рассказов, толкующих возникновение Москвы. Один такой рассказ повествует о Мосохе Иафетовиче (библейский персонаж, один из сыновей Иафета, родоначальник диких племен на север от Черного и Каспийского морей), пришедшем «в страну Скифскую» и поселившемся на месте «предъизбранном и предълюбезном», которое находилось «над двема реками». Поселенец дал названия обеим рекам – одну назвал по своему имени и по имени жены Ква: получилась Москва, а вторую по имени сына Я и дочери Вуза – Яуза. В этом наивном сказании отразились какие-то воспоминания о древнем поселении, возможно находившемся на высоком холме у слияния рек Москвы и Яузы.

В другом рассказе говорится о киевском боярине Степане Кучке, получившем от князя Юрия Владимировича земли у Москвы-реки и устроившем для себя двор, вокруг которого обосновались и его слуги, и дружина. Он, однако, «возгордевся» и не оказывал должных почестей князю Юрию, почему и поплатился жестоко: князь «повеле его в той час смерти предати». Здесь отражаются древние представления о обязательном жертвоприношении, пролитии крови на месте закладки, и после этого князь Юрий «постави град, нарече имя ему Москва... повеле град Москву населити людьми и распространити». Тот же боярин фигурирует и в более пространным рассказе, где упоминаются сыновья его Петр и Аким и дочь, «благообразна и лепа» Улита. В этом, казалось бы, легендарном рассказе речь идет, однако, об известных летописцу исторических деятелях – участниках заговора против князя Андрея Боголюбского: «...и тако упившеся вином, поидоша на сени. Начальник же убийцам был Петр Кучькович, зять Анбал, Ясин ключник, Яким Кучькович... возьмше оружье, яко зверье дивии...»

На страницах Ипатьевской летописи (одной из древнейших) Москва впервые упомянута в связи с феодальными распрями русских князей, начавшимися после смерти великого князя Киевского Мстислава в 1132 г. Эта дата считается началом долгой эпохи феодальной раздробленности, продолжавшейся около трехсот лет. Единая Киевская Русь распалась

на полтора десятка самостоятельных княжеств, где правили свои собственные династии, отпрыски Рюриковичей: так, в Чернигове княжили Олеговичи, в Смоленске – Ростиславичи, во Владимире, Ростове и Суздале – Юрьевичи, но все они по старой памяти добивались великого киевского княжения. Князья объединялись во враждующие группы, нападали друг на друга, разоряли города и села, грабили христианские церкви, уводили в рабство мирное население, насильничали и убивали, приводя с собой не только свою вооруженную дружину, но и нанятые толпы диких половцев.

В одном из бесчисленных эпизодов братоубийственной войны участвовал князь Суздальский Юрий Владимирович, которому его отец, Владимир Мономах, передал княжеский суздальский стол. Именно с ним, прозванным значительно позже Долгие Руки, связывается «основание» Москвы в 1147 г. В борьбе за киевский великокняжеский престол Юрий объединился с новгород-северским князем Святославом против Мстиславичей, действовавших вкуче с черниговскими Олеговичами и Давидовичами. В начале 1147 г. князь успешно воевал в разных местах: Юрий захватил Торжок и земли по реке Мсте (он пошел «воевать Новгородские волости и пришел взять Новый Торг и Мьсту всю взять»), а Святослав в Смоленске опустошил земли племени голядь в верхнем течении реки Протвы и взял большую добычу: «И шел Святослав взять люди Голядь верх Поротвы, и ополонился дружина его повелику». Юрий, «довольный злом», как пишет Карамзин, причиненным Святославом, отправляет ему послание: «Приди ко мне, брате, в Москов». Встретились они в удобном для них расположенном месте – Москве, недалеко от границ Рязанского, Черниговского и Смоленского княжеств, по пути на север, к Новгороду, и достаточно большом для встречи трех князей (к Юрию и Святославу присоединился еще рязанский князь Владимир Святославич, у которого перед тем отняли все его владения).

Юрий уже находился в Москве, когда к нему прибыл малолетний сын Святослава Олег с подарками. Вот как Ипатьевская летопись повествует об этом: «Святослав же еха к нему с детятем своим Олгом, в мале дружине, пойма с собою Володимера Святославича; Олег же еха наперед к Гюргеви и да ему пардус (вероятно, шкура гепарда. – *Авт.*)». Вскоре в Москве появился и князь Святослав: «И приеха по нем отец его Святослав, и тако любезно целовастася, в день пяток, на Похвалу святей Богородици, и тако быша весели».

«День пяток» означает пятницу, а слова «на Похвалу святей Богородици» – в Похвальную неделю Великого поста, перед праздником иконы Похвалы Богородицы, который был установлен в IX в. в благодарность за неоднократное избавление Константинополя от осаждавших его вражеских войск, когда по стенам и стогнам столицы носили икону, умоляя о защите. Праздник этот не имеет определенной даты, он переходящий, то есть зависит от даты празднования Пасхи, которая по церковным канонам должна отмечаться в первое воскресенье после весеннего равноденствия. Тогда это было 20 апреля, а праздник Похвалы Богородицы отмечается в субботу на пятой неделе поста, за 16 дней до Пасхи, и, следовательно, князья встречались в пятницу 4 апреля 1147 г. Эта дата (по новому стилю 11 апреля) и является первым упоминанием Москвы в письменных источниках: в этот день, а не осенью должен был отмечаться день города и проводиться юбилейные празднования.

На следующий день, в субботу 5 апреля 1147 г., в самый праздник Похвалы, Юрий Долгорукий устроил, по выражению летописца, «обед силен». Видно, Москва уже была таким поселением, в котором можно было устроить пиршество для князей и для немалых, надо думать, дружин их. Правда, устраивать «обед силен» и пировать в строгий церковный пост было не самым благочестивым поступком князя Юрия и его гостей. В тот же день, по рассказу летописца, князь Юрий «створи честь велику им и да Святославу дары многы с любовью и сыновеи его, Олгови и Владимиру Святославичю...». Из Москвы Святослав отправился к реке Оке, где и остановился. Союз Юрия и Святослава оказался недолговечным, и уже в следующем году братья воевали друг против друга...

Борьба Юрия Владимировича за великокняжеский киевский престол велась с переменным успехом: так, в 1149 г. он сел на киевский престол, но вскоре потерял его, в 1150-м он снова стал великим киевским князем, вернулся в Киев через четыре года и скончался там в 1157 г. Во время феодальных усобиц князь Юрий был вынужден укреплять границы своего княжества – так, по сообщению летописи, в 1156 г. он строит в Москве крепостные стены: «...князь великий Юрий Володимеричь заложи град Москву на устии же Неглинны, выше реки Аузы».

Ф.Я. Алексеев. Красная площадь

Высказывались сомнения в том, что князь Юрий мог построить московскую крепость. Известие об этом встречается только в Тверской летописи и носит характер поздней вставки, тем более что князь, по словам более древней Ипатьевской летописи, почти весь год провел в Киеве: поэтому некоторые ученые вообще считали дату неверной и полагали, что крепость строил сын Юрия князь Андрей. Однако, как пишет исследователь истории Древней Руси В.А. Кучкин, Юрий Владимирович все-таки мог быть в 1156 г. в Москве, так как в Ипатьевской летописи нет сведений о том, где был князь как в начале года, так и с его середины до зимы следующего – следовательно, он вполне мог быть в Москве в 1156 г. и руководить строительством тамошней крепости.

Где же были первые укрепления Москвы? Слова «на устии же Неглинны выше реки Аузы» означают, что они находились выше по течению Москвы-реки относительно впадения Яузы, а именно у устья речки Неглинной, то есть на Боровицком холме, который прекрасно подходил под строительство крепостных стен. Он был тогда значительно круче, чем теперь, обе реки – и Москва и Неглинная – защищали его с южной, западной и северо-западной сторон, а с восточной был выкопан ров и насыпаны валы.

Основные источники достоверных сведений о древней Москве – археологические раскопки, но они ведутся от случая к случаю, когда позволят власти, как правило, в спешке: над учеными нависает ковш экскаватора. Обстановка для планомерных археологических исследований в Кремле еще хуже: кремлевские чиновники и охранники далеки от научных интересов и не заинтересованы в выяснении неизвестных страниц русской истории. Нередко случалось так, что на территории Кремля строились какие-то сооружения («объекты»), и можно только предполагать, сколько ценнейших свидетельств прошлого исчезли навсегда.

И тем не менее археологи совершили немало выдающихся открытий, существенно прояснивших многие этапы ранней истории Москвы.

Так, археолог Н.С. Шеляпина обнаружила материальные свидетельства бытования на Боровицком холме дьяковского поселения, датированного второй половиной 1-го тысячелетия до н. э. и существовавшего еще в первые века нашей эры. Оно располагалось на бровке холма, примерно там, где теперь стоит Архангельский собор. При строительстве Дворца

съездов выяснились детали планировки древнего Кремля и была найдена уникальная деревянная конструкция крепления оборонительного вала, состоящая из дубовых бревен, соединенных поперечными лагами с крючьями, которые препятствовали его разрушению. Такая конструкция, называемая «хаковой» (от польского слова *hak* – «крюк»), применялась в польских крепостях – возможно, что в возведении московской крепости участвовали европейские мастера или же горододельцы из Киевского или Владимиро-Волынского княжества. На укрепленном таким образом валу, вероятно, стоял уже не частокол, а деревянные трехстенные срубные стены с бойницами. В стене, возможно, были и две проездные башни – одна к востоку, в равнинную сторону, к поселку у укрепленных стен, а другая – к реке Неглинной. Укрепления 1156 г. защищали резиденцию феодального властителя, при которой на территории современного Зарядья и у Красной площади располагался посад, поселок крестьян, ремесленников, торговцев.

Очертания московской крепости второй половины XII в., по мнению многих исследователей, напоминают неправильный овал площадью около 3 га (современная площадь Кремля – 28 га); линия крепостных укреплений шла от нынешней Троицкой башни до устья реки Неглинной, далее параллельно берегу Москвы-реки до теперешней Тайницкой, поворачивала на северо-запад по дуге, включая Соборную площадь, и возвращалась к Троицкой башне.

Крепость была защищена рвом шириной 16–18 м и глубиной около 5 м, а также валом, на котором могли стоять деревянные стены. Внутри крепости археологи обнаружили остатки деревянных срубов, водосточные дренажи, мостовые, которые делались не только из продольных бревен, но и из... челюстей и плоских костей крупного рогатого скота.

Впервые слово «кремль» в истории Москвы появилось сравнительно поздно – так городская крепость была названа в 1331 г. в рассказе Воскресенской летописи о случившемся тогда пожаре, то есть почти через 250 лет после основания города: «В лето 6839 (это летосчисление «после сотворения мира», которым пользовались на Руси до реформы Петра I в 1700 г. – *Авт.*), месяца Маиа 3, бысть пожар на Москве, погоре город Кремль». Надо сказать, что к этому же событию относится и известие другой летописи, в которой крепость была названа Кремником: «Въ лето 6839 месяца Маиа въ 3, на память святого мученика Тимофея и Мавры, бысть пожар на Москве, и погоре городъ Кремникъ», а, скажем, в сообщении об огромном пожаре 1365 г. опять пишется «кремль»: «Того же лета загореся город Москва от Всех Святых сверху от Черторьи, и погоре посад весь и Кремль и Заречье, бысть бо тогда засуха велика, еще же и буря велика к тому вста». В изложении нападения литовского князя Ольгерда в 1367 г. крепость постоянно называется «градом кремлем» («Князь же великий повели около града кремля посад пожещи примета ради»; «Олгерд же стоял около города три дни и три ночи, останокъ загорода все поже, многы церкви и многы монастыри пожегл и отъступи от града, а града кремля не взял и поиде прочь, възвратися въсвои»).

Происхождение слова «кремль» не выяснено: существует множество версий, большинство которых не выдерживают критики. Одна из них, высказанная в 1873 г. палеологом А.М. Кубаревым, предполагает, что название произошло от греческого слова «кримнос», что означает «крутизна, крутая гора над берегом». Слово это могло быть занесено в Москву священнослужителями, приехавшими с греком митрополитом Феоностом, но вряд ли греческое слово получило широкое распространение на Руси, чтобы его применяли везде для названия внутренней крепости.

Вторая версия, выдвинутая известным филологом Я.К. Гротом в статье 1865 г. и довольно распространенная, но от этого не менее легковесная – от слова «кром», «кромка», о чем-то, находящемся на краю (что же такое в городе XIV в. стояло на краю?); по объяснению словаря русского языка XI–XVII вв., кром – это «внешнее городовое укрепление», что никак не может относиться к Кремлю.

Третья версия, также неубедительная, утверждает, что название дано от слов «кремлевый», «кремлевник», от диалектных слов, обычных не для Москвы, а для Архангельской губернии, обозначающих якобы хороший, крепкий лес. Это объяснение взято из словаря Даля, но вот знаток архангелогородских говоров объясняет это слово как «хвойный лес на моховом болоте» (*Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Императорская академия наук, 1885). Согласитесь, что хвойные деревья, выросшие на болотах и, по определению, слабые и хилые, использовать для возведения крепостей было бы странно, да и вспомним кремль Ивана Калиты, построенный из крепкого дуба. Необъяснимо то, что узкоспециальное архангельское слово «кремлевник» с XIV в. неожиданно стало применяться для обозначения деревянной крепости, а не ранее, ибо до этого времени слово «кремль» вообще не использовалось на Руси (а для обозначения крепостей применялось слово «детинец»).

Наиболее обоснованной представляется версия, предложенная в 1997 г. М.Г. Савицким, – от монгольского слова «керем», вошедшего в русский после татаро-монгольского нашествия, что значит крепость, укрепление. От него появилось прилагательное «керемель» – древнерусский суффикс прилагательного – ль, образованный от имен существительных, как видно, имел широкое распространение: безумник-безумль (безумный), ЯрославЯрославль (ярославский) и др. Соответственно, керем (укрепление) – керемль (укрепленный), в речи превратившийся в более удобное «кремль». Надо сказать, что сначала слово «кремль» было прилагательным, так что слова летописи «град кремль» для читателя были понятны как «поселение (град) укрепленное (керемель, кремль)». Со временем прилагательное «кремль» субстантивировалось (что является характерным в развитии языка), то есть превратилось в существительное, и как имя существительное распространилось по Руси. Встречающееся в летописи слово «кремник» не происходит от какого-то «кремня», а является стяжением, суффиксальным образованием, возникшим в разговорном языке и проникшим в летописный текст. Важно также подчеркнуть, что слово «кремль» появилось только в XIV столетии, до этого времени для обозначения крепости применялось слово «детинец». Эта версия отличается от других тем, что она объясняет и его происхождение, и развитие, и связь слова с историческими условиями середины XIV в. на Руси.

Деревянные стены крепости, впервые упомянутой в летописи под 1156 г., конечно, неоднократно возобновлялись – так, например, известно, что через двадцать лет после их постройки – в 1179 г. – Москва была сожжена рязанским князем Глебом Ростиславичем: «Глеб же тоа осени иде к Москве и пожже Москву всю, город и села». Конечно же серьезно пострадала крепость и при нашествии войск Батые в зиму 1237/38 г., когда «татарове поидоша к Москве и взяша Москву и воеводу убиша Филипа Нянька за правоверную веру крестьяньскую, а князя Владимира, сына Юрьева, руками яша, а люди избиша, от старець и до младенець, и много именья взяше отъидоша». При московском князе Данииле Александровиче – сыне Александра Невского – стены видели монголов, разоривших город в 1293 г. под водительством хана Дюдены, который «много пакости учиниша христианом, и много градов поимаша... и всю землю пугу сотвориша»; а также в 1305 и 1307 гг. – во время феодальных распрей от нападавших войск князя Михаила Ярославича Тверского. Однако тверские рати «града не взя и, не успев ничто же, возвратися», хотя бой «бысть силен».

При князе Данииле небольшая окраинная сторожевая крепость Москва превратилась в столицу удельного княжества. Город, однако, никак не соответствовал своему новому положению. Иван Калита существенно изменил Кремль: на бровке холма над Москвой-рекой был построен новый деревянный княжеский замок, и, таким образом, в это время – в середине XIV в. – определилась конфигурация застройки парадной части Кремля. В 1339 г. возвели новую крепость «в едином дубу», то есть только из дубовых бревен. Удивительно, что такое немалое строительство заняло очень короткое время – по Воскресенской летописи, 25

ноября заложили, «да срублен быть тое же зимы, в великое говенье»: тогда Великий пост начинался 8 февраля 1340 г. (по старому стилю) и, таким образом, возведение крепости продолжалось около трех-четырех зимних месяцев.

По площади Кремль Калиты занимал примерно две трети современного. Вероятно, новые укрепления представляли собой две параллельных деревянных стены, связанные поперечными срубами, между которыми плотно набивалась земля и камни, а снаружи стены обмазывались глиной. По верху стены, между круглыми и четырехугольными башнями (их число и размещение неизвестны), шел навес. Длина стен составляла 780 сажень, то есть 1670 м. Возведение крепостных стен было итогом жизни московского князя Ивана Даниловича, умершего в 1340 г.

Эти стены защитили Кремль, где гордо высились новые каменные соборы и церкви, построенные князем со сказочной быстротой. Так, в 1327 г. построили Успенский собор, главный московский храм и место захоронения митрополитов и патриархов, в 1329 г. – церковь Иоанна Лествичника «иже под колоколы», в 1330 г. – Спасскую церковь у княжеского двора, в 1333 г. – собор Михаила Архангела, княжескую усыпальницу, где похоронили и самого храмоздателя. Можно предположить, что некоторые церкви строились на месте стоявших там и ранее деревянных храмов. Хотя все эти храмы были небольшими, но такое интенсивное строительство свидетельствовало о немалых богатстве и амбициях московского князя. Конечно, Москва не могла еще сравниться с великолепным Владимиром, но все-таки стала большим и богатым городом.

Возведение каменных храмов при Иване Калите обуславливалось и тем, что он понимал важность поддержки его русской церковью в лице митрополита Петра. Именно Петр заложил московский Успенский собор, где и был похоронен, а после кончины его объявили святым – первым в ряду русских митрополитов – и ему приписали пророчество о будущем Москвы. Он якобы обратился к князю Ивану: «Если послушаешь меня, сын мой, то и сам прославишься более иных князей с родом твоим, и град твой будет славен между всеми городами русскими, и святители поживут в нем, и кости мои здесь положены будут». Преемник Петра митрополит Феогност, который «был самым усердным помощником князей московских в достижении ими своих стремлений», уже совсем перенес кафедру из Владимира в Москву.

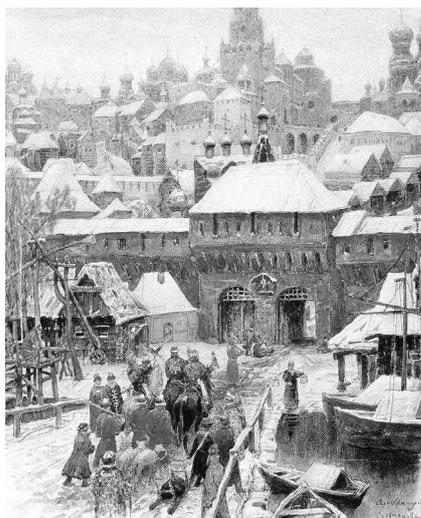
Через четыре года после постройки дубовой крепости, в 1343 г., при сыне Ивана Калиты князе Симеоне Гордом сгорело 28 церквей, а в 1354 г. сгорел и сам Кремль с 13 церквями в нем – это говорит о том, как вырос город. Стены крепости простояли недолго – через 25 лет после смерти Ивана Калиты, в 1365 г., в Москве случился большой пожар, названный Всесвятским, так как он начался у церкви Всех Святых – «погоре посад весь, и Кремль, и Заречье, бысть бо тогда засуха велика, еще же и буря велика к тому вьста, и меташа за 10 дворов головни и берня с огне, и не бе лзе гасити, в едином бо месте гасяху, а в десяти загорашася...», и кремлевские стены разрушались.

В тревожное время, когда Москва участвовала в непрерывных раздорах и войнах то с Ордой, то с Тверью, то с Литвой, то с Рязанью, оставаться без защиты стен было невозможно. По совету старейших бояр и «погадав с братом своим с князем с Володимером Андреевичем», внук Ивана Калиты, князь Дмитрий Иванович, «сдоумаша ставити город камен Московоу», то есть строить новые крепостные стены, но теперь не деревянные, а белокаменные: «...да еже оумыслиша, то и сътвориша. Тое же зимы повезоша камение к городу». Зимой 1366 г. заготавливали камень, вероятно из ближних дорогомилловских или дальних мячковских каменоломен, и свозили его в Москву, а весной 1367 г., то есть немногим более чем через год, начали постройку. Возведение крепости в такой сжатый срок требовало усилий всех москвичей и жителей княжества. Это была огромная по тому времени работа, которую могло позволить себе только богатое и сильное государство – по современным расчетам,

лишь на основных строительных работах трудились ежедневно не менее 2 тысяч человек. Сооружение мощной каменной московской крепости имело большое значение – опираясь на возросшую военную силу, московский князь мог диктовать свою волю соседним княжествам. Как записал летописец Тверского княжества, соперника Москвы, «на Москве почали ставити город камен, надеяся на свою великую силу, князи Русьскыи начаша приводити в свою волю, а которыи почал не повиноватися их воле, на тых почали посягати злобою».

По сравнению с крепостью Ивана Калиты новая крепость значительно расширилась на северо-восток и восток, и, за исключением дальнего северо-восточного угла, она стала почти равной современной, и более того, современные стены Кремля возведены в основном на фундаментах (с небольшими отступлениями) стен Дмитрия Донского.

Общая протяженность стен нового Кремля составляла около 2 км. Точное число башен неизвестно, но можно предположить, что в крепости было пять проездных: Фроловская, Тимофеевская, Чешкова, Боровицкая и Никольская. Названия некоторых кремлевских башен могут свидетельствовать о том, что за их постройку отвечали и, возможно, ее финансировали богатые бояре. Так, нынешняя Тайницкая башня называлась Чешковой по московскому боярину Даниилу Чешко, а Беклемишевская называлась Тимофеевской – по Тимофею Воронцову-Вельяминову. Только три башни были проездными и вели к посаду с восточной стороны, что указывает на его значительное развитие.

А. Васнецов. Московский Кремль при Дмитрии Донском. Акварель

Огромное сооружение из белого камня настолько поразило воображение современников, что с тех пор – с середины XIV в. – закрепилось за Москвой прозвание Белокаменная. В «Повести о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича», прославлявшей героя Куликовской битвы, о нем было сказано, что князь «град свой Москву стенами чудными огради и во всем мире славен бысть».

Уже в 1368 г. (надо думать, что к этому времени крепость была закончена) белокаменные стены противостояли грозному литовскому князю Ольгерду, знаменитому тем, что «многы земли поимал, но толма (не только) силою, елико (сколько) уменьем воеваше», и, как летописец посчитал нужным передать нам, был он лучше многих, «бе бо вина и меду не пиа». Он скрытно и быстро подошел к Москве, где князь Дмитрий вместе с митрополитом и боярами засел в осаде. Велев поджечь посад, три дня стоял Ольгерд перед новой московской крепостью; опустошил всю округу, угнал скот, увел множество пленников, но Кремль взять не смог. Второй раз он подошел к стенам Кремля в декабре 1370 г., где и на этот раз заперся

князь Дмитрий, но, узнав, что недалеко собираются московские полки, Ольгерд запросил мира.

И еще раз при великом князе Дмитрие Кремль подвергся нападению, однако оно на этот раз не окончилось столь благополучно. Дело в том, что, несмотря на победу на Куликовом поле, Московское княжество отнюдь не освободилось от золотоордынской зависимости, и через два года после битвы хан Тохтамыш двинулся на Москву с целью наказать своевольного данника. Дмитрий на этот раз уехал из города, за ним засобирались его княгиня и митрополит Киприан. Недовольные москвичи едва выпустили их, правда предварительно ограбив. Тохтамыш подошел к стенам, попытался взять их приступом – «три дня биахуся», но был отбит и только хитростью, обманув осажденных, ворвался в Кремль. Все было сожжено, сгорели тысячи книг, снесенных под защиту стен, погибло много жителей города, и, как эпически повествует летописец, «бьяше тогда видети в граде плач, и рыдание, и выпль мног, и слезы, и крик неутешаемый, и стонание многое, и печаль горкаа, и скорбь неутешимаа, беда нестерпимаа, нужда ужаснаа, и горесть смертнаа, страх, и ужас, и трепет, и дряхлование, и срам и посмех от поганых христианом». Как заметил известный историк И.Е. Забелин, «неизобразимые ужасы Тохтамышева нашествия надолго оставили свои страшные следы в том безграничном трусливом опасении, с каким потом Москва встречала каждый татарский набег».

После страшных разрушений, причиненных Тохтамышем, после нескольких опустошительных пожаров Москва опять постепенно начала застраиваться. Конечно, прежде всего жители поставили деревянные избы, но уже в 1389 г. в первый раз упоминаются новые каменные здания: тогда возвели церковь Афанасия и Кирилла в Кремле. Там же вдова великого князя Дмитрия Донского Евдокия начала строить в 1393 г. каменную церковь Рождества Богородицы, заменившую церковь Воскресения Лазаря, которая «была мала древяна». Она же смогла украсить ее «иконами, и книгами, и сосуды», а через два года (в 1395 г.) церковь расписали греческий иконописец Феофан и Семен Черный с учениками. Еще при Дмитрие Донском в Кремле на месте Ордынского двора митрополит Алексей основал в 1365 г. Чудов монастырь.

В 1408 г. белокаменный Кремль выдержал осаду ордынского князя Едигея. Опять москвичи, предварительно снеся весь посад, чтобы было способнее стрелять в осаждавших, заперлись в крепости, и опять, как раньше его отец Дмитрий Донской во время набега Тохтамыша, великий князь Василий Дмитриевич «отъеха в борзе», то есть быстро, поспешно покинул Москву. Едигей не решился пойти на приступ города, отошел от него и, расположившись лагерем в Коломенском, приказал тверскому князю идти к Москве «с пушками, и с тюфяки, и с самострелы, и с всеми сосуды градобийными». Едигей, однако, не дождался ни его, ни «сосудов», а вместо того получил известие из Орды, заставившее его срочно вернуться туда. Но он успел вытребовать от москвичей «окупа», а они, «не ведуща бывшаго», то есть ничего не зная о событиях в Орде, собрали 3 тысячи рублей и отдали разбойнику, ушедшему не только с этой огромной суммой, но и с «множеством полона».

В первой половине XV в., во время феодальной войны между Василием II, внуком Дмитрия Донского, и его родственниками, в Кремле конечно же ничего не строилось. Только после победы Василия II, ослепленного своими врагами и потому прозванного Темным, строительство в Москве возобновилось, и летописи почти каждый год полнятся сообщениями о новых зданиях, и, что важно отметить, каменных. Так, летом 1450 г. боярин Владимир Ховрин возвел на своем кремлевском дворе у Воскресенского монастыря каменную церковь Воздвижения, и тогда же митрополит Иона начал строить каменную палату с Ризоположенской церковью; в 1458 г. на подворье Симонова монастыря у Никольских ворот соорудили каменное здание церкви Введения, а через год митрополит Иона пристроил к Успенскому собору придельный Похвальский храм в честь отражения нападения татар, которые «похва-

лився на Русь пошли»; еще через год летописец записал, что на другом подворье – Троице-Сергиева монастыря – его игумен воздвиг Богоявленский храм.

В 1461 г. у Боровицких ворот построили каменную церковь Рождества Иоанна Предтечи вместо деревянной, о которой летописец записал, что «глаголют же, яко то пръваа церковь на Москве». Несколько позже случилось весьма знаменательное событие – летопись сообщила о том, что не князь, не боярин, не церковный иерарх, а купец возвел «кирпичные» палаты. В 1471 г. купец Таракан (надо думать, из богатых купцов Таракановых, имевших позднее дом в Китай-городе) построил у Фроловских (Спасских) ворот свой дом: «единого лета и сведе».

Великому князю Василию наследовал его сын Иван III, долголетнее правление которого – с 1462 по 1505 г. – было отмечено важнейшими событиями в истории Москвы и Кремля. Государство оправилось от потрясений внутренних и внешних, и великий князь мог начать грандиозное строительство в своей резиденции. Такого еще не было на Руси: на протяжении почти 45 лет продолжалось возведение различных строений – от огромной по всем меркам крепости, а также церковей и дворцов и до самых разных хозяйственных зданий. Первым стал достраиваться собор Вознесенского монастыря, где хоронили великих княгинь. Его заложили еще в 1407 г., но много десятилетий он стоял неоконченным из-за «многих же пожарех». Предполагалось снести обгорелые своды и стены и возвести их заново, но за дело взялся зодчий Василий Ермолин, один из малоизвестных сейчас русских мастеров, настоящий человек эпохи Возрождения, обладавший многими талантами: скульптора, мастера-строителя, архитектора.

Он сумел оставить стены, и «горелъи камень весь обламаша, и своды двигшееся разобраша, и оделаша ея около всю новым камнем да кирпичем ожиганым, и своды сведоша, и всю съвръшиша, яко дивитися всем необычному делу сему». Митрополит Филипп освятил собор 3 ноября 1467 г. Тогда же Архангельский собор обстраивается небольшими деревянными обетными храмами, но главной заботой и князя и митрополита был Успенский собор, простоявший со времени князя Ивана Калиты и пришедший в ветхость. Собрали деньги, пригласили мастеров, 30 апреля 1472 г. совершили закладку и к весне 1474 г. собор вывели до сводов, но 20 мая стены его порушились. Новый собор возводил итальянский зодчий Аристотель Фиораванти.

Однако самым крупным строительством в Кремле было возведение кирпичных крепостных стен вместо изрядно обветшалых белокаменных времен Дмитрия Донского. Они неоднократно поправлялись, чинились, прикрывались деревянными заплатами, которых было так много, что один из иностранных путешественников записал, что кремлевские стены построены из дерева. В особенности пострадал Кремль в пожар 1445 г., когда 14 июля «загореся град Москва (внутри города, то есть в Кремле. – *Авт.*) в ноци и выгоре весь, яко ни единому древеси на граде не остатися, но и церкви каменные распадашася, и стены градные каменные падоша в многих местех, а людей множество изгоре...».

В 1451 г., когда ордынский царевич Мазовша приступил к Москве, оказалось, что во многих местах «нестъ крепости каменяя». Летописи и позднее сообщают о повреждении крепости: в 1473 г. «огоре градная кровля, и приправа вся городная», в 1479 г. при пожаре «бяху бо поварни за градом под стеною градною, и загореся поварни те, и от того кровля градная загореся».

Мысль о крепостных стенах конечно же занимала Ивана III. Сразу после восшествия на трон он занялся их поправлением. В 1462 г. великий князь указал перестроить стены на участке от Боровицкой до Свибловой башни. Руководил этим тот же Ермолин.

Однако совсем другой размах получили работы в Кремле после женитьбы Ивана III на племяннице императора Византии Зое Палеолог. Тогда Кремль в основном и приобрел современный вид.

Отец Зои, правитель провинции Морья (на полуострове Пелопоннес в Греции), брат последнего византийского императора Константина, Фома Палеолог, после падения империи бежал в Италию, где его гостеприимно встретил папа римский. После смерти Фомы заботу о Зое взял на себя ее опекун, кардинал Виссарион, радевший о восстановлении Византийской империи и воссоединении православной и католической церквей: он участвовал во Флорентийском соборе, где была одобрена «уния», то есть союз между двумя церквями. Виссарион пользовался в Италии большим влиянием и даже претендовал на избрание папой. Он был выдающимся ученым и способствовал знакомству Италии с греческой культурой; свою большую библиотеку завещал Венеции при условии свободного доступа. Виссарион понимал, что привлечение Русского государства к борьбе против турок может быть решающим для восстановления Византии, и непосредственно содействовал заключению брака Зои с русским великим князем. В 1469 г. в Москву прибыл грек Юрий с грамотой от кардинала Виссариона, в которой дочь морейского правителя Зоя Палеолог предлагалась в невесты. Великий князь, посоветовавшись с матерью, митрополитом Филиппом и боярами, отправил в Рим посла с поручением посмотреть предполагаемую невесту. Обратный привез ее согласие и портрет. Царевна, по словам очевидцев, была очень полной, невысокого роста, с красивыми глазами и удивительной белизной кожи, но, правда, внешние данные в этом политическом браке не играли главной роли.

Обсудив все еще раз, Иван отправил посольство с окончательным согласием на брак. Там, в Риме, в соборе Святого Петра в исключительно торжественной обстановке состоялось обручение Зои с великокняжеским уполномоченным, а затем она отправилась в неведомую страну. Путешествие длилось четыре месяца: сначала на север, к Балтийскому морю, потом на корабле к русским берегам. 12 ноября 1472 г. Зоя Палеолог въехала в Москву. Ее привезли в церковь под благословение митрополита, потом в хоромы матери великого князя, где жених и невеста впервые увидели друг друга. После обручения состоялось венчание в деревянной временной церкви, поставленной посреди строящегося Успенского собора. Итак, византийская принцесса Зоя Палеолог стала московской великой княгиней Софьей Фоминичной.

С появлением Зои Палеолог в Москве облик и обычаи великокняжеского двора значительно изменились: теперь уже никто и помыслить не мог обращаться к Ивану III со «многими поносными и укоризненными словами», как было возможно еще недавно. Существенно большее внимание уделялось пышности, богатству, церемонному этикету, появились придворные чины, был принят герб – двуглавый орел, который, согласно последним исследованиям, заимствовали из герба Священной Римской империи. Великий князь рассматривался как прямой преемник римских императоров и единственный охранитель истинной веры.

Теперь Кремль – резиденция наследника славы Византии и оплот православия. Однако лабиринт его узких улиц и проходов между многочисленными мелкими дворами, где виднелись небольшие каменные и деревянные храмы, окруженные кладбищами, совершенно не соответствовал новому значению Кремля. По словам историка В.О. Ключевского, «почувствовав себя в новом положении и еще рядом с такой знатной женой, наследницей византийских императоров, Иван нашел тесной и некрасивой прежнюю кремлевскую обстановку, в какой жили его невзыскательные предки».

Новая роль Москвы поставила на повестку дня сооружение современных, отвечающих притязаниям московских государей представительных зданий, и в первую очередь в великокняжеской резиденции в Кремле. Вероятно, по совету Софьи Иван III задумал широкую, невиданную еще программу кардинальной перестройки. Вслед за заморской царевной выписали и заморских зодчих. В Москву прибыл Аристотель Рудольфо Фиораванти (Фиораванти дель Альберти, называвшийся в летописях Аристотелем «за его хитрость»), за ним последовали Марк, Пьетро Антонио Солари, Петр-Франциск, Алоизио да Каркано (Алевиз

Старый), Алоизио Ламберти да Монтаньяна (Алевиз Новый), Бон и Петрок Малый. Их звали фряжинами, то есть иностранцами.

Об Аристотеле известно более всего: он родился в 1415 г. в Болонье в семье потомственных зодчих, его имя становится известным в Италии благодаря крупным инженерным работам: укрепление и передвижка зданий, выпрямление башен, прокладка каналов. Он же умел изготавливать монету, делать кирпич, возводить мосты и крепостные башни, отливать пушки.

Приезд Аристотеля Фиораванти был занесен в летопись под 1474 г.:

«Тое же весны, месяца марта 26, на Велик день, пришел из Риму посол великого князя Семен Толбузин, а привел с собою мастера муроля, кой ставит церкви и полаты, Аристотеля именем, такоже и пушечник той нарочит, лити их и бити, и колоколы и иное все лити хитр велми». Новоприезжий мастер уже через три недели после поездки во Владимир приступил к первой работе: «...а 17 апреля мастер Венецейской Аристотел начят разбивати церкви Пречистыя не падшиа стены новыа, и разби того дни два столпа, да и предние двери, и стены предние разби много». Разобрав в короткое время старую постройку, он приступил к возведению новой: Успенский собор был выстроен им в 1477 г. и через два года освящен.

В обновлении Кремля самую важную роль играло строительство крепости, шедшее одновременно с возведением десятков сооружений внутри ее. Иван III обладал большой реальной властью и крупными денежными материальными ресурсами, которые особенно увеличились после ограбления богатого Новгорода: как отметил летописец, «поимал князь великы болших боярь Новгородских и боярынь, и казны их и села все велел отписати на себя, а имъ подавал поместья на Москве под городом, а иных боярь, которые коромолу дръжали от него, тех велел заточити в тюрьмы».

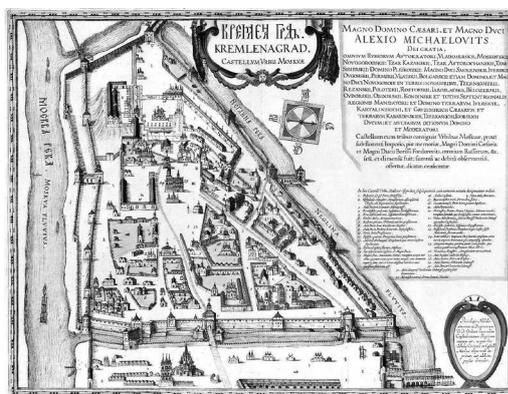
Иван III решил создать для себя и своего двора соответствующую новому положению великолепную резиденцию, которая свидетельствовала бы о его величии, могуществе и богатстве. Так, начиная с 1485 г., на протяжении 10 лет, за исключением перерыва, вызванного огромным пожаром 1493 г., велось возведение крепостных стен Кремля. Есть основания считать, что общий план перестройки или, вернее, постройки Кремля был продуман и составлен заранее, и можно предположить, что Аристотель Фиораванти был одним из авторов этого плана.

Строительство новой крепости, которое подгонялось возможной войной с ордынским ханом Ахматом, началось с южной, речной стороны, откуда чаще всего появлялись вражеские рати. Первой заложил Тайницкую башню в 1485 г. итальянский мастер-горододелец фрязин Антон. В марте 1487 г. начали угловую Беклемишевскую башню, или, как говорили тогда, стрельницу, а через год, «месяца мая в 27 день, заложил Онтон фрязин стрелницу вверх по Москве, где стоала Свиблова стрелница, а под нею вывел тайник». Таким образом, речная южная сторона была укреплена раньше других стеной с тремя главными башнями – Тайницкой посередине, Беклемишевской и Свибловой на краях. В строительстве как Тайницкой, так и Свибловой башен, а также и прясел крепостных стен принимал непосредственное участие фрязин Антон, о котором известно совсем немного – есть не очень достоверные сведения, что он приехал в Москву в 1469 г. в составе посольства из Италии для переговоров о женитьбе Ивана III. Другая угловая башня – Беклемишевская – строилась зодчим Марком, известным также по постройкам внутри Кремля: Казенного двора, Набережной и Грановитой палат.

После строительства южной части перешли к возведению примыкающих к ней стен с запада и востока: в 1490 г. поставили Боровицкую башню и протянули стену от нее к Свибловой, а с востока поставили Константино-Еленинскую башню. Этим строительством руководил зодчий, работавший в Кремле более других иностранных архитекторов, Пьетро Антонио Солари, которого звали в Москве «Петр архитектон фрязин» – такого названия,

«архитектон» (то есть архитектор), не удаивался ни один из итальянских зодчих в Москве ни до него, ни после. Солари приехал в Москву в начале 1490 г. вместе с учеником и целой группой мастеров. Он происходил из известной в Северной Италии семьи строителей и скульпторов и принимал участие в постройках в Милане и Павии, его называли обладателем «божественнейшего таланта». В 1491 г. он продолжал возводить восточную сторону крепости, достраивая заложенные Марком Фроловскую и Никольскую стрельницы, и в следующем году строил прясла стен по восточной стороне, а также «стрелницу новую над Неглимною с тайником» – здесь речь идет об Угловой Арсенальной башне с колодцем в ней.

Следовательно, к этому времени самые опасные части крепости были уже готовы, и осталось замкнуть кольцо укреплений со стороны Неглинной. Пьетро Солари умер в ноябре 1493 г., и после него в Москве не осталось опытных мастеров: тогда Иван III посылает в Италию еще одно посольство, которое привозит Алоизио да Каркано, ставшего в Москве Алевизом Старым.

План Кремля в эпоху Бориса Годунова

К той стороне, что шла вдоль реки Неглинной, пришлось приступить только через несколько лет, ибо работа на топких берегах Неглинной оказалась очень трудной: нужно было забивать много свай в зыбкое основание речного берега. Алевиз в 1495 г. строит в сложных условиях западную стену Кремля: «...заложиша стену градную камену на Москве возле Неглимны, не по старой основе, града прибавиша». Возможно, что в период между 1495 и 1499 гг. возвели на той же стороне Троицкую башню и таким образом замкнули все кольцо кремлевских укреплений, потратив на всю эту циклопическую стройку 14 лет. Однако только в 1516 г. закончилось сооружение всего комплекса укреплений Кремля, когда выкопали ров, соединивший Неглинную с Москвой-рекой, и возвели вторую стену вдоль ее северо-восточного участка, по нынешней Красной площади.

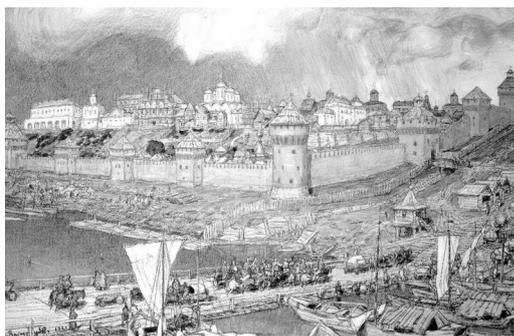
При возведении новых стен территория Кремля увеличилась ненамного: юго-восточный угол был придвинут ближе к Москве-реке, а северо-западный – к Неглинной, и вся линия стены приближена к ее берегу. Плотины на Неглинной образовали несколько прудов, также затруднявших подступ к стенам. В результате грандиозного строительства Кремль стал искусственным островом, сильнейшей в Европе крепостью, в плане представляющей неправильный треугольник, площадью около 28 га, со стенами общей длиной 2250 м, толщиной от 3,5 до 6,5 м и высотой в зависимости от рельефа от 5 до 19 м. На каждую сторону так называемого треугольника выходило по семь башен (включая угловые). Три башни имели предмостные укрепления с внешней стороны рва, из которых сохранилась только одна – перестроенная Кутафья башня. Всего же башен было восемнадцать – приземистые, грозные

и суровые, с нависшими бойницами, похожие на известные в Западной Европе ломбардские крепостные сооружения.

Стены, судя по зондажам, проведенным археологом М.Г. Рабиновичем, состояли из кирпичной облицовки, толщиной 80–85 см, сердцевины, заполненной блоками белого камня (возможно, от белокаменных стен времен Дмитрия Донского) и битым кирпичом с известью, толщиной почти 3 м. Эта забутовка прорезана сеткой-каркасом кирпичной кладки с шагом около 1 м. В результате создавалась прочная конструкция, способная противостоять ударам таранов и пушечных ядер.

Для того чтобы обезопасить Кремль от пожаров, по указу Ивана III убрали все строения за Неглинной на расстоянии 109 саженей от кремлевских стен (в некоторых книгах освобожденное место у стен Кремля почему-то называется плацдармом, то есть местом для размещения оружия, что никак не соответствует действительности), что было оценено многими весьма отрицательно, а в особенности разрушение церковей. Вот редкое, дошедшее до нас свидетельство выражения тогдашнего общественного мнения в устах архиепископа Геннадия: «А ныне беда стала земская да нечесть государская великая: церкви старья извечныя выношены из города вон... да еще паки сверх того и кости мертвых выношены на Дорогомилово, ино кости выносили, а телеса ведь тут остались... А гробокопателям какова казнь писана! а ведь того дня, что будет воскресение мертвых, не велено их с места двигнути... от Бога грех, а от людей сором». Насколько известно, архиепископ не заплатился за эту критику властей, но она и не имела никаких последствий: власти взяли да «выметали» церкви, и все тут.

Одновременно с возведением крепостных стен велось немалое строительство и внутри Кремля. В Чудовом монастыре между 1473 и 1476 гг. построили Алексеевскую церковь, в 1485 г. – церковь Ризоположения у митрополичьего двора, а на самом дворе – палаты в 1474 г., в 1480-х гг. – Богоявленскую церковь на Троицком подворье, а также трапезную палату и церковь Рождества Богородицы; на своих кремлевских дворах строили палаты бояре Василий Образец, Иван Голова и его брат Дмитрий Ховрин. Рядом с Успенским собором работали псковские мастера, заложившие в 1484 г. Ризоположенскую церковь, законченную через два года; они же строили новый Благовещенский собор на подклете прежнего храма, законченный в 1469 г.

Кремль при Иване Великом

Тогда же Иван III решил устроить для себя каменные палаты вместо деревянного дворца. В 1487 г. с западной стороны Благовещенского собора заложили великокняжеский дворец, строителем которого сначала был Марк-фрязин, а в дальнейшем Пьетро Солари. В составе великокняжеского дворца была Грановитая палата, законченная летом 1491 г. Сам дворец, представлявший собой живописный ансамбль нескольких зданий, закончили только в 1508 г. из-за огромного пожара, начавшегося 28 июля 1493 г. Тогда в Кремле сгорели дворы

великого князя и митрополита, церкви и многие строения: «...много бо тогда людем скорбь бысть, болши двою сот человек згоре людей, а животов бесчислено выгоре у людей; а все то погоре единого полудни до ночи. А летописец и старые люди сказывают, как Москва стала, таков пожар на Москве не бывало».

В связи с возведением дворца великого князя пришлось вывести из Кремля далеко за город древний Спасский монастырь, от которого осталась лишь небольшая церковь. В 1503 г. в Чудовом монастыре закончили каменную церковь Чуда Михаила Архангела.

Иван III не дожил до завершения многих своих замыслов – он умер в 1505 г., отказавшись принять перед смертью схиму, как обычно делали его предшественники да и преемники.

При сыне Ивана III Василии строительство в Кремле не прекращалось: с восточной стороны вдоль стен под руководством Алевиза-фрязина в 1508 г. начали рыть огромный ров: «Тоя же весны князь великий велел вкруг града Москвы ров делать камением и кирпичем и пруды чинити вкруг града Алевизу фрязину». Ров этот был глубиной около 8 м и шириной поверху 34 м; его наполняла вода из реки Неглинной. В 1505–1508 гг. итальянский архитектор Алевиз Новый построил большой Архангельский собор вместо старого и небольшого времен Ивана Калиты. Зодчий использовал традиционные формы, но декорировал их совершенно необычно: так, закомары он заполнил изящными резными белокаменными раковинами, которые с тех пор полюбились русским строителям, а снаружи опоясал собор открытой галереей на полуколоннах тосканского ордера и главный западный вход украсил перспективным резным порталом. Этому же архитектору принадлежит и монументальный собор кремлевского Вознесенского девичьего монастыря, а также три церкви – Николы Гостунского, построенная в 1506 г. на Ивановской площади, Рождества Иоанна Предтечи у Боровицких ворот – в 1509 г. и Рождества Богородицы в Сенях – в 1514 г.

Другой итальянский зодчий, о котором нам почти ничего не известно, – фрязин Бон – построил в 1505–1508 гг. колокольню, которая занимает центральное место в ансамбле Соборной площади Кремля. Он возвел первые два восьмерика знакомого нам сооружения, а пристройка к колокольне была произведена итальянским мастером Петроком Малым в 1539 г. Таким образом, в начале XVI в. композиционный центр Кремля – Соборная площадь – получил свое окончательное оформление и Кремль совершенно обновился.

При Иване Грозном в кремлевском подворье Троице-Сергиева монастыря возвели замечательную шатровую церковь во имя преподобного Сергия, а все подворье обнесли каменной оградой. Для царских детей Ивана и Федора царь в 1560 г. указал выстроить деревянные хоромы на бровке холма с каменной церковью Сретения, а над алевизовским подклетом построили так называемые Мастерские палаты, где создавали предметы царского обихода.

Со временем усложнялся управленческий аппарат, для которого с юга Ивановской площади, почти на бровке холма, в 1591 г. выстроили протяженное здание приказов, которое разобрали и построили заново в 1680 г.

Царь Борис Годунов тоже задумал грандиозное строительство в Кремле, где он предполагал выстроить огромный собор Всех Святых, для чего даже изготовили из золота модель его, украшенную драгоценными камнями, но смерть царя в 1605 г. остановила все работы. Как записал летописец, «и камень, и известь, и сваи – все было готово, и образец был деревяной зделан по подлиннику, как составляетца „Святая святых“, и вскоре его смерть застигла». В 1600 г. Борис Годунов надстроил Ивановскую колокольню до высоты 81 м. После его кончины наступило Смутное время, когда было не до солидных построек, когда «судьбами Божиими и за грех всего православного христианства Московское государство от польских и литовских людей разорилось и запустело... И от того Московского государства всяким людем скорбь конечная». В то время собирались все города прийти к Москве и бороться

против «злых разорителей», которые явились «на резанье христианское», против тех, кто «хочет государством Московским завладети, и веру христианскую попрасть, и всех православных христиан, конечно, хотят в плен и в расхищенье похитить».

С освобождением Москвы пришлось заняться государственным устройством, и только после выборов нового царя – Михаила Романова – стало возможным приступить к исправлению разрушений, нанесенных во время военных действий. В 1621 г. надстраивается Спасская башня, и там помещаются новые куранты, а в дальнейшем – уже в конце века, между 1672 и 1686 гг., – появляются шатровые верха и у других башен. О впечатлении, производимом кремлевскими башнями, свидетельствует знаменитый немецкий ученый и путешественник XIX в. Александр Гумбольдт: «Характер московской архитектуры непостижим. Громкие слова „византийский“, „готический“ совсем его не определяют... В Москве имеются башни наподобие ступенчатых пирамид, как в Индии и на Яве».

В 1624 г. у Ивановской колокольни появляется так называемая пристройка патриарха Филарета, на стене которой было написано, что она возводится царем Михаилом по совету патриарха. С умиротворением страны возводятся в Кремле роскошные здания для царской семьи. В 1635–1636 гг. на месте так называемой царицыной половины поднимается Теремной дворец, живописное сооружение с высокой расписной крышей и шатровыми крыльцами. С восточной стороны в комплексе дворцовых сооружений строятся также несколько церквей: в 1627 г. – Святой Екатерины, в 1635 г. – Верхоспасский собор и позднее – в 1681 г. – Распятская церковь. Все они получили общее завершение в виде одиннадцати глав, образующих три пятиглавия группы. В том же году с западной стороны возвели Богородичную церковь, от которой сейчас видна только ее глава.

Не только царский дворец перестраивается в XVII в. Патриарх Никон, который считал церковь и себя выше земной власти, построил в 1655 г. великолепный собор Двенадцати Апостолов рядом с перестроенными и увеличенными патриаршими жилыми палатами.

Новые моды, новые увлечения приходили в старозаветную Москву и проникали в оплот ее – Кремль. Царь Алексей Михайлович увлекался театром: для царской потехи приспособили бывшие палаты Милославских и назвали их Потешным дворцом по представляемым там театральным пьесам, «царским потехам».

В Кремле вводились более строгие правила посещения. Конечно, туда можно было войти всякому, но вот въезжать на лошади разрешалось только «старым подьячим», да и то до определенных заранее мест. Для них отводились «указные места», специальные «парковки», где надо было оставить лошадь с экипажем, а уж далее идти пешком.

Арсенал

Новое XVIII столетие началось для Кремля катастрофой: в 1701 г., который по повелению Петра I стали считать не от «сотворения мира», а от рождения Христа, Кремль охватил большой пожар, в котором сгорели его многочисленные деревянные здания, а каменные еще долго стояли неотделанными. Несмотря на то что Петр не любил Москву и перенес столицу на берега Невы, строительство в Кремле все же продолжалось: на месте сгоревших строений в 1702 г. начали возводить самое большое здание петровского времени – Цейхгауз, или Арсенал, предназначенный для хранения оружия и военного музея, законченный только в 1736 г.

После поражения русской армии под Нарвой существовала реальная опасность нападения Карла XII на Москву. Следовало принять меры для защиты города, и 6 мая 1707 г. Петр издает указ о его укреплении, и уже в начале следующего месяца приступили к работе, но до назначения царевича Алексея она шла довольно медленно. В начале следующего года Петр указывал: «Фартецию Московскую надлежит, где не сомкнуто, сомкнуть, буде не успеют со всем, хотя бруствером и полисадами; понеже сие время опаснейшее суть от всего года...» – и добавлял, что надо «всем здешним жителям сказать, чтоб в нужном случае готовы были все и с людьми, как уже указ дан, под казнию». Царевич Алексей, назначенный руководить работами, «изволили приказать боярам всякому по болверку, чтоб делали работные люди поскорее». В башнях тогда растесывали отверстия для установки больших пушек, а у стен и Кремля и Китай-города насыпались земляные укрепления – болверки от немецкого слова (bollwerk), которые так и назывались по фамилиям бояр: Голицынский, Бутурлинский, Салтыковский.

В течение первой половины XVIII в. в Кремле почти не строят, только время от времени поддерживаются некоторые здания. В опустошительный пожар 1701 г. сгорел и старый царский дворец, который долго стоял обгорелым, пока в 1722 г. к коронации жены Петра Екатерины I не были приготовлены две палаты – Грановитая и Столовая. После коронации дворец опять опустел; императрица Анна Иоанновна вместо починки дворца приказала построить небольшое деревянное здание у Арсенала и назвала Анненгофом. Императрица Елизавета Петровна, проведшая молодость в Москве, вдали от петербургского двора, приказала построить на месте старинных царских палат дворец по проекту архитектора графа В.В. Растрелли, который строил другой архитектор – князь Д.В. Ухтомский (по его рекомендации чуть было не снесли Теремной дворец, но вместо этого разобрали Столовую, Ответную, Золотую палаты). Он же возвел рядом с дворцом щедро украшенную Оружейную палату, снесенную через несколько лет для нового амбициозного проекта – теперь уже Екатерины II.

Самые большие разрушения (исключая, конечно, советское время) Кремль испытал именно при просвещенной Екатерине, которая затеяла почти полную его перестройку. Она поручила выполнить ее архитектору В.И. Баженову, считавшему, что необходимо «обновить вид сего древностию обветшалого и нестройного града» (прямо советский Каганович). Баженов представил проект подавляюще огромного здания – длиной более полукилометра, протянувшегося по южной стороне кремлевского холма. Позади его монотонного фасада скрывалось живописное разнообразие соборов, церквей, дворцов и палат. Эта постройка, по сути дела, уничтожала Кремль как древний общенациональный символ.

Поэт Г.Р. Державин откликнулся на претенциозную затею:

Прости, престольный град, великолепно зданье
Чудесной древности, Москва, Россий блистанье,
Сияющи верхи и горды вышины,
На диво в давний век вы были созданы,
Впоследни зрю я вас, покровы оком мерю

И в ужасе тому дивлюсь, сомнюсь, не верю.

В 1771 г. уже начали подготовку к строительству и первым делом сломали южную стену Кремля с несколькими башнями, здание приказов и много других сооружений. Однако через два года все остановилось – Екатерина отменила стройку. Причиной была непрочность грунтов для этого колосса – уже начал трескаться Архангельский собор, который пришлось укреплять массивными контрфорсами, а также финансовые затруднения в связи с войной с Турцией, в результате которой, как были предупреждены строители, «во всех казенных строениях будет убавка на деньги... а не минует того и Кремлевское». Удивительно, но будущий знаменитый историк Карамзин мечтал сломать Кремль: «Иногда думаю, где быть у нас гульбищу, достойному столицы, – и не нахожу ничего лучше берега Москвы-реки между Каменным и Деревянным мостом, если бы можно было сломать там Кремлевскую стену, гору к соборам устлать дерном, разбросать по ней кусточки и цветники, сделать уступы и крыльцы для всхода, соединить таким образом Кремль с набережною, и внизу насадить аллею. Тогда, смею сказать, московское гульбище сделалось бы одним из первых в Европе. Древний Кремль с златоглавыми соборами и готическим дворцом своим; большая зеленая гора с приятными отлогостями и цветниками; река немалая и довольно красивая, с двумя мостами, где всегда движется столько людей; огромный Воспитательный дом с одной стороны, а с другой длинный, необозримый берег с маленькими домиками, зеленью и громадами плотового леса; вдали Воробьевы горы, леса, поля – вот картина! вот гульбище, достойное великого народа! Тогда житель Парижа или Берлина, сев на уступе Кремлевской горы, забыл бы свой бульвар, свою Липовую улицу...» Иногда поражает слепота людей.

Попытки тотальной перестройки Кремля на этом не закончились – другой известный архитектор эпохи классицизма М.Ф. Казаков также представил свой проект. Он не был воплощен в жизнь, однако несколько крупных зданий было все-таки возведено. Одно из них – здание Присутственных мест, или Сенат, представительное сооружение с оригинальным планом в виде треугольника, с куполом, отмечающим великолепный парадный зал. Сенат построили в 1776–1787 гг. на месте дворов Белосельских и Трубецких, части монастырского Чудовского конюшенного двора, нескольких церквей и дворов государевых духовников.

Здание предназначалось для московских департаментов Сената, некоторых других учреждений, а также для собраний московского дворянства (тогда еще не было собственного дворянского дома с его Колонным залом в Охотном Ряду).

В 1775–1776 гг. также по проекту М.Ф. Казакова строился дом для архиепископа Платона (Левшина), впоследствии московского митрополита. Это было двухэтажное здание, закругленный угол которого с полуротондой, украшенной колоннами, выходил на Ивановскую площадь. Казаков также пристроил к Алексеевской церкви XVII в. Чудова монастыря совсем не подходящее к ней крыльцо в готических формах, которые тогда считались «древними».

В начале XIX в. Дворцовой канцелярией стал заведовать энергичный П.С. Валуев, который принялся наводить порядок в запущенном кремлевском хозяйстве. Он испросил у императора Александра разрешение на снос, получил его и разрушил в Кремле много старинных зданий, в числе которых были замечательные Гербовые ворота, Годуновский дворец, подворье Троице-Сергиева монастыря с прекрасной шатровой Сергиевской церковью и еще несколько древних сооружений. Как заметил историк И.Е. Забелин, «исчезало многое ветхое, но вместе с тем исчезало иное не ветхое, только потому, что оно уже не отвечало вкусам нового времени и представлялось только памятником грубой и неуклюжей деревенской старины».

На месте дворца Бориса Годунова в 1810 г. была построена Оружейная палата в стиле классицизма по проекту архитектора И.В. Еготова, который умело завершил ансамбль площади с Арсеналом и Сенатом.

Тогда же приступили и к ремонту кремлевских стен. Совсем ветхую Свиблову башню пришлось переложить в 1806 г. заново, а над Никольской башней возвели новый шатер, украшенный готическими деталями по проекту архитектора К.И. Росси. В 1809 г. этот же архитектор начал строить перед старинным собором Вознесенского монастыря церковь Святой Екатерины в том же готическом стиле, перекликающемся с декором соседней Спасской башни.

В 1812 г. обновленный Кремль едва не избежал полного разрушения. Наполеон, предводитель «двунадесяти языков», сборной армии из жителей завоеванных им стран Европы, вынужденный уйти из Москвы, вознамерился разрушить самое значительное ее сооружение – Кремль.

Саперы заложили мины и подожгли фитили, но начавшийся проливной дождь их намочил, некоторые заряды не взорвались, а другие москвичам удалось погасить, но все же были причинены большие разрушения. Один из московских жителей вспоминал: «...меня разбудил сильный толчок, и в то же мгновение вся Москва пришла в ужас от самого страшного взрыва, какой только можно себе представить. Разбиты окна, крики женщин, всеобщий испуг, невозможность найти убежище, страх быть раздавленным падающими домами – все это распространило повсюду ужас... почти через полчаса последовали два новых удара, но уже слабее первого; затем в меньшие промежутки было еще три взрыва, и этим все кончилось». Вот еще одно свидетельство очевидца: «Вдруг, должно быть уже за полночь, раздался взрыв в Кремле. Наш дом заколыхался, и вся мебель заходила. Мы себя не вспомнили от страха и бросались все из дома. Стоим мы среди двора и слова не вымолвим, еще в себя не придем, как загредел другой взрыв. Тут мы подумали, что пробил наш смертный час, и стали прощаться друг с другом. Помнится, что было еще три взрыва, и мы до самого разсвета просидели на дворе».

Оружейная палата Московского Кремля

Были подорваны башни с речной стороны крепости – Петровская, Первая Безымянная, Водовзводная, – и от взрывной волны свалилась верхушка соседней Боровицкой башни, разрушены северная часть Арсенала и прясло стены между Угловой Арсенальной и Никольской башнями, а у последней сорвало верх. Как передавал очевидец, между Угловой Арсенальной башней и Троицкими воротами он увидел «текущую беловато-серую, волнующуюся массу, которая в виде водопада с необыкновенным шумом низвергалась в бывший в то время ров». Это оказались бумаги кремлевских архивов.

Внутри Кремля пострадали Кремлевский дворец и Грановитая палата; взорваны звонница и Филаретова пристройка рядом с колокольней Ивана Великого, которая устояла.

Если можно было бы понять разграбление Кремля солдатами Наполеона или его желание получить в качестве трофеев статую Георгия Победоносца с купола Сената, двуглавого орла с Никольской башни и крест с Ивановской колокольни, то приказ Наполеона взорвать Кремль можно расценить как варварский и ничем не оправданный поступок дикаря:

Не будь Кремля – изрек злодей,
Но Кремль стоит священный;
Вспылал лишь древний дом царей,
Убийцей оскверненный.

В.А. Жуковский

Вот строки из донесения московского обер-полицмейстера Ивашкина от 16 октября 1812 г.: «Сего числа, в 12 часов пополуночи, прибыл я в Столицу, где нашел многия улицы, по распоряжению Господина Генерала-Майора Бенкендорфа от трупов людей и мертвых лошадей очищенными, и спокойствие водворено. Отправясь немедленно в Кремль, усмотрел я, что Арсенал от Никольских Ворот подорван, Грановитая Палата созжена, а Колокольня Ивана Великого осталась посреди окружающих ее колоколен, кои также подорваны, невредимою, крест же с оной снят и взят неприятелями».

Восстановление и ремонт Кремля длились долго – в течение 20 лет. Тогда отремонтировали разрушенные здания, изменили конструкцию и вид надстройки Никольской башни, переложили наружные поверхности кремлевских стен новым, специально изготовленным кирпичом, побелили стены, а вместе с ними Троицкую, Спасскую и Никольскую башни. В 1817 г. к приезду важных гостей – русского императора Александра I и прусского короля Фридриха-Вильгельма III – Кремль стали приводить в «порядок»: снесли старинную церковь Николы Гостунского, стоявшую на Ивановской площади недалеко от Спасских ворот, и устроили столь любимое сердцу правителей место – плац-парад.

В процессе восстановления и ремонта Кремля были выстроены и новые здания: так, напротив Потешного дворца возвели три Кавалерских корпуса, стоявшие рядом друг с другом по линии улицы, а также рядом и позади – еще несколько: Офицерский, Гренадерский, Кухонный и Синодальный.

Для расширения дворцовых помещений приобрели митрополичий дом у Чудова монастыря и надстроили его третьим этажом – с 1831 г. он стал называться Малым Николаевским дворцом.

Царский дворец также сгорел в 1812 г., и к приезду императора Александра I его пришлось не только восстанавливать, но надстраивать и расширять, что и было сделано по проекту В.П. Стасова в 1816–1817 гг. Это здание простояло до начатой по указу Николая I большой перестройки в духе официозной архитектуры, выразителем которой был его любимый архитектор Константин Тон, воплотивший представления императора об «истинной» русской архитектуре. Кремль был подвергнут безжалостной хирургической операции.

В 1838 г. началось возведение Большого Кремлевского дворца, продолжавшееся 10 лет: на бровке кремлевского холма выросло огромное монолитное здание, закрывшее собой живописный объем Теремного дворца, дворцовые церкви и собор Спаса на Бору, а из старинных зданий лишь Грановитая палата и Красное крыльцо по-прежнему выходили на Соборную площадь. Ящикоподобный, монотонный объем нового дворца заменил собой живописную группу разных строений, существовавших на этом месте с XVI в. Рядом с ним с 1844 по 1851 г. на месте Конюшенного двора строилось здание Оружейной палаты, близкой дворцу по отделке и масштабу, с такой же монотонной обработкой фасадов, где особенно непригляден цокольный этаж. Соединяет оба этих строения здание апартаментов.

Тогда же, и это вполне укладывалось в сознание преобразователей, разрушили древнюю церковь Рождества Предтечи, ведущую свою родословную от первой церкви, стоявшей в основанном Владимиром Мономахом городе. Как говорили, она мешала виду из Большого Кремлевского дворца, не сообразуясь с казарменной правильностью новых зданий, любезных взору царя. За церковь вступились ревнители старины, писали московскому митрополиту Филарету, но этот чиновник от духовного ведомства отказался от ее защиты.

После Николая I Кремль в течение второй половины XIX в. оставался, по сути дела, без перемен. Только уже в самом конце века на открытом месте, вдали от древних его строений, было решено поставить памятник царю-освободителю Александру II. Памятник возвели в 1890–1898 гг. на краю крутого склона холма в восточной части Кремля, против Малого Николаевского дворца, где родился император. Памятник представлял собой сложную композицию (архитектор Н.В. Султанов) из массивной высокой шатровой сени, под которой стояла фигура царя (скульптор А.М. Опекушин), с трех сторон ее обходила галерея на колоннах с 33 мозаичными медальонами русских князей, царей и императоров – от Владимира до Николая Павловича (художник П.В. Жуковский).

До большевистского переворота октября – ноября 1917 г. Кремль жил тихой жизнью, оживляясь только в редкие приезды императорского двора в Первопрестольную. Он был тогда духовным центром с самым почитаемым православным храмом – Успенским собором, где находилась и самая почитаемая икона – Владимирская Богоматерь, с двумя старинными монастырями, в одном из которых – Чудовом – хранились мощи святого митрополита Алексия. Кремль, часть города Москвы, был полностью открыт для всех желающих. Нельзя забывать, что Кремль и тогда являлся крупным музейным центром. Для того чтобы посетить императорские дворцы, надо было только взять бесплатный билет в Дворцовой конторе и также бесплатно осмотреть Синодальный дом с его богатейшей ризницей.

Однако в советское время все изменилось: с 1918 по 1955 г. Кремль был закрыт, да и теперь большая часть его недоступна для посещения и осмотра.

Взятие власти в 1917 г. в Москве проходило не так, как в Петрограде: в Москве нашлись здоровые силы, способные противостоять узурпаторам законной власти, которые только на восьмой день после ожесточенных боев, не останавливаясь перед самыми крайними мерами, одержали победу.

Как только было получено известие о взятии власти в Петрограде, их московские товарищи объявили об организации вооруженного восстания и отправили указания занять стратегически важные пункты города – телефон, телеграф, почтамт и др. Городской голова заявил, что Московская городская дума является единственно легитимной властью в городе и она, естественно, не подчинится противозаконным распоряжениям большевиков. В Москве сосредоточились запасные формирования, дисциплина была расшатана, офицеры не имели никакого авторитета, и большевики легко привлекли солдат на свою сторону. Одними из самых активных участников восстания были так называемые двинцы, дезертиры-правонарушители, переведенные из тюрьмы города Двинска в московскую Бутырскую и выпущенные оттуда.

Кремль находился сначала под властью большевиков, но 28 октября его комендант, не имевший связи со своим центром, открыл ворота для законных формирований, состоявших в основном из юнкеров и студентов. Юнкера вошли в Кремль, начали выводить солдат из Арсенала и разоружать их. В это время со стороны солдат, не сдавших оружие, раздались ничем не спровоцированные выстрелы – было убито несколько юнкеров, остальные в панике бросились бежать. Строй юнкеров рассыпался, и стоявшие позади и охранявшие их броневики и пулеметы были вынуждены открыть огонь по большевистским солдатам. Советские историки полностью исказили факты и представили дело так, что «невинных» солдат «зверски» расстреляли студенты и юнкера.

Миролюбивая позиция командира Московского военного округа полковника К.И. Рябцева (которая позднее послужила его обвинению и расстрелу белыми) отнюдь не могла способствовать обузданию бунтовщиков, и беспощадная война, продолжавшаяся до 2 ноября, развернулась на улицах города. Большевики пустили в ход орудия, в том числе тяжелые, разместив их на командных высотах. Они не остановились перед обстрелом Кремля: 31 октября мастерским тяжелой и осадной артиллерии была поставлена «боевая задача: обстрелять Кремль, для этого выбрать, занять позицию и немедленно приступить к обстрелу»; 1 ноября приказали «открыть рано утром огонь по Кремлю, заняв предварительно теми орудиями, какие стоят на Москве-реке, угол Волхонки и Моховой, а также место около большого Каменного моста». Командир артиллерийского расчета вспоминал, что «артиллеристы были восхищены выбором позиции... Кремль был виден как на ладони... словом, в любую точку без единого промаха можно было класть снаряды».

Сначала «Бюллетень военно-революционного комитета» сообщил, что «во время обстрела сильно повреждены Кремль, Чудов монастырь и Успенский собор», но вскоре большевики спохватились, заявив, что повреждения, нанесенные кремлевским памятникам, совершенно незначительны: «...ни одно здание, имеющее археологическую ценность, не разрушено до основания или хотя бы частью».

Представители противной стороны придерживались, однако, другого мнения.

Вот свидетельства очевидцев. Н.П. Окунев, простой москвич, дневник которого чудом уцелел и был издан в 1997 г., писал, что «в Кремль не пускают, но я уже видел страшные язвы, нанесенные ему кощунственными руками: сорвана верхушка старинной башни, выходящей к Москве-реке (ближе к Москворецкому мосту), сбит крест с одной из глав „Василия Блаженного“, разворочены часы на Спасской башне, и она кое-где поцарапана шрапнелью, наполовину разбита Никольская башня, и чтимый с 1812 г. за свою неповрежденность от взрыва этой башни французами образ св. Николая Чудотворца уничтожен выстрелами без остатка. Как же это щадили его татары, поляки и французы? Неужто для нас ничего святого нет? Должно быть, так. По крайней мере, я слышал, какой-то солдатишко, идя по Мясницкой, ораторствовал, „что там ихний Кремль, жись-то наша чай дороже“. Подумаешь, до чего может дойти русский мужик своим умом!.. В Кремле снаряды попали в Успенский собор, в Чудов монастырь, в церковь 12-ти Апостолов, в Малый дворец, и вообще, должно быть, пострадал наш Святой и седой Кремль больше, чем от нашествий иноплеменных». Известный искусствовед А.М. Эфрос по горячим следам писал, что «при бомбардировке не осталось нетронутым ни одно кремлевское сооружение: следы – от пулевых пробоин до снарядных зияний – есть на каждом. Меньше всех пострадал как раз наименее значительный в художественном отношении Большой Кремлевский дворец. Сильнее всего разворочен Чудов монастырь. Его стены, окна, крыльцо представляли сплошную рану. Стены пробиты насквозь, искрошены наличники окон, разбиты колонны крыльца; внутренние части монастырских помещений, главным образом архиерейские покои, чрезвычайно пострадали».

Митрополит Евлогий, участник Поместного собора 1917 г., выбравшего в Успенском соборе патриарха, вспоминал, что он увидел, выходя оттуда: «Когда мы вышли из собора, я удивился разрушению кремлевских церквей. Октябрьский штурм был беспощаден... Дыры на куполе Успенского собора, пробоины в стенах Чудова монастыря. Пули изрешетили стены собора Двенадцати Апостолов. Снаряды повредили соборы Благовещенский и Архангельский. Удручающая действительность... Веяние духа большевистской злобы и разрушения – вот что мы почувствовали, когда в высоком духовном подъеме вышли из Успенского собора... Полной радости не могло быть, только молитвенная сосредоточенность и надежда, что Патриарх, быть может, остановит гибельный процесс. По древнему обычаю после интронизации Патриарх должен торжественно объехать Кремль, благословляя народ. Эта процессия обставлялась когда-то с большой пышностью. Теперь патриарший объезд

Кремля являл картину весьма скромную. Патриарх ехал на извозчике с двумя архимандритами по сторонам; впереди, тоже на извозчике, – „ставрофор“, т. е. крестоносец, иеродиакон с патриаршим крестом. Несметные толпы народа при приближении Патриарха Тихона опускались на колени. Красноармейцы снимали шапки. Патриарх благословлял народ».

Даже один из большевиков – народный комиссар просвещения А.В. Луначарский – подал было в отставку при известии о бомбардировке Кремля, но «подвергся по этому поводу серьезной „обработке“ со стороны великого вождя (Ленина. – *Авт.*)». Между прочим, Луначарскому были сказаны такие слова «вождем пролетариата»: «Как вы можете придавать такое значение тому или другому старому зданию, как бы оно ни было хорошо, когда дело идет об открытии дверей перед таким общественным строем, который способен создать красоту, безмерно превосходящую все, о чем могли только мечтать в прошлом?»

М. Горький писал в те дни о захвате власти «бешеными догматиками, такими как Ульянов и Троцкий, которым безразлична судьба России. Они выбрали русский народ в качестве материала для своих социальных опытов». Умный и прозорливый наблюдатель ноябрьских событий в Москве, известный историк Ю.В. Готье записал в ноябре 1917 г. в дневнике: «Большевики везде взяли верх, опираясь на невежественных и развращенных солдат; трогательный союз пугачевщины с самыми передовыми идеями; союз этот не может дать благих результатов; но сколько ужасов, страданий и опустошений нужно, чтобы несчастный русский народ перестал убивать себя систематическими преступлениями и нелепостями?»

Святейший синод объявил 28 ноября 1917 г. во всех церквях России «сбор на восстановление и исправление кремлевских храмов, пострадавших во время междоусобной войны». Чем закончился этот сбор, сведений не осталось...

В следующем, 1918 г., спасаясь из «пролетарского» Петрограда, оказавшегося ненадежным, новое правительство во главе с Лениным тайно переехало в Москву. Троцкий вспоминал, что против этого решения восстали почти все ленинские соратники, но, как часто бывало, Ленин оказался прав. Оппозицию переезду «возглавлял Зиновьев, выбранный к этому времени председателем петроградского совета. С ним был Луначарский, который через несколько дней после октябрьского переворота вышел в отставку, не желая нести ответственность за разрушение (мнимое) храма Василия Блаженного в Москве, а теперь, вернувшись на свой пост, не хотел расставаться со зданием Смольного, как „символом революции“. Другие приводили доводы более деловые. Большинство боялось главным образом дурного впечатления на петербургских рабочих. Враги пускали слух, что мы обязались сдать Петроград Вильгельму. Мы считали с Лениным наоборот, что переезд правительства в Москву является страховкой не только правительства, но и самого Петрограда. Искушение захватить одним коротким ударом революционную столицу вместе с правительством и для Германии и для Антанты не могло не быть очень велико. Совсем другое дело – захватить голодный Петроград без правительства. В конце концов сопротивление было сломлено, большинство Центрального Комитета высказалось за переезд, и 12 марта (1918) правительство выехало в Москву».

Оно разместилось в уникальном по безопасности месте – Кремле, окруженном высокими стенами, хорошо охраняемыми латышскими стрелками. Избежав опасности быть остановленным в пути матросами, возмнившими себя хозяевами положения и остановленными только пулеметами латышей, охранявших поезд с беглецами, Ленин приехал 10 марта 1918 г. в Москву и, переночевав в гостинице «Националь» на углу Моховой и Тверской улиц, в полдень следующего дня появился в Кремле, где его, как оказалось, никто не ждал – настолько тайно был совершен переезд. Он тут же стал присматривать помещения для себя и своих соратников, осведомился, сохранились ли сокровища Оружейной палаты и царских дворцов, и на всякий случай приказал усилить охрану и даже озаботился подземными ходами, лично назначив трех человек, которым разрешил осмотреть их.

Тогда же начались ремонт Кремля, восстановление поврежденных обстрелом зданий и приспособление их для нужд новых хозяев. Здания заняли солдаты и чиновники, а так как новые хозяева передвигались только на автомобилях, конфискованных везде, где только было можно, их свезли в Кремль, где устроили три крупных автомобильных хозяйства: 1-й автобоевой отряд имени Я.М. Свердлова, гараж особого назначения (ГОН) и гараж военной школы имени ВЦИК. С того времени и до середины 1940-х гг. особым уважением большевиков пользовались американские автомобили марки «Паккард» с весьма характерным сигналом, который безошибочно узнавали москвичи, спешившие убраться с проездной части улиц, по которым проносились вереницы этих автомобилей. В Кремле, уникальном, музейном, священном месте, долгое время хранились большие запасы автомобильных топлива и масел, что могло быть постоянным источником губительных пожаров: «Хранение горючих жидкостей под общежитием курсантов школы имени ВЦИК, а в особенности бензохранилища Автобоевого отряда в основании памятника, вмещающего более 1000 пудов бензина, ежеминутно угрожает взрывом со всеми ужасающими последствиями такового, вплоть до взрыва всей территории Кремля». Бензохранилища вывели только в начале 1940 г.

Вскоре после переселения коммунистов в Кремль он превратился в помойку. Вот строки из приказа управляющего делами Совета народных комиссаров от 14 октября 1918 г.: «Грязь на дворах и площадях, домах, лестницах, коридорах и квартирах ужасающая. Мусор от квартир не выносятся неделями, стоит на лестницах, распространяя заразу. Лестницы не только не моются, но и не подметаются. На дворах неделями валяется навоз, отбросы, трупы дохлых кошек и собак». Приходилось грозить, что новые жители «будут отвечать перед суровым революционным законом».

В 1918 г. починили куранты, заигравшие коммунистический гимн «Интернационал», и тогда же начали снос памятников – Ленин лично накинул веревку на васнецовский крест-памятник, поставленный на месте убийства великого князя Сергея Александровича, и вместе с толпой своих приспешников свалил его. В том же 1918 г. сняли фигуру императора в ансамбле памятника Александру II. Особенное раздражение вызывали насельники кремлевских монастырей: они, видите ли, «подчинялись собственному уставу и своим властям. С нашими правилами и требованиями считались мало, свою неприязнь к Советской власти выражали чуть не открыто». Комендант Кремля матрос Мальков пошел к Свердлову, который с одобрения Ленина тут же приказал всех выселить: «Давно, говорит, пора очистить Кремль от этой публики». Монастыри закрыли, подлинных хозяев выгнали и в наглухо запечатанной цитадели устроили квартиры для наиболее приближенных к власти, откуда они, потеряв доверие, немедленно выселялись либо на улицу Грановского в так называемый 5-й Дом Советов, либо позже в мрачный «Дом правительства» на улицу Серафимовича, либо на тот свет...

После переезда в Москву Ленин жил в Кавалерском корпусе, где ранее квартировали кремлевские служащие, на Дворцовой улице (она еще называлась Комендантской, а в советское время Коммунистической), которая находится рядом с Троицкой башней и проходит параллельно Кремлевской стене. Вместе с ним поместился и Троцкий, который вспоминал: «...с Лениным мы поселились через коридор... мы по десятку раз на день встречались в коридоре и заходили друг к другу обменяться замечаниями, которые иногда затягивались минут на десять и даже на четверть часа – а это была для нас обоих большая единица времени. У Ленина была на тот период разговорчивость, конечно на ленинский масштаб. Слишком много было нового, слишком много предстояло неизвестного, приходилось перестраивать себя и других на новый лад. Была поэтому потребность от частного переходить к общему, и наоборот. Облачко брест-литовских разногласий рассеялось бесследно. Отношение Ленина ко мне и членам моей семьи было исключительно задушевное и внимательное. Он часто перехватывал наших мальчиков в коридоре и возился с ними». Кавалерские кор-

пуга разрушили перед постройкой Дворца съездов, за исключением небольшого строения у перехода с Зимним садом Большого Кремлевского дворца, на котором находится мемориальная доска (не в память Троцкого).

С апреля 1918 г. Ленин переселился в здание Сената, на третий этаж, где у него были кабинет и квартира из четырех комнат. Здесь был открыт музей, который переместили в Горки Ленинские.

В Кавалерских корпусах имели квартиры также В.Д. Бонч-Бруевич (управляющий делами Совнаркома), М.И. Калинин, В.М. Молотов, Г.Е. Зиновьев, А.И. Микоян, А.А. Андреев, А.А. Жданов, Н.А. Вознесенский.

Другие видные большевики устроились в Большом Кремлевском дворце: в так называемой Детской половине (часть дворца, выходящая на правую сторону Императорской площади) были квартиры Я.М. Свердлова, А.И. Рыкова (в 1919–1924 гг.), Л.М. Кагановича, а в Апартаментах (напротив, рядом с Оружейной палатой) – А.И. Рыкова (с 1924 г. до сентября 1936 г.) и К.Е. Ворошилова.

Сталин поменял несколько квартир в Кремле. Сразу после переезда в Москву он, как и Ленин с Троцким, поселился в Кавалерском корпусе, на втором этаже, потом во Фрейлинском коридоре Большого Кремлевского дворца, а в январе 1921 г. ему дали (при помощи Ленина: Троцкий писал, что «в Кремле, как и по всей Москве, шла непрерывная борьба из-за квартир, которых не хватало») квартиру, в которой ранее жила И.Ф. Арманд, в Потешном корпусе (№ 6), ближайшем к Троицкой башне, на Дворцовой улице.

После самоубийства жены Сталин обменялся квартирами с Бухариным, позднее переехав на первый этаж здания Сената, но бывал там нечасто, уезжая, как правило, в подмосковную «ближнюю» дачу в Волынском.

Кремлевская звезда, выполненная из рубинового стекла

Сталин усилил охрану своей резиденции и приказал построить на месте двух древнейших монастырей – Чудова и Вознесенского – большое здание для школы кремлевских курсантов-охранников. Тогда, в конце 20-х – начале 30-х гг., снесли ценнейшие памятники русского искусства, но исчезли не только эти два монастыря, но еще и несколько церквей – Благовещения и Святого Константина и Елены и вместе с ними Спасский собор. Для собраний коммунистов уничтожили два великолепных зала в Большом Кремлевском дворце – Александровский и Андреевский – и устроили один длинный (длиной более 80 м и шириной около 20 м), узкий и некрасивый зал. Новое место для собраний необходимо было снабдить еще и хозяйственными постройками и прочим в том же роде: для этого снесли древний собор Спаса на Бору, стоявший во дворе Большого Кремлевского дворца, и лестницу Красного крыльца у Грановитой палаты, где выстроили заурядное двухэтажное здание столовой, нарушившее строгий облик Соборной площади.

При Сталине добрались и до верхушек кремлевских башен: приняли решение «к 7 ноября 1935 г. снять 4 орла, находящиеся на Спасской, Никольской, Боровицкой, Троицкой башнях Кремлевской стены... К тому же сроку... установить на указанных 4 башнях Кремля пятиконечные звезды с серпом и молотом». Звезды сначала изготовили из уральских самоцветов – аметистов, топазов, аквамарин по рисунку художника Е.Е. Лансере с поправками не художника и не искусствоведа, а генсека И.В. Сталина. Только на позолоту пошло тогда 70 кг золота. Делали их на авиазаводах под непосредственным руководством оперативного отдела НКВД. Через два года звезды потускнели и их пришлось заменить. В 1937 г. по рисунку художника Ф.Ф. Федоровского сделали звезды из рубинового стекла с мощными, от 3,5 до 5 кВт, лампами внутри, и к ноябрю они уже стояли на пяти кремлевских башнях. Давно необходимо было бы убрать эти символы советского прошлого и заменить их историческими двуглавыми орлами.

Любопытно отметить, что Кремль при советской власти был не только местом для работы и жительства коммунистических чиновников, но и местом хранения золотого запаса – они не желали на всякий случай далеко удаляться от него... Но уже через пять дней после начала войны с фашистами его поспешили вывезти из Москвы – почти сразу же после начала войны коммунисты не очень-то надеялись на способность Красной армии обеспечить сохранность золотого запаса.

Уже в половине девятого утра первого дня войны ввели «усиленную охрану и оборону Кремля», а 26 июня начали работы по его маскировке. Первая бомбардировка произошла 22 июля – бомба в четверть тонны весом попала в Большой Кремлевский дворец, пробила перекрытие Георгиевского зала, но, к счастью, не разорвалась, а во время других налетов бомбы попали в Арсенал, часть его была разрушена, и тогда было убито и тяжело ранено более почти 100 человек. С ноября 1941 г. фашисты, учитывая малую эффективность зажигательных, перешли только на фугасные бомбы. Тогда бомбардировки были очень частыми, случалось по 5–6 тревог в сутки, и бомбы иногда сваливались и без объявления тревог.

Последняя бомбардировка произошла 28 марта 1942 г., и надо сказать, что в общем бомбардировки не произвели в Кремле серьезного ущерба. Было сброшено более 150 зажигательных и 15 фугасных бомб, из которых только одна не взорвалась.

Значительно более серьезный ущерб произвели действия наших руководителей в мирное время: при Хрущеве, которого уже не удовлетворял зал для заседаний в Большом Кремлевском дворце, понадобилось еще большее помещение для съездов коммунистов. В 1961 г. на месте старого здания Оружейной палаты, Кавалерских, Гренадерского и Офицерского корпусов возникло сооружение из серых бетонных блоков, вылезшее из-за Кремлевской стены рядом прямоугольных окон. Дворец съездов, как его назвали, предназначался для очередного XXII съезда коммунистов, и как раз к открытию его здание было готово.

После развала Советского Союза Кремль начал обновляться, но в хорошем смысле этого слова: сломали нелепое здание столовой и восстановили великолепное Красное крыльцо, а в здании Большого Кремлевского дворца возникли вновь оба зала – Андреевский и Александровский.

Однако надо сказать, что национальная архитектурная и историческая сокровищница, по сути дела, остается недоступной для посетителей: насмешкой звучит статья действующей Конституции России: «Каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям». А многие коренные москвичи так и не знают, где находится Императорская площадь, не видели замечательной казаковской ротонды здания Сената и фасада Арсенала, не посещали необыкновенных интерьеров Большого Кремлевского дворца, не ходили по кремлевским стенам, не «ломали» шапку в Спасских воротах. Кремль на протяжении многих лет аналог знаменитого Запретного города в столице китайской империи Пекине – все закрыто для обычного гражданина, доступ откры-

вается только по личному разрешению власть имущих, и таким образом жемчужина русской истории, русской архитектуры, русского искусства, присвоенная невежественными властями, отобрана у народа.

И главная причина этому – то, что, в отличие от лондонского Тауэра, дворцов Версаля и Фонтенбло, пражского Вышеграда, венского Хофбурга, десятков и сотен средневековых крепостей Западной Европы, давно превращенных в музеи, Кремль является собственностью верхушки властей и спецслужб, считающих себя истинными хозяевами. Когда историки, архитекторы, реставраторы обратились с просьбой познакомить их с тем, что делается с Сенатом, когда он переделывался для президента, то им ответили, что это не их дело. Проход в Кремле ограничен строго очерченным маршрутом – один шаг в сторону, и тут же раздается свисток охранника в штатском, а ведь Кремль в царское время был местом народного гулянья, где собирались десятки тысяч посетителей.

СОВРЕМЕННЫЙ КРЕМЛЬ

Стены и башни Кремля

Нынешние стены Кремля построены в 1485–1495 гг. Общая протяженность стен 2235 м, они ограничивают площадь 27,5 га. Толщина стен – от 3,5 до 6,5 м, высота их зависит от рельефа местности и составляет от 5 до 19 м.

Оборонительная стена имеет всего 19 башен (не считая отводной Кутафьей башни перед Троицкой проездной и Царской рядом со Спасской). С внутренней стороны по стене идет глухая аркада и поверх ее боевая площадка шириной от 2 до 4 м. Стены завершены зубцами в виде раздвоенных «ласточкиных хвостов» (сверху их покрывала двухскатная деревянная кровля).

Спасская башня (высота Спасской башни до звезды – 67,3 м, а со звездой – 71 м)

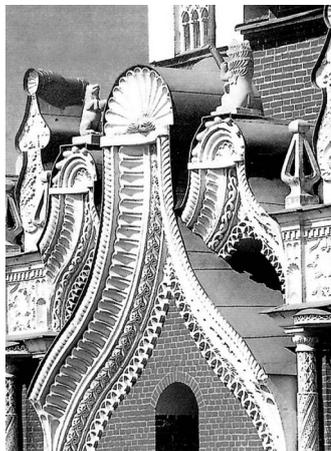
Исторический обзор Кремля историк Иван Егорович Забелин начинает с этой башни: «Итак, снимем шапки и поклонимся старому городу Кремлю перед его старыми воротами».

Спасская (Фроловская) башня с курантами

Спасская башня считается главной кремлевской башней: через ее ворота происходили торжественные выходы царей и патриархов, здесь в Кремль въезжали иностранные послы и совершался торжественный въезд царей на коронацию. Как писал автор популярного путеводителя Москвы XIX в. И.К. Кондратьев, «одним из самых благоговейных предметов уважения почитаются в Москве Спасские ворота, ведущие в Кремль от Лобного места. И действительно, немного найдется мест не только в Москве, но и в России, которые были бы столько веков таких событий свидетелями. Спасские ворота построены в самом сердце Москвы, одною стороною к Лобному месту и Красной площади, другою – в Кремль, где началась и развилась сила и слава России... Тут вообще совершилось столько славного и дивного, что невольно удивляешься этой святине и благоговеешь перед ней. Но тут бывало немало и того, перед чем содрогается сердце русского человека. Она видела буйные празднества Дмитрия Самозванца, когда он выезжал веселиться со своими ляхами! Она видела кровавые казни на Красной площади при Иоанне Грозном и там же возведенного под секиру

палача Василия Шуйского! Тут ездил и Наполеон, завоеватель Европы, и все исторические лица, окружавшие его. События бедственных годин и счастливые, радостные явления – все это напоминают нам Спасские ворота, которыми проходила, так сказать, вся русская история. Кто без благоговейного чувства смотрит на эти ворота, на эту башню, красноречивую свидетельницу многих веков жизни России, тот не знает нашей истории».

Декоративные белокаменные фигуры львов и медведей на Спасской башне

Башня называлась также Фроловской (или Фрололаврской), так как была выстроена на месте башни Кремля Дмитрия Донского 1367 г., называвшейся тогда, возможно, по церкви Святых Фрола и Лавра, стоявшей неподалеку. Переименовали ее по царскому указу от 17 апреля 1658 г.: «На Москве... ворота писать и называть: в Кремле, которые ворота назывались Фроловскими вороты, и те вороты Спасския». Это название было дано по иконе Спаса Смоленского на башне.

Закладка башни происходила в 1491 г. – она строилась итальянским зодчим Пьетро Антонио Солари. Сначала это было невысокое и приземистое сооружение с деревянным шатром, на котором висел часовой колокол. От башни в сторону Красной площади шла отводная стрельница, а от нее через ров был перекинут подъемный деревянный цепной мост, вместо которого в XVII в. построили каменный.

Эта башня первой получила декоративное завершение: в 1624–1625 гг. англичанин Кристофер Галлоуей и помогавшие ему Виллиам Граф и русский мастер Бажен Огурцов соорудили на ней сложную надстройку из высокого восьмерика и восьмигранного шатра. Спасская башня украсилась стрельчатой аркадой по верху четверика, большими иконными киотами, острыми вытянутыми пирамидками. Сочетание красного кирпича кладки и белокаменных деталей придало облику башни исключительную декоративность. Среди ее убора есть и белокаменные фигуры львов и медведей (ранее, еще до надстройки и до XVII в., на башне стояли скульптуры Василия Ермолина, из которых одна – святого Георгия – частично сохранилась и теперь находится в Третьяковской галерее), в нишах аркады были помещены изваяния обнаженных человеческих фигур, или, как называли их в Московии, «болванов», но для целомудренных москвичей это было совсем уж непривычно, и фигуры пришлось одевать в обычные тогда одежды – суконные кафтаны, на которые пошло «англинского сукна» разного цвета 12 аршинов. В пожар 1628 г. скульптуры попортились, их сняли и больше уже не восстанавливали.

В 1650-х гг. на этой башне водрузили герб Московского государства – двуглавый орел, а позже он появился и на других башнях – Никольской, Троицкой и Боровицкой.

Спасская башня с императорскими орлами

Над проездами башни находились мемориальные доски, на которых были вырезаны надписи на латинском (со стороны Красной площади) и русском (с внутренней стороны) языках: «Ioannes vasilii dei gratia magnus dux volodimeriae moscoviae novogardiae tiferiae plescoviae veticiae ongarie permiae buolgariae et alias totiusque raxiae dominus anno 30 imperii sui has turres condere fecit et statuit petrus antonius solarius mediolanensis anno nativitatis domini 1491 kalendis martiis», которая переводится следующим образом: «Иван Васильевич божьей милостью великий князь владимирский московский новгородский тверской псковский вятский югорский пермский болгарский и иных земель и всея руси государь в лето 30 своего царствования решил и приказал построить сии башни заложил петр антоний солари миланец в лето от рождества господня 1491 мартовские календы». Простой народ, не знающий латынь, считал, что эта надпись заключает в себе проклятие тем, кто не снимает шапку в Спасских воротах. Русская же надпись читается следующим образом: «В лето 6999 иулиа божиею милостию сделана быст сиа стрелница повелением Иоанна Василевича гдра и самодръжца всея русии и великого князя володимерьского и московского и новгородского и псковского и тверьского и югорского и вятского и пермьского и болгарского и иных в 30 лето гдрьства его а делал петр антоние от града медиолана».

Под латинской надписью с наружной стороны находился образ Спасителя, перед которым склонились святые Сергей Радонежский и Варлаам Хутынский. Обычай ставить иконы над воротами в качестве оберега был широко распространен на Руси и, возможно, произошел еще с языческих времен – вспомним подковы, прибитые над дверью... Иконы же начинают ставить над воротами довольно поздно, примерно с XVI–XVII вв.

Появление этой иконы было связано с событиями, происшедшими в 1521 г., когда Москва ожидала самого худшего – нашествия войск хана Мегмет-Гирея, который «безвестно и скороустремительно достиже во пределы Руськия» и «достигнути и самый хранимый град Москву». Великий князь покинул Москву, и, как рассказывал посол римского императора Герберштейн, «татары навели такой ужас на московитов, что женщины и дети и все, кто не мог сражаться, сбегались в крепость, и в воротах возникла такая давка, что они мешали друг другу и топтали друг друга. От множества народу в крепости стояло такое зловоние, что, пробудь враг под городом три или четыре дня, осажденные погибли бы от заразы...». В это время монахине Вознесенского монастыря привиделось, как из Фроловских ворот выходит «народа бесчисленное множество всякаго возраста, мужеска полу и женскаго» с иконами, крестами и хоругвями, предводительствуемые московскими святителями, несущими

щими икону Владимирской Богоматери. Навстречу им от торговых рядов направились Сергей Радонежский и Варлаам Хутынский с вопросом: «Чего ради исходите из града сего?» – на что они со слезами ответствовали, что покидают Кремль, «понеже людие страх Божий презреша и о заповедях Божиих нерадиша». Их, однако, уговорили вернуться, но предвзительно «молитвы сотворили и все страны града крестом осенили». Это видение стало известно всем и вселило в москвичей надежду. Действительно, хан, у которого и сил не было штурмовать город, вскоре же отступил от Москвы, получив письменное обязательство в уплате дани. В память этого события на внешней стороне поставили икону Спаса с припадающими к нему Сергием и Варлаамом, а на внутренней – икону Богоматери с предстоящими святителями Петром и Алексием. Но, однако, вероятнее, что она появилась после взятия Смоленска в 1514 г.

В советское время на месте этой иконы был замазанный штукатуркой киот, но никто не предполагал, что при тотальном уничтожении коммунистами религиозных символов под ней что-то сохранилось. Документов о снятии икон не осталось, тем более об их сбережении. Только недавно стало известно, что в 1924 г. кремлевский строительный отдел получил такое указание: «В пятницу 31.08, в 1 час дня состоится заседание Секретарей ВЦИК тов. Киселева и ЦИК Союза тов. Енукидзе по вопросу снятия икон с Кремлевских стен и башен. Пригласите специалистов из Музейного отдела, кого-либо со стороны, знающих хорошо живопись, явиться ко мне в кабинет». Документов о том, каковы были результаты этого совещания, не обнаружено, но думается, что большой ошибки не будет, если рассуждать, что иконы было решено снять. Но вот каким образом оказалось, что иконы сохранились, остается невыясненным, давая этим простор спекуляциям религиозных фанатиков о том, что Бог, отвлекшись в то время от других дел, решил спасти иконы. В 2010 г. надвратные иконы и на Спасской и на Никольской башнях расчистили и отреставрировали.

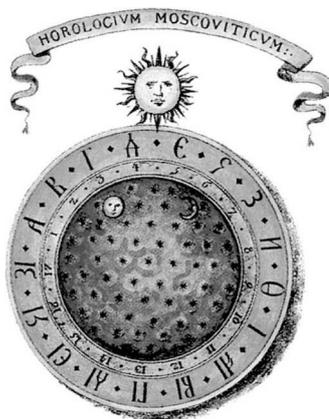

Куранты на Спасской башне

На Спасской башне обращают на себя внимание огромные циферблаты знаменитых кремлевских курантов. Когда впервые появились часы на Спасской башне, точно неизвестно – возможно, что вскоре после ее возведения. Известно, что в 1585 г. не только при Спасских, но и при Тайницких и Троицких воротах приставлены были часовщики, получавшие годового жалованья по 4 рубля и по 2 гривны на мясо и соль и вдобавок по 4 аршина сукна.

Новые часы на Спасской башне были устроены английским мастером Кристофером Галлоуеем в 1624–1625 гг., а старый механизм продали за 48 рублей ярославскому Спасскому монастырю. Царь щедро наградил английского мастера: 29 января 1626 г. «пожаловал Государь его за то, что он сделал в Кремле-городе на Фроловских воротех башню и часы». Галлоуей получил серебряный кубок, 10 аршинов алого атласу, столько же лазоревой камки (род ткани), 5 аршинов тафты веницейки червчатой (то есть венецианской тафты красного

цвета), 4 аршина красно-малинового сукна, сорок (мера счета шкурок) соболей на 41 рубль, сорок куниц на 12 рублей.

Старинные куранты Спасской башни, XVII в.

Это был огромный механизм с циферблатами диаметром свыше 5 м, выходящими на Красную площадь и в Кремль, на голубом фоне их сияли жемчужные звезды и золоченые изображения луны и солнца. Окружность циферблата разделили на 17 часов, каждый из которых помечался славянской буквой – аз, буки, веди, глаголь и т. д. (буквы обозначали цифры), а также и арабской цифрой. Счет времени велся по дневному и ночному периоду – дневной счет начинался с первым лучом солнца, а ночной – с последним, и, соответственно, два раза в сутки часовщик переводил счет времени. В связи с этой немаловажной обязанностью можно привести выдержку из любопытного документа XVII столетия, в котором излагалась жалоба на вдову часового мастера Данилова Ульяну, которая заменила мужа. Часовщик соседней Троицкой башни Григорий Алексеев написал, что «вдова Улита бездетна и безродна и живет на той Спасской башне и часы держит она, вдова Улита, не уставно». А вот как именно «не уставно», часовщик объяснил так: «...по многие времена часы мешаютца. Перед отдачею часов дневных и ночных бывает у ней один час продлитца против дву часов, а в денное время бывает в одном часе два часа поскорит».

Через несколько месяцев после установки часов, в мае того же года, весь Кремль охватил пожар: и башню и часы надо было строить заново. За дело принялся тот же Галлоуей, закончивший ремонт через два года:

«Над воротами возвышается громадная башня, высоко возведенная на прочных основаниях, где находились чудесные городские железные часы, знаменитые во всем свете по своей красоте и устройству и по громкому звуку своего большого колокола, который слышен был не только во всем городе, но и в окрестных деревнях более чем на 10 верст...»

Но это был не последний пожар: в 1654 г. на башне сгорели все деревянные детали, часовой колокол упал и проломил своды. Вот что рассказывал очевидец об этом, а также о реакции царя Алексея Михайловича: «...по зависти диавола загорелись деревянные брусья, что внутри часов, и вся башня была охвачена пламенем вместе с часами, колоколами и всеми их принадлежностями, которые при падении разрушили своею тяжестью два свода из кирпича и камня, и эта удивительная редкостная вещь, восстановление которой в прежний вид потребовало бы расхода более чем на 25 000 динаров на одних рабочих, была испорчена. И когда взоры царя упали издали на эту прекрасную сгоревшую башню, коей украшения и флюгера были обезображены и разнообразные, искусно высеченные из камня статуи обру-

пились, он пролил обильные слезы, ибо все эти события были испытанием от Творца – да будет возвеличено Его имя».

Барон Мейерберг, посол австрийского императора, побывавший в Москве в 1661–1662 гг., писал, что они «показывают часы дня от восхода до захода солнца. В летний солнцеворот, когда бывают самые длинные дни, часы эти показывают и бьют до 17, и тогда ночь продолжается 7 часов. Прикрепленное сверху к стене неподвижное изображение солнца образует стрелку, показывающую часы, обозначенные на вращающемся часовом круге. Это самые богатые часы в Москве».

Часы заменили в начале XVIII в. В 1702 г. Петр I во время путешествия по Западной Европе заказал новые, современные часы в Голландии, которые через два года привезли морем в Архангельск, а оттуда доставили на 30 подводах в Москву, где и установили в 1709 г. В XVIII в. часы много раз чинили, пока не решили снять, а на их место установить часы, найденные в Грановитой палате. Работу эту в 1770 г. выполнили немецкие часовщики, и вот курьез – они, пользуясь незнанием русскими немецкого языка, из озорства набрали на музыкальном барабане курантов мелодию легкомысленной песенки «Ах, мой милый Августин, Августин, Августин».

Эти часы во время опустошительного пожара 1812 г. перестали действовать. Починить их предложил часовщик Яков Лебедев «своим коштом, материалами и рабочими людьми». Работал он в продолжение двух лет и в 1815 г. пустил часы. Они исправно показывали время до середины XIX в., пока не пришлось их капитально ремонтировать, что и было выполнено фирмой братьев Иоганна и Николая Бутенопов. Фирма прежде всего была известна сельскохозяйственными машинами, производимыми заводом на Мясницкой улице, но также делала и башенные часы.

В 1852 г. часы были пущены в ход. Тогда заново изготовили многие детали часов, и, в частности, наружные циферблаты, а также чугунную станину часового механизма весом 1500 пудов (24 т). Диаметр циферблата часов – 6 м 12 см, высота цифр – 72 см, длина часовой стрелки – 2 м 97 см, минутной – 3 м 28 см. Куранты исполняли две музыкальные пьесы: утром полковой «Преображенский марш» и вечером «Коль славен наш Господь в Сионе» Дмитрия Бортнянского.

Иные времена настали с переворотом 1917 г. В те дни Кремль подвергся обстрелу, от которого пострадали и Спасская башня и куранты. Как писал очевидец, «Спасская башня пробита и расстреляна. Знаменитые часы с музыкальным боем разбиты и остановились. Остановилась и стрелка часов в ту роковую минуту, когда ворвался тяжелый снаряд в стены Кремля и наложил несмываемое пятно крови и позора на это священное сердце Москвы».

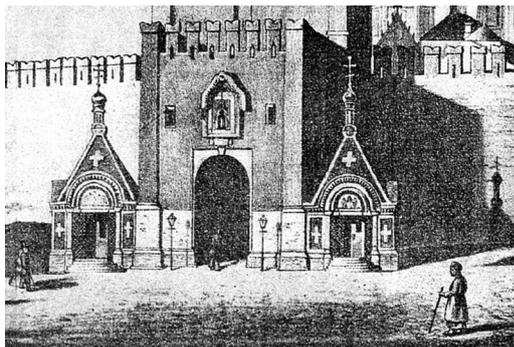

Спасские ворота

После переезда из Петрограда в 1918 г. новое правительство начало обустраивать свою новую резиденцию. Куранты восстанавливал слесарь Н.В. Беренс: надо было изготовить новый маятник, восстановить шестерни, заделать пробойну на циферблате, изготовить минутную стрелку, а также подобрать новую мелодию, что и сделал художник М.М. Черемных. Куранты играли «Интернационал»; известно также, что до 1932 г. они исполняли революционную песню «Вы жертвою пали». С февраля 1937 г. исполнение «Интернационала» было прекращено якобы потому, что износился музыкальный барабан. В 1995 г. решили возродить мелодию курантов, и к инаугурации Б.Н. Ельцина на второй президентский срок в 1996 г. куранты стали играть «Патриотическую песнь» и «Слався» Михаила Глинки.

С 2001 г. куранты проигрывают старый, еще сталинский гимн, но верится, что все вернется на круги своя и над Красной площадью прозвучат и «Преображенский марш» и «Коль славен...».

Со Спасскими воротами связан старинный обычай – снимать головной убор, проходя в ворота. Все, даже не исключая самого царя, должны были спешиться и обязательно снять шапку в воротах. По рассказам, тех, кто этим пренебрегал, заставляли класть 50 земных поклонов перед образом Спаса.

Часовни у Спасских ворот

Хотя считается, что этот обычай пошел с указа царя Алексея Михайловича, но возможно, что он только узаконил старую традицию, которая, по мнению историка И.Е. Забелина, утвердилась из-за уподобления главных ворот Кремля святым монастырским воротам, а сам Кремль – монастырю. Но скорее всего, так установилось после того, как на новой башне поставили две спасские иконы, а среди народа ходили рассказы, что надпись на непонятном языке с наружной стороны ворот содержит не что иное, как проклятие нарушившим это правило.

Рассказывалось, как один любознательный англичанин задумал выяснить, насколько ревностно оно соблюдается: он, «притворившись незнающим, вошел в ворота в шапке. Часовой окликнул его, но, не обращая внимания на часового, он шел вперед. Повстречавшийся ему крестьянин, идущий с непокрытой головой, увидев его в шапке, с громкими выражениями негодования собрал часовых и народ; те, схватив его, очень быстро научили, как в будущем надо проходить Святыя Ворота».

Традиция эта продержалась до Октябрьского переворота в 1917 г., когда сразу же после занятия Кремля Спасские ворота, как, впрочем, и весь Кремль, были закрыты. Очевидец

отмечал, что «теперь там стоит вооруженная стража с папиросами, ругается с прохожими и между собой площадной бранью». Теперь никто уже не помнит слов поэта Федора Глинки:

Шляпы кто, гордец, не снимет
У святых в Кремле ворот!

Со стороны Красной площади слева и справа от проезда Спасской башни стояли две небольшие часовни. Сначала тут находилась только одна небольшая деревянная сторожка, предназначенная для «сокрытия служащего молебны причта от непогоды». Молебны перед иконами на башне служил причт Покровского собора. В 1802 г. причт просил построить уже каменную часовню, а Кремлевская дворцовая экспедиция рассудила выстроить вместо одной часовни для симметрии две. Тогда же по проекту В.И. Баженова был приставлен совершенно неподходящий к древним Спасским воротам классический портал, доживший до 1867 г., когда его сняли и переделали оба строения у ворот, ставшие со временем не просто помещениями для причта, а часовнями с иконами, где проводились службы. В следующем году выстроили новые здания часовен. С левой стороны – Спасская с большим образом Спаса, почти точной копией иконы на воротах; с правой – Смоленская с иконой Смоленской Богоматери. Обе часовни уничтожены в 1925 г.

Царская и Спасская башни

Долгое время через Спасские ворота проезжали лишь автомобили новых руководителей, в хрущевские времена их на короткое время открыли для прохода в Кремлевский театр, а теперь они вообще закрыты и для проезда и для прохода. Но не теряется надежда на то, что в Спасские ворота еще можно будет войти и снять головной убор в воспоминание и уважение старинных обычаев.

Царская башенка (высота башенки от ходовой части стены – 14,5 м) В противоположность всем другим кремлевским башням, Царская не имела боевого оборонительного назначения: стоящая прямо на стене, она явно декоративна – это даже не башня, а шатер, поставленный на стену. Судя по старинным изображениям Кремля, на ее нынешнем месте находилась деревянная вышка, с которой, согласно легенде, царь Иван Васильевич Грозный наблюдал, что происходит на Красной площади.

Существующая изящная башенка выстроена тогда, когда Кремль получил новый облик и когда суровые коренастые башни надстраивались шатровыми завершениями. В 1680 г. на стене появилась башенка-теремок: четыре кувшинообразных столба поддерживают восьмигранный шатер с позолоченным флюгером; арки проема оживлены малыми арками с висячей гирькой, а вокруг шатра выстроились небольшие башенки с островерхими фронтонами.

Набатная башня (высота башни – 38 м)

Построена в 1490-х гг., а в 1676–1686 гг. ее надстроили четырехгранным шатровым завершением, покрытым зеленой поливной черепицей. Формы этого шатра очень схожи с шатром Средней Арсенальной башни.

Название Набатная башня получила потому, что на ней висел набатный колокол, в который звонили в чрезвычайных ситуациях, и, в частности, при пожаре. Он назывался Спасским набатом (по соседней Спасской башне). Вот в 1674 г. воротник ее сообщил, что «когда горел стрелецкий приказ, то земские ярышки (тогдашние полицейские. – *Авт.*) били в набатный колокол, что у Спасских ворот, и после того колокол оказался разбитым». Его перелил знаменитый колокольный мастер Иван Моторин: на колоколе есть надпись, гласящая, что «1714 года июля в 30 день вылит сей набатный колокол из старого набатного колокола, который разбился, кремля города к Спасским воротам. Весу в нем 150 пудов. Лил сей колокол Иван Моторин».

С этим колоколом связаны события Чумного бунта 1771 г.: в колокол зазвонили, призывая народ, отчаявшийся найти действенную помощь перед «черной смертью», собираться и идти громить власти и убивать врачей. После подавления бунта у колокола по приказу Екатерины отняли язык, и он, немой, еще висел на башне в течение 30 лет, пока во время ремонта его не сняли и не перенесли в Арсенал, откуда в 1851 г. колокол поместили в Оружейную палату.

Константино-Еленинская башня (высота башни – 36,8 м)

В мощном, суровом четверике видны зримые следы ее долгой истории: полускрытая наслоениями земли, изгибается арка заложённых ворот, над ней ниша, где находилась икона, рядом можно увидеть остатки вертикальных щелей, через которые пропускались механизмы подъемного моста.

На ее месте стояла Тимофеевская башня Кремля, выстроенная Дмитрием Донским, чьи полки, направлявшиеся на Куликово поле, выходили в 1380 г. через ворота этой башни. Дорога, проходившая через ворота, соединяла Кремль с посадом, с пристанями у Москвы-реки, с Великой и Варварской улицами, поэтому башня имела важное оборонительное значение: перед ней выстроили отводную стрельницу, проход в которую был по подъемному мосту, перекинутому через ров.

Константино-Еленинская, Набатная, Царская и Спасская башни

Тимофеевскими ворота назывались по двору Тимофея Васильевича из рода московских тысяцких, видного полководца, участвовавшего в битве на Куликовом поле «великим воеводой», подписавшимся вторым под завещанием великого князя Дмитрия Ивановича Донского. Тимофей Васильевич, возможно, пожертвовал часть своего двора Кирилло-Белозерскому монастырю под подворье, которое, как известно, располагалось слева при входе у Спасских ворот. Это предположение тем более основательно, так как Кирилл Белозерский, основатель монастыря, был не кем иным, как родственником Тимофея, воспитывавшимся у него дома.

Существующая башня построена в 1490 г. зодчим Пьетро Антонио Солари; она получила название по находившейся рядом в Кремле церкви Святых Константина и Елены. Башня имела отводную стрельницу (наподобие Кутафьей у Троицкой башни). В 1680 г. ее надстроили шатровым верхом на арочном основании, в то же время заложив проездные ворота, а в отводной стрельнице устроили пыточный застенок, поэтому она получила название Пыточной.

Ожидая нападения шведского короля Карла XII на Москву после поражения под Нарвой, Петр I приказал укрепить город, и тогда на Константино-Еленинской башне растесали бойницы для установки пушек, но шведы повернули на Украину, и они не понадобились. Совсем исчезли признаки боевого назначения башни в конце XVIII – начале XIX в., когда разобрали и стрельницу и мост через ров, а ворота заложили.

Беклемишевская башня (высота башни – 46,2 м)

В Московском Кремле две такие изящные и стройные башни: эта и Водовзводная, обе отмечающие края приречной стороны крепости. Называлась башня еще Москворецкой – по близости к одноименному мосту, а Беклемишевской ее назвали потому, что рядом, за Кремлевской стеной, находился двор бояр Беклемишевых.

Никита Беклемишев участвовал воеводой в походе в 1469 г. против Новгорода, в 1474 г. был послан к крымскому хану Менгли-Гирею послом от государя Ивана III. Сын его Иван, по прозвищу Берсень, к которому перешел кремлевский двор, также исполнял посольские поручения: так, в 1490 г. он встречал в Химках посла Священной Римской империи, а через два года поехал послом к польскому королю; в 1502 г. – в Крым. Если при Иване III он пользовался доверием государя, то при его сыне, Василии III, стоял за старые боярские порядки, говоря: «Как пришла сюда мати Великого Князя Великая Княгини Софья... такь наша земля замешалася и пришли нестроения великие». Он считал, что «которая земля перестанавливает обычи свои, и та земля недолго стоит». О этих речах стало известно великому князю, и вольномыслие боярина дорого ему обошлось – казнили его на Москве-реке недалеко отсюда, у Москворецкого моста.

Беклемишевским двором власти пользовались как тюрьмой. Там в 1472 г. сидел венецианский посол «Иван именем, Тривизан прозвище» за то, что намеревался без разрешения проехать через Московию к золотоордынскому хану: «... князь же великий велел сковати его, а сидел у Микиты у Беклемишева». Тогда в Венецию отправили русского посла, наказав ему спросить у венецианского дожа: «Зачем это ты так сделал, с меня честь взял? Тайно через мою землю шлешь посла, мне не сказавши?» Дож прислал извинения и просил отпустить посла, что и было исполнено.

В 1537 г. сюда же посадили жену Андрея Ивановича, князя Старицкого, родного дяди государя Василия III, с ее малолетним сыном Владимиром, а бояр князя тоже арестовали, но заключили «в наугольной Беклемишевской стрельнице», где они и были «пытаны».

Петровская и Беклемишевская башни

Башню построил итальянский зодчий Марк в 1487–1488 гг. на том же месте, где стояла угловая башня Кремля времен князя Дмитрия Донского. Так же как и в Водовзводной башне, в Беклемишевской находился колодец-тайник. В 1680 г. на башне построили красивое завершение – восьмерик с шатром, на вершине которого находится смотрильная вышка, заканчивающаяся еще одним шатриком.

Верх ее пострадал при варварском обстреле Кремля артиллерией мятежников в ноябре 1917 г. и восстановлен в 1918 г. архитектором И.В. Рыльским.

При осмотре приречной стороны Кремлевской стены обращает на себя внимание то, что небольшой участок стены – от угловой Беклемишевской башни и до Тайницкой – защищен тремя оборонительными сооружениями: Петровской и двумя Безымянными башнями. Такое скопление башен объясняется тем, что эта сторона, ближняя к Москворецкому мосту, была более всего подвержена возможному нападению вражеских войск и поэтому башни были поставлены теснее, чем обычно.

Петровская башня (высота башни – 27,2 м)

Башню, построенную в 1480-х гг., называли так потому, что на ее втором этаже некогда находилась церковь Святого Петра Митрополита, принадлежавшая стоявшему рядом подворью Николо-Угрешского монастыря. По монастырю башня еще называлась Угрешской. Для строительства Большого Кремлевского дворца и башню, и монастырское подворье разобрали. После прекращения стройки башню восстановили, а вот подворье нет, и в XIX в., «по забвению старины», как писал историк Кремля С.П. Бартнев, башню стали именовать просто Безымянной. Он же отмечал, что Петровскую башню от ее соседок отличают форма шатра и то, что она «носит характер какой-то старозаветности».

Эту башню, как и многие другие, разрушали и восстанавливали несколько раз: в 1612 г. она очень пострадала от обстрела пушками московского ополчения при осаде Кремля, занятого польскими войсками; в 1812 г. ее разрушили до основания отступавшие наполеоновские войска; восстановили ее через шесть лет.

Надстроена она была в 1676–1686 гг. Кремлевские садовники использовали башню для хозяйственных нужд.

2-я Безымянная башня (высота башни – 30,2 м)

Выстроена в 1480-х гг., а через 200 лет надстроена четвериком с четырехгранным шатром – все завершение похоже на соседние 1-ю Безымянную, Тайницкую и Благовещенскую башни, стоящие по берегу Москвыреки. В нижней части ее помещалась кузница и

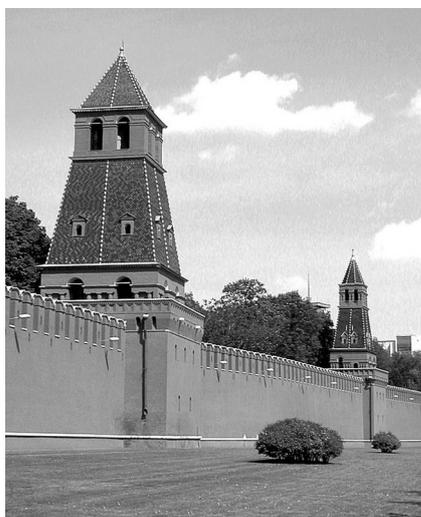
находились проездные ворота, которые, согласно описи 1701 г., были заделаны тесом и загорожены железной решеткой.

Вместе с другими башнями на южной стороне, ее снесли при намечавшемся строительстве Кремлевского дворца, но потом восстановили.

1-я Безымянная башня (высота башни – 34,2 м)

Так же как и другие башни на приречной стороне, она была возведена в 1480-х гг. В 1547 г. в Москве случился страшный пожар: 12 апреля занялась лавка в Москательном торговом ряду, оттуда огонь перекинулся на остальные ряды. Во время пожара взорвались хранившиеся в башне запасы пороха и «у реки у Москвы стрельницы загорешася зелие пушечное, и от того розорва стрельницу и размета кирпичье по берегу реки Москвы и в реку».

Башню восстановили, но в 1770 г. разобрали специально для строительства нового Кремлевского дворца, а после построили заново, но уже поближе к Тайницкой башне; еще раз ее восстанавливали после французов, взорвавших башню при отступлении.

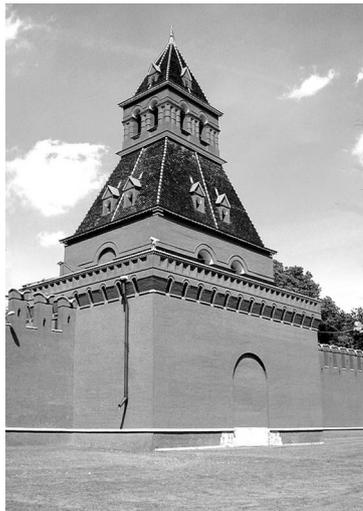

2-я Безымянная и 1-я Безымянная башни

Тайницкая башня (высота башни – 38,4 м)

Именно с этой башни итальянский зодчий начал строительство новой крепости: в 1485 г. «того же лета июля в 19 день заложена бысть на Москве на реке стрелница, а под стрелницею выведен тайник, а поставил ее Онтон фрязин». Зодчий Антон заложил башню с колодцем и тайным выходом к реке – отсюда ее название; ворота также назывались Водяными. Башня строилась на месте древних, еще Дмитрия Донского, так называемых Чешковых (или Шешковых, Чушковых) ворот, которые были названы, вероятно, по двору Чешки, боярина князя Даниила Галицкого.

Она занимала центральное положение в системе обороны крепости со стороны реки, и впереди нее построили отводную башню-стрельницу, от которой шел каменный мост к проездным воротам. На башне до 1674 г. были часы и колокола, а при часах состояли часовщики, жаловавшиеся как-то, что им забывали выдавать жалованье (давняя традиция!). Вот в 1651 г. часовщик Митька Потапов молит царя: «Милосердный Государь царь великий князь Алексей Михайлович всеа Руси, пожалуй меня, холопа своего, своим царским годовым денежным жалованием и сукном (тут сделана пометка дьяком: „Сукно дано“. – *Авт.*) против прежняго своего Государева указу на нынешней на 159 год, чтобы мне, холопу твоему, в конец не погибнуть, и голодную смертью не умереть, и твоей царской службы не отбыть. Царь Государь, смилуйся, пожалуй».

Тайницкая башня

При попытке построить в Кремле огромный дворец Баженов в 1770 г. сломал башню, но вскоре пришлось воссоздать ее заново – в 1783 г., но без отводной стрельницы, которую восстановили в 1862 г. в древнерусских формах по проекту архитектора П.С. Кампиони. На плоской платформе башни поставили пушки для салютов.

Большевики опять сломали отводную стрельницу; тогда же засыпали древний колодец внутри и заложили проездные ворота.

Благовещенская башня (высота башни – 30,7 м)

Удивительно, что большевики не переименовали кремлевские башни, их названия – Троицкая, Благовещенская, Никольская, Спаская – удержались во время решительной борьбы на всех фронтах с религией, «опиумом для народа».

Благовещенской она называется по находившейся на ее внутренней стене иконе Благовещения, то есть «благой вести», принесенной Богоматери архангелом Гавриилом, о рождении у нее Иисуса Христа: «...радуйся, благодатная! Господь с тобою; благословенна ты между женами... не бойся, Мария, ибо ты обрела благодать у Бога; и вот зачнешь во чреве, и родишь сына и наречешь ему имя: Иисус».

Как повествует легенда, икона эта появилась чудесным образом – она «самоизобразилась» (см. главу «Кремль утраченный»). Сначала у иконы поставили деревянную часовню, а в 1731 г. – каменную церковь. В дозорной вышке на верху кремлевской башни устроили колокольню и над ней укрепили крест, в самой же башне в 1892 г. устроили придел Святого Иоанна Милостивого с беломраморным иконостасом.

В 1932 г. вместе с церковью уничтожили и церковный придел в башне. Сама же башня построена в 1488 г.; рядом с ней были проделаны ворота, называвшиеся «портomойными» (через них, надо думать, проходили к реке дворцовые прачки), заложенные в 1831 г.

Водовзводная башня (высота башни до звезды – 57,7 м, со звездой – 61,3 м)

Изящная, даже грациозная, если это слово применимо к грозным крепостным сооружениям, Водовзводная башня отмечает резкий поворот Кремлевской стены к северу от слияния Москвы-реки и Неглинной. Современные формы башня получила не так уж и давно – в начале XIX столетия. Построенная в 1488 г. Антоном-фрязином, она много раз изменялась. Сначала, как и все другие кремлевские башни, Водовзводная не имела надстройки, которая была сделана позднее, в конце XVII в.; в 1805 г. ее вообще разобрали из-за ветхости и выстроили заново, а через семь лет взорвали отступающие наполеоновские войска.

Пришлось опять возводить ее – в 1819 г., и она, единственная из кремлевских башен, была обработана тогда классическими деталями – портиками, рустом, колонками.

Первоначально башня носила название Свибловой, по находившемуся рядом кремлевскому двору боярина Федора Свибла, а Водовзводной стала называться после того, как в 1633 г. в ней соорудили первый московский водопровод. Английский мастер Кристофер Галлоуей, который «был у государева дела у водяного взводу», установил в ней водоподъемную машину, качавшую москворецкую воду по свинцовым трубам «на государев на Сытный и на Кормовой дворец в поварни», а позднее во дворец и кремлевские сады. За эту работу, как рассказывали, строитель получил несколько бочек золота.

Водовзводная башня

Боровицкая башня (высота башни до звезды – 50,7 м, со звездой – 54 м)

Это одна из самых красивых и самая своеобразная из кремлевских башен: на высоком, монументальном нижнем четверике поставлены еще три пропорционально уменьшающиеся; каждый из них украшен поясом с квадратными углублениями (они называются «ширинками»). Венчает четверики стройный восьмигранный шатер с прорезанными в нем высокими и узкими окнами.

Наиболее распространенное объяснение названия башни – по заросшему бором, то есть густым лесом, мысу – не может считаться правдоподобным, так как при постройке кремлевских стен уже давно не было девственного бора. Название ее произошло, очевидно, от находившегося поблизости, у впадения Неглинной в Москву-реку, места, где брали налог – «бор», но, может быть, и по дороге, ведущей к городу Боровску. Башня также называлась Чертольской, так как выводила к урочищу Чертолье; в 1658 г. царь Алексей Михайлович указал переименовать башню в Предтеченскую – по ближней церкви Иоанна Предтечи, однако это название не прижилось.

В 1490 г. архитектор Пьетро Антонио Солари выстроил нижний четверик, накрытый деревянным шатром, нынешнее же завершение было сделано в 1680-х гг., и тогда же к башне пристроили отводную стрельницу – что необычно – сбоку от нее.

Боровицкая башня и Боровицкие ворота

Наполеоновские войска при отступлении взорвали соседнюю Водовзводную башню, и от взрывной волны верх шатрового завершения Боровицкой башни упал; в 1819 г. архитектор Осип Бове восстановил его, не сохранив, однако, готический декор, сделанный в 1762 г. к коронации Екатерины II (кое-где сохранились заложённые отверстия с готическим стрельчатым оформлением).

Ворота Боровицкой башни служили основным хозяйственным входом во времена московских великих князей и царей. Рядом с башней находилось несколько дворов – Кормовой, Житный, Конюшенный. Позади них высилась одиноко стоявшая церковь Иоанна Предтечи. При постройке Большого Кремлевского дворца ее разобрали, а престол перенесли в башню; ранее двуглавый орел увенчивался крестом, сделанным по образцу креста этой церкви.

С внутренней стороны проездных ворот через вход, украшенный навесом в русском стиле, можно было пройти по каменной лестнице башни в светлую, высокую церковь Рождества.

Снаружи, с правой стороны от воротного проезда, на стене видны изображения, объяснение которым мне не встретилось: гербы, высеченные, вероятно, из белого камня. Один из них представляет собой литовский герб, а второй – московский. Но почему и в связи с чем они помещены на Боровицкой башне, так и осталось неясным. Еще в 1980 г. известный искусствовед Г.К. Вагнер высказывал надежду на то, что кто-либо из специалистов заинтересуется этими изображениями, но так никто и не откликнулся на этот призыв.

С левой стороны от Боровицкой башни можно заметить у самого основания стены заложённую арку, а левее – еще одну. Высказывалось предположение, что это остатки грота, сделанного, возможно, из проезда, существовавшего до конца XVII в. в отводной стрельнице.

Боровицкие ворота одни из двух, через которые разрешен проход в Кремль, и теперь только через них проезжают автомобили. В проезде Боровицкой башни 22 января 1969 г., во время встречи космонавтов, лейтенант Виктор Ильин выхватил два пистолета, разрядил обе обоймы в автомобиль, успев сделать шестнадцать выстрелов. Он целился в Брежнева. Но машину с Брежневым направили через Спасские ворота (возможно, что охрана что-то подозревала), и он не пострадал, а у Боровицких ворот был убит шофер и легко ранены космонавты Николаев и Береговой, а также мотоциклист эскорта. Ильин провел более 18 лет в одиночке психбольницы, после чего был выпущен в 1990 г.

Две следующие башни весьма схожи с другими – глухими, не проездными и угловыми башнями: такие же четверики с машикулями и с надстроенными на них шатрами, которые заканчиваются прорезными башенками и завершениями с флюгерами.

Оружейная башня (высота башни – 32,7 м)

Построена башня была в 1493–1495 гг., а в 1676–1686 гг. надстроена. Она называлась также Конюшенной по близкому кремлевскому Конюшенному двору. Двор этот снесли, проездные ворота ко двору заложили (следы закладки обнаруживаются в некоторой несимметричности низа четверика), а башню назвали Оружейной – по близости к возведенной тогда Оружейной палате.

Оружейная башня

Комендантская башня (высота башни – 41,3 м) Построена в 1493–1495 гг. и надстроена в 1676–1686 гг.

Называлась она Колымажной – по близости к Колымажному царскому двору за Кремлевской стеной, где стояли царские повозки – колымаги, сани, парадные кареты и разные другие экипажи. Неудивительно, что в древности она имела ворота к Колымажному двору. Двор этот был сломан в начале XIX в., когда очищали Кремль от старых построек. Башня с 1851 г. стала называться Комендантской, так как рядом с ней стоял Потешный дворец, где поселился комендант Кремля.

Троицкая башня (высота Троицкой башни со стороны Александровского сада до звезды – 76,4 м, а со звездой – 80 м. Самая высокая из кремлевских башен)

По монументальности, внушительности Троицкая башня занимает второе место после Спасской, на которую похожа своим декором.

В летописях точно отмечено время возведения всех главных кремлевских башен, но только Троицкая никак не помянута, сказано лишь, что в 1495 г. архитектор из Милана Алевиз заложил «стену градную камену на Москве возле Неглимны»: возможно, что закончили делать ее вместе с башней до 1499 г.

Троицкая башня

Название Троицкой она получила согласно указу царя Алексея Михайловича в 1658 г. по кремлевскому подворью Троице-Сергиева монастыря, находившемуся недалеко от башни. Она еще называлась Богоявленской – по церкви этого же подворья, Знаменской – по иконе Знамения над проездом со стороны реки Неглинной (второй образ – со стороны Кремля – икона Троицы) и, наконец, Куретной (или Курятной) – по стоявшим рядом Куретным воротам царского хозяйственного двора.

В подвале под проездом ворот в конце XIX в. были обнаружены два каменных мешка, куда можно проникнуть только через узкое отверстие в потолке; в XVI–XVII вв. они использовались как тюрьма. С левой стороны ворот стоял дворцовый Судный приказ, от которого шла лестница к этим подвалам.

Так же как и другие большие башни, Троицкая имела отводную стрельницу, к ней в 1516 г. через реку Неглинную перебросили мост, перед которым соорудили оборонительную предмостную башню, названную Кутафьей.

На Троицкой башне тоже были часы, о которых достоверно известно с 1585 г. Они имели размеры по аршину (аршин равен 71 см) в длину и в ширину, там находилось только три колокола – один часовой и два перечасных. Есть известие, что в 1626 г. часовщик переделывал их: «подделывал ветренник, да у ветренника репей зубчатый, да в колесо трубку большую на вал ходовой». Несмотря на ремонты, в 1683 г. часы пришлось снять и перенести на ворота дворца в Преображенском, а на их место поставить новые. Позднее здесь установили часы, купленные в Голландии вместе с теми, которые предназначались для Спасской башни. Часы на Троицкой башне действовали, вероятно, до конца XVIII в. Большой часовой колокол в 1812 г. упал, проломил четыре этажа башни и пролежал до 1848 г., до тех пор, пока его не перетащили в Боровицкую башню и не определили при церкви Иоанна Предтечи. Тогда же, в пожар 1812 г., часовой механизм также сгорел, и при описи, проведенной в 1825 г., оказалось, что на пятом этаже башни находилась сгоревшая «часовая машина» и там же лежали 29 колоколов разной величины, из которых два ухитрились украсть во время иллюминации в честь коронации императора Николая I.

Теперь Троицкая башня – главный вход в Кремль для туристов, а раньше через нее въезжали в Кремль ко дворам патриарха, цариц и царевен, и через нее же обычно выходило духовенство, встречая царей и сопровождая их до Спасских ворот. Так, например, в 1598 г. 1 апреля из ворот вышел патриарх Иов со всем духовенством для встречи царя Бориса Годунова, возвращавшегося из Новодевичьего монастыря от своей сестры, благословившей его на царство по челобитию всего народа.

Через Троицкие ворота 2 сентября 1812 г. наполеоновские войска вступили в Кремль. Когда они подходили к воротам, то нашли их перегороженными баррикадами, из-за кото-

рых раздались выстрелы. Это было единственное сопротивление завоевателям неизвестных москвичей. После нескольких пушечных выстрелов все было покончено. Через эти же ворота 11 октября 1812 г. войска Наполеона выходили из сожженного и опустошенного города.

С 1870 г. внутренние помещения отводной стрельницы занимала канцелярия Московского отделения архива Министерства императорского двора, и сама башня была полна архивных дел. В результате большевистского переворота архив подвергся разгрому. Как сообщали архивисты, «те документы, на которых строились по всей Руси известные труды И.Е. Забелина по описанию быта русской жизни с древнейших времен, теперь лежат поруганные и буквально загаженные, так как разрушители и грабители в нескольких местах Дворцового архива поустроили отхожие места».

Кутафья башня (высота башни – 13,5 м)

Поперек Александровского сада перекинут мост на арках, идущий от ворот Троицкой до приземистой Кутафьей башни, стоящей уже почти на проезде у Манежа. Башня эта служила предмостным укреплением при подходах к Троицкой башне. Она представляет собой единственное сохранившееся такого рода оборонительное сооружение, которое ранее было у некоторых других кремлевских башен. Мост, сооруженный в 1516 г. на месте еще более древнего (по преданию – XIV в.), стоял над рекой Неглинной, которая в этом месте широко разливалась: она была подпружена и на прудах действовали мельницы. Плотины высоко поднимали уровень воды, которая таким образом могла поступать из реки в ров, проходивший по Красной площади вдоль Кремлевской стены. Когда устраивали Александровский сад на месте ложа Неглинной, убранной в подземный канал, к мосту пристроили пологие пандусы и лестницы, по которым можно было выйти в сад. Однако в 1901 г. при ремонте моста и лестницы и пандусы разобрали.

Кутафья башня

Происхождение названия башни – Кутафья – неясно. Предполагается, что так ее стали звать из-за приземистости и неуклюжести, но это только сейчас она кажется такой, ибо вокруг нее вырос высокий слой земли, а ранее она была стройной и высокой. Название может происходить и от слова «кут» – угол, укрытие. Ворота назывались также Борисоглебскими – по церкви на Арбатской площади, куда вела дорога через башню, Владимирскими – по образу над проездом и Патриаршими – так как через них проезжали к патриаршему двору.

Башня представляла собой серьезное оборонительное сооружение – и сейчас на боковом фасаде можно видеть следы щелей, через которые проходили рычаги подъемного механизма моста через ров, окружавший башню. Вместе с другими кремлевскими башнями Кута-

фью в 1685 г. украсили: поставили ажурный верх с белокаменными деталями; в 1780 г. разобрали обветшавший кирпичный свод, и она оказалась полностью открытой внутри.

На этой башне тоже находились образа: со стороны города прямо по стене был написан образ святых Бориса и Глеба, со стороны Троицкого моста – святого Владимира.

Средняя Арсенальная башня (высота башни – 38,9 м)

Как писал о башне С.П. Бартнев, автор единственной полной книги о стенах Кремля, изданной в 1912 г., «стройная и серьезная, она глядит оконным пролетом своей дозорной вышки, как страж недреманным оком».

Здесь стояла угловая башня белокаменного Кремля Дмитрия Донского, на месте которой в 1493–1495 гг. и построили существующую башню.

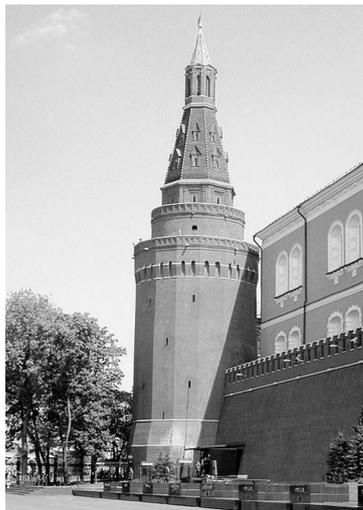
Средняя Арсенальная башня

Современное название она получила после возведения Арсенала позади нее. Она также называлась Граненой, так как, единственная среди других, украшена скупым декором на наружной грани – двумя плоскими вертикальными нишами. Надстроили башню в 1680-х гг., ее верх похож на верх другой – Набатной. Предположительно на ней находился также набатный колокол, называвшийся Троицким – по близости к Троицкой башне.

Угловая Арсенальная башня (высота башни – 60,2 м)

Называлась еще Собакиной – по близости ко двору боярина Собакина, и только после постройки Арсенала получила современное название. Возведена зодчим Пьетро Антонио Солари в 1492 г.

Эта башня – самая мощная из всех угловых, ее основание глубоко скрыто за многовековыми напластованиями, а толщина стен достигает 4 м. На фундаменте высоко поднимается ее основной шестнадцатигранный объем, на котором в 1672–1686 гг. поставили восьмигранный шатер, завершенный ажурной смотрильной башенкой. В подземелье башни на случай осады был устроен колодец-тайник, действующий до сих пор: из него вытекает чистая и прозрачная вода. Любопытно, что в 1894 г. воду решили откачать, и, по словам С.П. Бартнева, она прибывала «каждые пять минут на 2 с половиной вершка», то есть постоянный приток воды составлял 10–15 л в секунду. Из этой башни был устроен и тайный выход к Неглинной, который потом заложили, а вот водосток сохранился.

Угловая Арсенальная башня

Когда Москва после поражения при Нарве ожидала нападения шведского короля Карла XII, на Собакиной башне в 1707 г. растесали узкие бойницы для установки пушек. При попытке подрыва Кремля наполеоновскими войсками в 1812 г. с Угловой Арсенальной башни взрывом снесло самый верхний шатер с вышкой, а ее тело прорезали глубокие трещины. Все повреждения были исправлены архитектором О. Бове.

В конце XIX в. помещения башни приспособлялись для Московского губернского архива, хотя она совершенно не годилась для него. Внутренний вид башни вызвал такое эмоциональное описание: «Нужно видеть эти горы дел, какими заполнена башня, нужно потолкаться по улицам и закоулкам этого многоэтажного, бумажного города, чтобы понять весь поистине египетский труд, какой выпадает на долю тружеников архивариусов, обреченных судьбой в холоде, сырости и темноте проводить дни, недели, годы, чтобы выйти отсюда непременно больными на всю жизнь».

Никольская башня (высота башни до звезды – 67,1 м, а со звездой – 70,4 м)

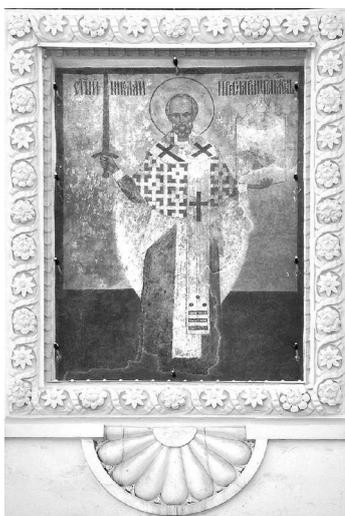
Иногда Никольская башня называлась Иерусалимской – по церкви Входа Господня в Иерусалим, находившейся у подворья Симонова монастыря, рядом с башней. Но наиболее употребительное ее название – Никольская – произошло возможно от иконы святого Николая, помещенной над воротами отводной стрельницы. Он считался защитником угнетенных и карающим клятвопреступников, почему у его иконы на Красной площади, городском торговом центре, заключали сделки и целовали крест. Икона эта пользовалась большим уважением, и, возможно, поэтому так сурово покарали некоего иконоборца, бросившего в икону палку. В газете «Санкт-Петербургские ведомости» от 17 декабря 1720 г. было опубликовано такое сообщение: «Декабря в 13 день в Санктъ-Петербурге, на площади созженъ богохульникъ и иконоборецъ Шуйскаго уезда Василья Змиева крестьянинъ Ивашка Красный, за то, что Октября 23 дня, сего же 720 года, какъ было вь Москве изъ Соборной Церкви Успения Пресвятыя Богородицы Крестное хождение вь Соборную Церковь Чудотворнаго образа Пресвятыя Богородицы, именуемая Казанския, онъ, Ивашка, обругалъ Спасителевъ образъ и Животворный крестъ Господень вь Никольскихъ воротахъ и для того пойманъ».

Никольская башня

Поразительно – начало XVIII в., Петровские реформы, европейские обычаи и публичное сожжение на главной площади столицы инакомыслящего!

Никольская башня связана со многими важными и памятными историческими событиями и деятелями. В августе 1380 г. через ее ворота проходили полки Дмитрия Донского на Куликово поле. Никольские ворота были свидетелями завершающего эпизода междоусобной брани и братоубийственной вражды между внуками Дмитрия Донского, двоюродными братьями Василием Васильевичем и Дмитрием Юрьевичем Шемякой. Борьба за династические интересы продолжалась четверть века и была очень ожесточенной. Уже в последние годы междоусобной брани Москва оказалась во власти Василия. Он послал с небольшим отрядом своего боярина Плещеева в Москву, и тот, обойдя войска Шемяки, подошел к Кремлю и, воспользовавшись тем, что одна из москвичек, княгиня Ульяна, ехала к заутрене и для нее отворили Никольские ворота, вошел в Кремль и захватил его. Таким образом, Василий Васильевич получил в свое владение Москву и стал впоследствии великим князем Василием II, по прозванию Темный.

Икона Св. Николая над Никольскими воротами

Никольские ворота были обязательной остановкой для митрополитов и патриархов в день посвящения – перед ними они творили молитву и кропили их святой водой.

Через ворота Никольской башни обычно въезжали в Кремль к монастырским подворьям и боярским дворам поблизости от нее, а из Кремля этими воротами выходили стрельцы, перед походом собиравшиеся у Оружейного приказа, на месте нынешнего Арсенала. Они совершали молебствие перед иконой святого Николая и отправлялись далее. Так, в 1687 г. войска собрались в Крымский поход и на Никольском мосту царица Софья, цари Иоанн и Петр жаловали к руке бояр и воевод.

В старину на Никольской башне также находились часы, о которых уже не упоминалось в начале XVII в. Интересно отметить, что Никольская башня не была надстроена в конце XVII столетия, как другие башни Кремля. В 1730-х гг. ее украсили пышным барочным декором, подобно соседнему Арсеналу, выстроенному тогда. Только в 1780 г. башню надстроили низким шатром, а в 1806 г., возможно, по проекту архитектора Луиджи Руска возвели над мощным четвериком башни восьмерик и завершили его шатром с готическими деталями из белого камня.

В 1812 г. верх башни снесло взрывом, да и четверик башни был сильно поврежден, однако икона святого Николая над воротами осталась неповрежденной.

По этому случаю император Александр I приказал поместить на башне следующую надпись: «В 1812-го года во время неприятельского нашествия твердыня сия почти вся была разрушена подрывом неприятеля: но чудесною силою божию святой образ Великого угодника божия святителя николая, zde начертанный на самой камени, и нетолько самый образ, но и самое стекло, прикрывавшее оный, и фонарь со свещею остались невредимыми. – Кто бог велий яко бог наш; ты еси бог творяй чудеса, дивен бог во святых своих».

Икона св. Николая Чудотворца

Комиссия для строений в Москве была уполномочена восстановить весь Кремль, и в декабре 1816 г. московскому генерал-губернатору сообщили, что «Архитектор сей Комиссии Бове представил ей фасаду Никольской, что в Кремле башне по приказанию Вашего Сиятельства для поднесения Государю Императору им сочиненную». В 1818 г. архитектор Ф.К. Соколов настоял на том, чтобы тяжелое кирпичное завершение башни было заменено на более легкое железное; возможно, тогда и появились по углам нижнего четверика четыре высокие и тонкие башенки из белого камня с декором, повторяющим декор двух восьмериков (С.П. Бартнев отмечал, что этот декоративный мотив обычен в готическом зодчестве, и приводил в пример здание церкви Святой Марии XV столетия в польском городе Штаргард),

и в феврале следующего года он доложил, что восстановление ее, как и других башен (за исключением Водовзводной), закончено.

В конце концов Никольская башня получилась самой стройной из кремлевских башен, с легкими и стремительными очертаниями высокой надстройки.

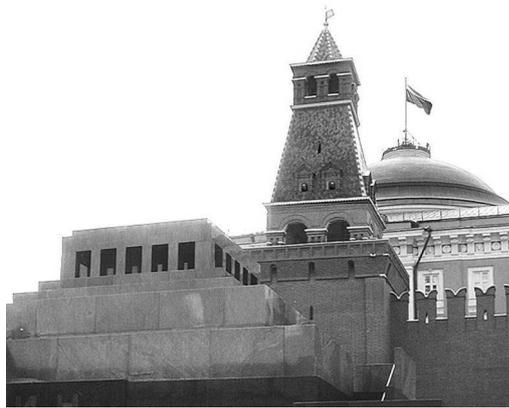
Однако взрывом в 1812 г. злключения Никольской башни не закончились. В ноябре 1917 г. она была серьезно повреждена при боевых действиях: красногвардейцы стреляли по башне прямой наводкой. Вот отрывок из описания разрушений Кремля, изданного в 1917 г. по горячим следам: «Как Никольская башня, так и Никольские ворота совершенно изрыты снарядами, пулеметами, ручными гранатами и ружейными пулями. Совершенно уничтожен киот, прикрывающий икону св. Николая, сень над иконой сбита и держится на одном гвозде. С одной стороны изображение ангела сбито, а с другой – прострелено. Среди этого разрушения образ св. Николая уцелел, но вокруг главы и плеч Святителя сплошной узор пулевых ран. При первом взгляде кажется, что иконы нет, но, всматриваясь внимательнее, сквозь пыль и сор вырисовывается сначала строгое лицо св. Николая и в правом виске видна рана, а затем становится яснее и весь этот чудотворный образ – стена и ограждение священного Кремля».

Весной 1918 г., как вспоминал архиепископ Иоанн (Шаховской), он оказался в Москве:

«В эти дни Москву обошел слух о некоем событии, случившемся у Никольских ворот. Я также пошел к этим воротам. Я увидел там толпы людей. Большая икона св. Николая чудотворца висела над воротами. Она была занавешена красной материей. Материя была прибита гвоздями к краям иконы и закрывала ее всю. И вот в этот тихий солнечный день москвичи увидели, что эта красная материя, закрывавшая икону, во-первых, разорвалась сверху донизу; и далее полоски материи стали, как ленточки, отрываться от иконы сверху вниз и падать на землю... Я стоял среди благоговейной и сосредоточенной толпы. Икона, на глазах у всех, очистилась совершенно от красной материи, ее закрывавшей. И вдруг я услышал позади себя выстрелы – один, другой, третий. Я оглянулся и увидел парня в солдатской одежде. Он стрелял из ружья, метя в икону. Лицо его было типично русское, крестьянское, круглое, с напряжением, но безо всякого выражения. Очевидно, он, исполняя чье-то распоряжение, стрелял в икону Святителя. Метки от пуль его оставались на иконе, уже ничем не закрытой. Оставались только маленькие кусочки красной материи по краям иконы, где были гвозди.

Я видел, как в своей одержимости грешная Русь расстреливала свои святыни, а Русь святая молитвенно созерцала чудесное знамение Божией силы над миром».

Со стороны Кремля над воротами находилась фресковая икона Казанской Богоматери с четырьмя ангелами по бокам. Появление ее здесь, возможно, объясняется тем, что 25 ноября 1612 г. именно через эти ворота (как и через Фроловские) вошло «все воинство и вси православные народы во град Кремль во мнозе радости», ознаменовав тем самым окончание оккупации его польскими войсками. В память этого события ежегодный крестный ход, совершавшийся 22 октября к Казанскому собору, проходил Никольскими воротами.

Сенатская башня

В 2010 г. над воротами башни восстановили икону святого Николая (см. «Спасская башня»).

С 1822 г. в башне хранили дела Московского губернского архива, но в совершенно неподходящих условиях – сквозь прорехи в крыше на них в продолжение нескольких лет лил дождь и попадал снег, пока различные ведомства препирались, кому надо делать ремонт. Еще в начале XX в. отмечалось, что условия хранения 600 тысяч дел весьма плохие – сырость, отсутствие вентиляции и отопления.

Со стороны Красной площади, слева от стрельницы, до 1930-х гг. стояло построенное в 1884 г. небольшое здание часовни Святого Николая Чудотворца, где находилась копия с иконы. С правой стороны находилась часовня Святого Александра Невского. Обе они были выстроены иждивением богатого купца С.И. Карзинкина во исполнение завещания его отца, владельца Большой Ярославской текстильной мануфактуры.

Сенатская башня (высота башни – 34,3 м)

Башня занимает центральное положение на Красной площади, но из-за того, что она небольшая и вдобавок находится за мавзолеем Ленина, не играет почти никакой роли в формировании облика площади. Она похожа на другие небольшие башни, такие как Набатная, Оружейная и Комендантская, а также на приречные. Построена башня была в 1491 г. зодчим Пьетро Антонио Солари и надстроена четвериком с арочными проемами и шатром в 1680 г. и с тех пор не менялась. Безымянная, она стала называться Сенатской после постройки за ней здания Сената.

В 1918 г. в память первой годовщины взятия власти большевики укрепили на башне большую, из 54 блоков окрашенного цемента, мемориальную доску, посвященную «павшим в борьбе за мир и братство народов», работы скульптора С.Т. Коненкова. На доске изображена крылатая женская фигура, олицетворяющая Победу, в одной руке держащая красное знамя с советским гербом, а в другой – зеленую пальмовую ветвь, над ней в солнечных лучах было написано: «Октябрьская 1917 Революция».

Доску открывал Ленин, сказавший, что погибшие за большевистскую революцию обрели новую почесть, состоявшую в том, что по их телам «прошли тысячи и миллионы новых борцов, столь же бесстрашных, обеспечивших этим героизмом массы победу», и предупредивший о том, чтобы никто не успокаивался, так как «нас ждут новые жертвы». Когда упал занавес с доски, духовой оркестр и хор исполнили написанную специально для этого случая кантату, а по Красной площади прошла демонстрация. При реставрации башни в 1950 г. доску сняли и перенесли в Музей революции. В этой башне сделан проход для выхода из Кремля на Красную площадь, которым пользовались советские руководители при проведении парадов и демонстраций.

По обе стороны от башни в Кремлевскую стену замурованы урны с прахом известных деятелей Советского государства и мирового коммунизма.

Успенский собор

Духовным центром Кремля и самым значительным зданием его является Успенский собор, облик которого, строгий и несколько аскетичный, доминирует на Соборной площади. Собор являлся местом захоронения духовных владык – московских митрополитов и всероссийских патриархов – и местом важнейших государственных церемоний – коронаций московских князей, русских царей и императоров. Первое «напрестолование» происходило в 1432 г., когда на московский стол его посадил золотоордынский посол Мансырь-Улан-царевич. В соборе венчали на царство Ивана IV Васильевича, ставшего Грозным, первого выборного царя Бориса Годунова, самозванца Дмитрия и Марину Мнишек, первого царя из династии Романовых – Михаила Федоровича. В этом соборе Петр Великий возложил русскую императорскую корону на безродную крестьянку Екатерину, а надев сама на себя корону, немецкая принцесса стала императрицей Екатериной II, и тут же 14 мая 1896 г. был коронован последний русский император Николай II.

Посвящен собор одному из наиболее почитаемых событий христианской религии – Успению матери Христа, то есть воспоминанию о ее смерти, или «успении», как бы сне (усопший – уснувший). После вознесения Христа она жила в доме Иоанна Предтечи и узнала о дне своей смерти от того же архангела, который сообщил ей о рождении Христа. В день смерти успения в Иерусалим из разных стран приехали на облаках все апостолы, и Богоматерь попрощалась с ними, обещав заботиться о христианах.

Успенский собор

В России Успенские храмы очень почитались и по числу находятся на втором месте после самых распространенных Никольских. С VI в. Успение Богородицы отмечается 15 (28) августа и предваряется двухнедельным постом.

Как правило, на Руси храмы возобновлялись на месте старых, и кремлевские соборы лучшее тому свидетельство. Так, весьма вероятно, что первоначально церковная постройка была на этом месте еще в XII в., если судить по найденному под современным зданием и рядом с ним кладбищу, относившемуся к этому времени. Интересно отметить, что захоронения находились в уже отложившемся культурном слое, то есть в поселении, жившем определенное время, а некоторые исследователи даже говорят о «многолюдном городском центре». Можно сказать, что в XIII в. (примерно в 1280–1290-х гг.) здесь находился небольшой каменный трехапсидный, с двумя приделами храм, от которого остались фрагменты кладки и часть стены.

Иногда считают на основании сообщения Львовской летописи о смерти в Орде князя Юрия Даниловича, боровшегося с Тверью за великое княжение, что его похоронили в Успенском соборе: «...положиша его во церкви святыя Богородица честнаго Успения, во приделе святаго Димитрея». Однако это летописное известие вызывает сомнение, так как во всех других летописях сообщается, что в 1326 г. его похоронили в церкви Святого Михаила, впоследствии ставшей усыпальницей и других московских великих князей и царей: «...положиша его в церкви святаго Архаггела Михаила, на десной стране».

На московский престол вступил его брат Иван Данилович, получивший прозвище Калита, то есть кошель. При нем Москва, стольный город княжества, стал обстраиваться каменными храмами, и одним из первых был воздвигнут Успенский собор. Его заложил в 1326 г. митрополит Петр в присутствии великого князя: «Того же лета священа бысть церкви Успение святая Богородица на Москве епископом Ростовским Прохором, месяца августа 4». Сам митрополит и приготовил себе могилу в соборе, у его северного придела, и лег в нее через полгода: «...месяца декамврия в 20 день на память Игнатъя Богоносца в нощи той преставия Петр митрополит Киевъский и всея Руси великий чудотворецъ, и положен бысть в церкви святыя Богородица, юже сам поча здати...»

Окончен Успенский собор был через год после закладки. Это был небольшой храм с обычными трехчастными апсидами и двумя приделами, из которых южный был посвящен, возможно, святому Дмитрию Солунскому, а второй – Поклонению веригам апостола Петра, в память митрополита Петра. В 1459 г. пристроен еще один придел – Похвалы Богородицы, в благодарность чудесному спасению Москвы от нашествия ордынского хана Седи-Ахмета. Собор простоял почти полтора столетия и за это время сильно обветшал: как написал летописец, его «уже деревии толстыми комары подпиряху», то есть бревнами толстыми своды подпирали. После большого пожара 1470 г. собор, конечно, еще более пострадал: «Того же лета, месяца августа в 1 день, исходящу второму часу, загореся Москва внутри города на подоле, близ Костянтина и Елены, от Богданова двора Носова, а до вечерни и выгорел весь...»

Строительство нового Успенского собора, «подобну Владимирской святой Богородицы», но крупнее его, задумал в конце XV в. митрополит Филипп: он наложил на всех попов и монастыри «тягину велику», велел собирать серебро, к духовенству присоединились бояре и купцы, которые «своею волею части своя имениа вдаша митрополиту на церковное создание».

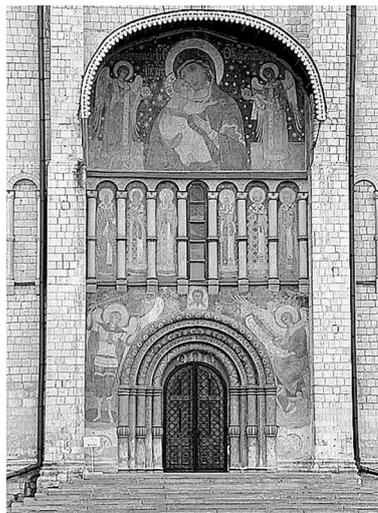
Икона Владимирской Божьей Матери в Успенском соборе

Летопись сообщила, что митрополит призвал двух мастеров, и, что было совершенно необычно, привела их имена – Ивашка Кривцов и Мышкин (первый был, вероятно, главным, судя по тому, что летописец назвал не только фамилию, но и имя): «...помыслив и сътворив, призва мастера Ивашка Кривцова да Мышкина и нача их глаголати, ашо имутся делати? Хотяше бо велику и високу церковь сътворити, подобну Владимирской святой Богородицы. Мастери же изымашася ему таковую церковь въздвигнути». Они взялись за работу – 30 апреля 1472 г. митрополит освятил закладку. Во время строительства каменного собора внутри его устроили деревянную временную церковь, в которой совершилось бракосочетание Ивана III и царевны Зои Палеолог.

Через два года в соборе уже выкладывали своды. Любопытствующие москвичи приходили осматривать необычное, хотя еще и не оконченное строение, но вот вечером 20 мая 1474 г., когда народ уже разошелся и по верху сводов разгуливал только сын князя Федора Пестрого, он услышал треск и звук падения камней и едва успел спуститься оттуда, как стены и своды рухнули. Непосредственной причиной разрушения собора была плохая известь («неклеевитая») и то, что устроенная в северной стене лестница ослабила ее. Однако надо сказать, что строительное искусство после ордынского нашествия находилось в глубоком упадке и мастера не справились с возведением еще невиданного по величине и объему храма.

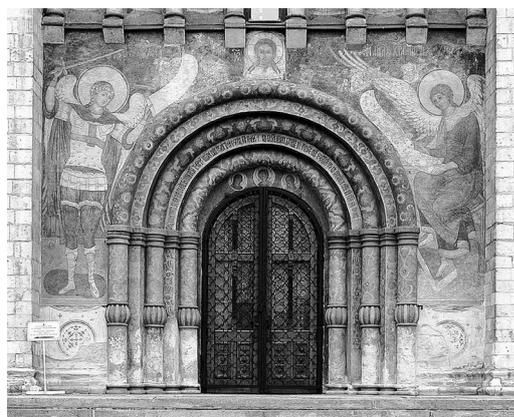
«Главной причиной такого несчастья, – пишет историк И.Е. Забелин, – и такой печали для всего города послужило плохое искусство мастеров или, вернее сказать, полная несостоятельность тогдашнего строительного художества».

Митрополит Филипп скончался, не дожив до этого события. Великий князь пригласил мастеров из Пскова, но те отказались достраивать собор, и тогда, возможно по совету супруги, Зои Палеолог, он направил посольство в Италию с приказом найти и привезти мастера, способного взяться за постройку. В марте 1475 г. в Москву приехал известный архитектор и инженер Аристотель Фиораванти. На родине он выполнял сложнейшие работы по отливке колоколов, передвижке и выпрямлению городских башен, прокладке каналов, постройке мостов и водопроводов, но из-за преследований и обвинений согласился уехать в далекую Московию. Ему положили большое жалованье – 10 рублей в месяц, предоставили дом около великокняжеского дворца, и он сразу приступает к работе: прежде всего сносит руины старой церкви, да так быстро, что летописец, ревниво следивший за его работами, не удержался от искреннего удивления: «...еже три года делали, во едину неделю и меньше развали, еже не поспеваху износити камение». Весь процесс строительства подробно описан в летописях: как мешали известь, чтобы ее «ножом не мочи расколупати», как рыли фундамент, клали стены, укрепляли металлические связи, носили кирпичи, которые специально для этого собора изготовили на новых кирпичных заводах в Калитникове. Через два года возведение собора было вчерне окончено, но только еще через два года его освятили. Для образца, которому нужно было следовать, выбрали владимирский Успенский собор, но думается, что Аристотель, хорошо знакомый с романскими постройками Западной Европы, не увидел нового для него во Владимире: он «похвали дело, рече: неких наших мастеров дело». В Москве же он устроил вместо пяти проходов-нефов три и разделил их не квадратными столбами-колоннами, а круглыми – «аки дрeвеса каменные»; он же отказался и от хоров на западной стороне. В результате новый Успенский собор вышел просторнее и светлее многих московских построек, что тут же отметил внимательный летописец: «Обложена церковь палатным образом» и «Бысть же та церковь чюдна велми величеством, и высотую, и светлостию, и звоностию, и пространством, такова же преже того не бывала в Руси...». Освятил собор за два дня до праздника Успения, 12 августа 1479 г., митрополит Геронтий в сослужении трех епископов, в присутствии Ивана III и его брата князя Андрея, бояр, вельмож и «вси православнии христиане».

Южный вход в Успенский собор

Фасад разделен на равные части и по высоте и по ширине, а обычные в русских церковных зданиях алтарные выступы сделаны небольшими, да еще скрытыми за выступами небольших стенок, что придало зданию монолитность – «яко един камень», отметил летописец. По горизонтали здание разделено декоративным поясом колонок и арочек, а по вертикали – пилястрами на равные промежутки с узкими и высокими окнами. В здание ведут три входа – северный и южный (они, как правило, закрыты) и западный, через который и входят в храм. Южный, со стороны Соборной площади, был парадным, открывался только в случае торжественной церемонии. Он оформлен белокаменным арочным порталом, над которым находится фреска, изображающая Богоматерь с двумя архангелами по сторонам – Михаилом и Гавриилом; ниже, между колонками, изображены святители, а по сторонам от входа – фигуры ангела (справа) и еще одного архангела Михаила (слева) с мечом, грозящим не кому-либо, а посетителям, как было написано, «разглагольствующим в церкви», – надо было, оказывается, прибегать к таким угрозам непочтительным москвичам.

Западный вход в Успенский собор

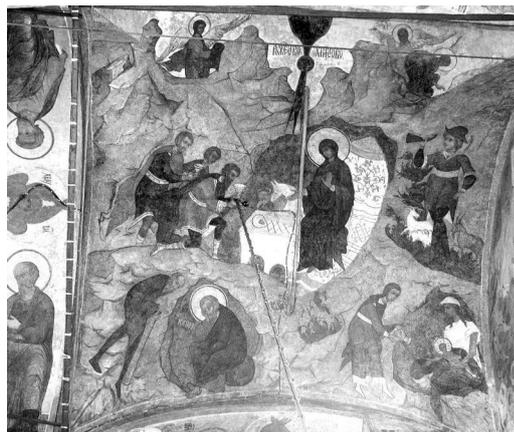
Росписи есть и на северном фасаде, выходящем в узкий проход между собором и Патриаршими палатами. Там также изображены святители и над ними – Христос с Богомате-

рю, Иоанном Предтечей и всеми 12 апостолами. Ближе к северо-западному углу виднеется киот с белокаменным крестом, отмечающим место захоронения митрополита Ионы.

С восточной стороны росписи находятся на самом верху, в полях закомар (комарой назывался свод здания), где изображены Троица, ангел, Богоматерь, Иоанн Предтеча и поклонение Марии с Младенцем.

Внутренняя роспись храма была сделана, возможно, знаменитым иконописцем Дионисием с помощниками, от которой сохранились лишь небольшие части, и в основном за иконостасом. Старая роспись за много лет значительно попортилась, и в 1643 г. большая артель иконописцев, собранных из многих городов, во главе с Иваном и Борисом Паисеиными и Сидором Поспеевым, произвела по прорисьям-копиям старых изображений существующую роспись, ковром покрывающую своды, стены и столбы.

Роспись христианских храмов подчиняется определенным, жестко установленным правилам и имеет символическое значение, предназначая ее для неграмотного прихожанина. В главном куполе – Христос Вседержитель, то есть повелитель мира, с «книгой судеб», которая будет раскрыта в день Страшного суда. Ниже по стенам изображены архангелы, праотцы, пророки, еще ниже – евангелисты с их отличительными признаками – Матфей с ангелом, Лука с теленком, Марк со львом, Иоанн с орлом. На столбах написаны святые и мученики, на стенах – композиции на библейские темы, а на западной стене – сцены Страшного суда и апокалипсиса.

Апостолы Петр и Павел. Успенский собор

На сводах помещены рисунки на тему религиозных праздников, фигуры святых, иллюстрации к Евангелию, к жизни Богоматери. На западной стене – сцены Страшного суда, где в числе грешников фигурируют и иноземцы (справа), выделяющиеся белыми кружевными воротниками.

Росписи Успенского собора

Иконостас Успенского собора первоначально представлял собой невысокую преграду, в марте 1653 – январе 1654 г. ее заменила высокая, почти до потолка, стена с 69 иконами, которые были выбраны, возможно, самим патриархом Никоном и выполнены целой бригадой иконописцев, собранных из разных городов. В нижнем, местном ряду находятся почитаемые иконы – справа от царских врат стоит икона Спас Златая риза (ее сплошь закрывал позолоченный оклад), или, как она еще называется, Спас императора Мануила, написанная в Новгороде на доске XI в. и переписанная около 1699 г. изографом Кириллом Улановым. На ней необычный Христос – он указывает правой рукой вниз. По легенде, икону написал сам византийский император, как обычно было принято, с поднятой благословляющей рукой. Как-то император наказал священника и тем самым вмешался во внутрицерковные дела. Во сне он увидел Христа, показывающего рукой вниз, как бы напоминающего о смирении перед церковью, и, проснувшись, увидел, что рука на иконе была опущена: «...узре руку Спасову указующи низу, а не тако, яко же он написал бе преже». Конечно, патриарх Никон, считавший власть церкви выше мирской власти царя, не упустил возможности поставить именно эту икону на главное место в местном ряду иконостаса Успенского собора. Далее справа – храмовый образ Успения, современный самому собору; под иконой на металлической доске помещены тексты тропаря и кондака (то есть песнопений) на тему Успения. Над дверью в Дмитриевский придел находится одна из самых древних икон – Спас Ярое око XIV в. (шестая от царских врат), написанная для собора времен Ивана Калиты. На суровом и грозном лице Христа неожиданно резко выделяются ярко-красные губы: так древний живописец выразил его красноречие.

Росписи Успенского собора

Слева от царских врат находилась самая известная икона собора – Владимирской Богоматери, написанная в Византии в XII в., которая теперь хранится в Третьяковской галерее, а на ее месте поставлена икона 1514 г. Слева от врат обращают на себя внимание фрески каменной алтарной преграды, на которых изображены монахи и отшельники. Эти фрески написаны после возведения собора и с тех пор не подвергались поновлению.

Самая древняя икона в Успенском соборе – это Святой Георгий XII в. в отдельном киоте слева от иконостаса. Считается, что она написана по заказу сына Андрея Боголюбского Юрия (Георгия), женившегося на грузинской царице Тамаре. На иконе художник изобразил молодого человека с огромными глазами и нежной кожей, с играющим на лице румянцем, совсем, казалось бы, неподходящим для образа мученика и воина. На обратной стороне доски – икона Богоматери, переписанная в XIV в.

Великолепные иконы находятся у стен – южной и северной. У южной – Петр и Павел (вторая справа), возможно принадлежащая кисти Феофана Грека, и иконы Дионисия и его школы: Апокалипсис, Митрополит Петр с житием, О тебе радуется (третья, четвертая и пятая справа). У северной стены самая древняя икона – Святой Николай начала XV в. (крайняя слева), далее иконы XVI–XVII вв.: Преподобный Александр Свирский (1547), Боголюбская Богоматерь с житием Зосимы и Савватия, соловецких чудотворцев (1545), Тихвинская Богоматерь (1668) со 103 клеймами – рассказами о ее жизни, Сошествие во ад из Соловецкого монастыря (XVI в.), Достойно есть (середина XVI в.), Успение (1668). А у самого иконостаса висит любопытная икона, изображающая Троицу, работы известного иконописца Тихона Филатьева XVII столетия. Реставраторы расчистили лицо ангела справа, и тогда появилась живопись XIV в.

Патриарх Иоасаф I

Патриарх Иоасаф II

Патриарх Питурич

В соборе находятся замечательные произведения прикладного искусства. Сразу же справа у западного входа бронзовая сень-шатер работы мастера Дмитрия Сверчкова, изготовленная в 1624 г. для хранения плащаницы (то есть покрывала с изображением Христа в гробу), но впоследствии туда положили часть так называемой Христовой ризы – одежды, бывшей на нем во время распятия, – подаренной царю Михаилу Федоровичу. Это был небольшой (примерно 18×18 см) кусок льняной красноватой ткани. С годами кусочки от него отрезали и передавали в разные церкви – в Петербург, Ярославль, Киев, Кострому. После 1918 г. большевики отдали чтимую святыню в Крестовоздвиженскую церковь на Воздвиженке, а после ее сноса вернули обратно в Кремль, в фонды музея, где она и хранится сейчас. Теперь под сенью находится рака (то есть гроб с мощами) патриарха Гермогена, поставленная туда перед празднованием 300-летия дома Романовых в 1913 г.

У иконостаса находятся несколько «моленных мест». Так, рядом с северным столбом – место для цариц и царевен с шатровым завершением, относящееся к XVII в., но переделанное в XIX в. У южного столба – патриаршее место, выполненное из белого камня в конце XV столетия и украшенное поздней, XIX в., живописью. Недалеко от него, у южной двери, царское место, сделанное в 1551 г. для Ивана Грозного русскими (вероятно, новгородскими) резчиками по дереву. Обращают на себя внимание красивые южные двери XVI в., называемые Корсунскими, так как, по легенде, они были вывезены из Корсуни (Херсонеса) еще Владимиром Мономахом. Медные листы расписаны золотыми на черном фоне изображениями греческих мудрецов, прорицательниц и пророков.

Интерьер Успенского собора

По стенам собора стоят надгробные сооружения (кенотафы, составное греческое слово от двух слов: «кенос» – «пустой» и «тафос» – «могила») над погребениями митрополитов и патриархов, за исключением одного – Никона, похороненного в основанном им Новоиерусалимском монастыре. На левой северной стороне находятся погребения Ионы (под роскошной сенью 1803 г. с иконой Спас Нерукотворный и картиной художника XIX в., изобразившего митрополита перед католическим распятием!), Геронтия, Симона, Макария, Афанасия, у западной, начиная от входа, – Адриана, Иоакима, Питирима, Иоасафа II, Гермогена (под сенью), Фотия и Киприана, у южной – Филарета, Иоасафа I, Иова и Иосифа. За иконостасом находятся захоронения Петра и Феоноста.

Собор освещают 12 светильников, сделанных в XVII в. В центре – большое, весом 328 кг, паникадило, получившее название «Урожай» по украшению в виде снопа пшеницы, сделанное из серебра, отбитого у отступавших наполеоновских войск.

В ноябре 1917 г. при обстреле Кремля большевиками в Успенский собор попало несколько снарядов, были пробиты купола, но, к счастью, разрушения оказались не очень большими. После занятия Кремля советским правительством его закрыли для посещения; последняя служба в Успенском соборе состоялась на Пасху 1918 г. по разрешению Ленина для опровержения слухов об осквернении и распродаже кремлевских святынь. Она-то и вдохновила художника П.Д. Корина на создание большой картины «Уходящая Русь», для которой он выполнил несколько великолепных подготовительных этюдов-картин.

Успенский собор, как и многие здания в Кремле, впервые открыли для посещения в июле 1955 г.; он стал музеем, и с тех пор начались серьезные исследования собора. После исчезновения Советского Союза в соборе в большие религиозные праздники проходят торжественные патриаршие богослужения, но, конечно, Успенский собор, как и другие кремлевские церкви, не просто место религиозных отправлений, но памятник культуры, истории, архитектуры, прикладного искусства, который должен остаться музеем: его, как общенародную ценность, нельзя отдавать в собственность какой-либо организации.

Архангельский собор

Второй по значению кремлевский собор – Архангельский. Он, так же как и Успенский, построен итальянцем, но на 30 лет позже, в 1505–1509 гг., возможно, на месте деревянной церкви, выстроенной в честь своего святого князем Михаилом Ярославичем Хоробритом, братом Александра Невского, в 1260–1270-х гг.

Внук Михаила Иван Калита в 1333 г. возвел каменный Архангельский собор, ставший пятой церковью, появившейся в Кремле во время его правления. Храм, судя по тому, что строили его только один сезон, был небольшой. Его освятил митрополит Феогност 20 сентября 1333 г. Храм стал усыпальницей для московских князей и царей на протяжении почти 400 лет.

К началу XVI столетия здесь уже негде было класть умерших, и Иван III повелел строить обширный собор. Автором и строителем его был итальянец Алоизио Ламберти да Монтаньяна, названный в Москве Алевизом Новым (чтобы отличить его от другого Алевиза, приехавшего раньше). Он появился в Московии в 1504 г., после того как по пути в Москву был задержан крымским ханом для строительства дворца в Бахчисарае, и только после его окончания хан отпустил зодчего с таким отзывом: «...велми доброй мастер, не как иные мастера, велми великой мастер. И ныне у тебя, у брата своего, прошу, и нашего для прошения, того Алевиза мастера с иными мастерами ровно не смотри...» Через год после прибытия в Москву он приступает к делу: сносит старый ветхий собор и в 1505 г. начинает строить новый – 21 мая «заложил новую церковь... и тогда вынесла мощи великих князей и уделных», которые перенесли в стоявшую рядом церковь Ивана Лествичника.

Архангельский собор

Великий князь Иван III не дождал до окончания строительства – он умер осенью следующего года, и «положиша тело его в церкви новой святого и великаго Архаггела Михаила», то есть тогда церковь была, надо думать, вчерне закончена. Однако прошло еще три года, прежде чем 8 ноября 1509 г. митрополит всея Руси Симон освятил ее, и уже через три месяца там похоронили жертву династических раздоров, сводного брата великого князя Василия III князя Дмитрия, умершего «в нужи, в тюрьме».

Итальянский архитектор одел традиционный, по образцу владими́ро-суздальских, русский храм в необычный, можно сказать экзотический наряд, еще невиданный на Руси; и если в Успенском соборе особенности европейской архитектуры выявлены не столь заметно, то в Архангельском они видны сразу же – это необычные украшения арок закомар в виде огром-

ных раковин, которые потом полюбили русским строителям, декоративные фиалы (резные сосуды), стоявшие на вершинах закомар, глубокая лоджия с западной стороны, ренессансная декорация фасадов, а нижний ярус собора вообще был трактован как аркада: собор обходила открытая, наподобие итальянских, арочная галерея. Первоначально все сооружение собора было значительно живописнее – стены красного цвета с белокаменными украшениями, а главы покрыты черной черепицей.

Со временем собор подвергался перестройкам и ремонтам: разобрали северную и западную ветхие части галереи, при возведении баженовского Кремлевского дворца в теле собора появились опасные трещины, и он мог просто рухнуть под откос холма, почему пришлось укреплять здание контрфорсами (кирпичные подпорки, стоящие еще и сейчас).

Во второй половине XVI в. к восточной стене, к апсидам, пристроили две небольшие церковки: с севера – Покровскую, перестроенную в XVII в., а с юга – Святого Иоанна Предтечи. С южной стороны также находится небольшая пристройка – здесь стояла Судная палата, где творился суд над многочисленными монастырскими крестьянами; в 1826 г. на ее месте построили существующее здание со скупым «готическим» декором, предназначенное для соборного духовенства, где оно могло отогреваться от стужи в неотапливаемом соборе (отопление там установили только в середине XIX в.).

Интерьер Архангельского собора более традиционен – он затеснен крупными квадратными в плане колоннами с еще более широкими основаниями. Роспись собора, произведенная при царе Иване Грозном в 1564–1565 гг., была заменена подобной в 1652–1666 гг., которая интересна тем, что на ней изображены киевские, владимирские и московские князья. Среди изображений на левой, северной, и правой, южной, стенах – фрески, посвященные деяниям архангела Михаила. Над входом в собор, снаружи, изображены сцены Страшного суда.

В иконостасе, выполненном в 1678–1680 гг., особенно красивы царские врата. Самая древняя икона в иконостасе – рубежа XIV–XV вв. – написана по заказу вдовы Дмитрия Донского в память о муже – по преданию, перед смертью ей явился архангел и повелел написать икону. Это икона Архангел Михаил с деяниями, стоящая в местном ряду второй справа от царских дверей. Иконостас и роспись особенно пострадали в то время, когда в соборе стоял гроб с телом императора Александра I, около которого день и ночь горели огромные, высотой 1,5 м, свечи.

В сумрачном интерьере Архангельского собора одинаковыми рядами стоят надгробия, покрытые в 1906 г. бронзовыми футлярами, обозначающие места погребений князей и царей под полом собора. Всего в соборе 46 гробниц, но захоронений 54, так как иногда одно надгробие установлено над двумя или тремя захоронениями.

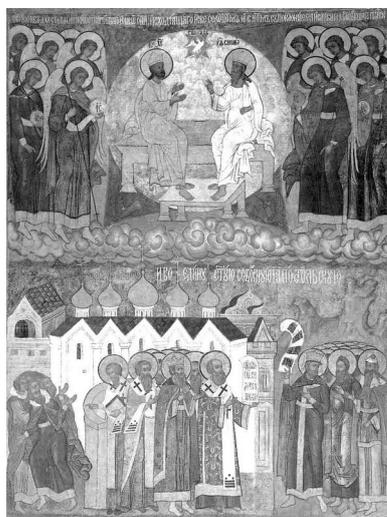
Первым здесь был похоронен Иван Данилович Калита (у южной стены, справа от южного входа); напротив, слева от входа, – Василий II Темный, его сын Иван III и внук Василий III. Ближе к западной стене находится надгробие Дмитрия Донского, а по западной стене в ряду надгробий – его двоюродного брата князя Владимира Андреевича Храброго. У юго-восточного столба находится рака с останками царевича Дмитрия, умершего в 1591 г. в возрасте 9 лет в Угличе.

Последний сын царя Ивана Грозного, носивший такое же имя, как и первый, Дмитрий, после смерти царя жил вместе с матерью в Угличе. Там он, единственный после своего старшего брата законный наследник трона, странным образом умер. Наряженная из Москвы следственная комиссия признала, что царевич, страдая падучей болезнью, во время игры упал на собственный нож, а молва, естественно, приписала его смерть Годунову. Через несколько лет царь Василий Шуйский перенес останки царевича в Москву, в Архангельский собор, и его стали почитать как заступника от междоусобной брани и защитника Москвы. Над погребением возвели белокаменную резную сень, в 1630 г. мощи положили в серебря-

ную раку, украденную во время наполеоновского нашествия в 1812 г. Вместо нее иждивением богатого московского купца Дмитрия Александровича Лухманова соорудили новую, которая и стоит в соборе. Сохранились и вещи царевича Дмитрия – шапочка (тафья), украшенная жемчугом, сафирами и рубинами, которую 20 августа 1700 г. «принес в собор архангела Михаила столпник Алексей Иванов сын Нарышкин, а дав ключарю, сказал, то е де тафьё в соборную церковь архистратига божия Михаила изволил прислать с ним великий гдрь царь и великий князь Петр Алексеевич (то есть Петр I. – *Авт.*)...», орешки, которыми он играл, с оставшимися каплями крови, потертый и выцветший шелковый кошелек с четырнадцатью серебряными монетами времен его отца, серебряная ложка (подаренная собору в 1854 г. графами Мамоновыми, родственниками бояр Нагих).

Цари из династии Романовых похоронены у юго-восточного столба – Михаил Федорович и Алексей Михайлович и у северо-восточного – Федор и Иван Алексеевичи.

Несколько надгробий не видны, ибо они находятся за иконостасом: с южной стороны – Ивана Грозного и его сыновей, убитого им Ивана и Федора, а в приделе Иоанна Предтечи (с южной стороны собора) – молодого талантливоего полководца князя Михаила Скопина-Шуйского. В 1963 г. в связи со строительными работами стало возможным вскрыть гробницы с южной стороны. Комиссия специалистов произвела антропологические и химико-токсикологические исследования в связи со слухами о возможном отравлении Ивана Грозного. Были сняты металлические кожухи, под которыми находились кирпичные надгробия, и тогда обнажились вырубленные из известняка полукруглые в изголовье и расширяющиеся книзу саркофаги, закрытые крышками с надписями вязью. Царя Ивана похоронили в монашеской одежде, которую надели уже после смерти, а останки его сыновей и князя Скопина – в шелковых покрывалах, уже почти истлевших. Скелет царя Ивана хорошо сохранился, на костях находились большие отложения солей. У изголовья стоял чудесный голубой кубок из венецианского стекла. Споры вызвало положение правой руки царя Ивана, поднятой к голове, в то время как обе руки должны были быть скрещены на груди. Высказывались различные предположения, но остановились на том, что кости сместились из-за наклона саркофага. Скелет царевича Ивана почти не сохранился из-за неплотного примыкания крышки к гробу и проникновения воды, поэтому ни подтвердить, ни отрицать полученную травму – сообщалось, что отец убил его тяжелой тростью, – не было возможности. Гроб царя Федора Ивановича оказался очень маленьким – сын Грозного был небольшого роста, ширококостным.

Фрески западной стены Архангельского собора

Анализы показали, что мышьяк в скелете Ивана Грозного был найден не в том количестве, чтобы можно было говорить об отравлении, но вот ртути оказалось в несколько раз больше нормы, что свидетельствует о хроническом отравлении, возможно при лечении венерических болезней. Отравление ртутью сопровождается бессонницей, галлюцинациями, чрезмерной мнительностью, раздражительностью, о чем неоднократно говорили современники.

Судебно-медицинскими экспертами не было найдено никаких подтверждений слухов об отравлении Скопина-Шуйского.

С северной стороны, также за иконостасом, находится рака с мощами князя Михаила Черниговского, убитого в 1246 г. в Орде и объявленного святым. Ее перенесли из церкви, стоявшей над зданием приказов, снесенным при постройке Кремлевского дворца Баженовым. Последнее захоронение в Архангельском соборе произведено в 1730 г. – тогда у северо-восточного столба похоронили императора Петра II, умершего от оспы перед своим бракосочетанием. Но это уже было исключением, потому что после переноса столицы в Петербург в 1712 г. местом захоронения императоров стал Петропавловский собор.

Благовещенский собор

Этот собор – самый маленький и самый изящный на площади, где господствуют большие объемы Успенского и Архангельского соборов.

Первоначально здесь стоял деревянный храм, построенный, вероятно, еще в конце XIII – начале XIV столетия (по преданию, в 1291 г.), его же сменил каменный – возможно, что Дмитрий Донской при перестройке Кремля в 1360-х гг. возвел небольшую, на высоком подклете, с одной апсидой домовую церковь, которую в начале XV в. расписали известные иконописцы Феофан Грек, старец Прохор с Городца и Андрей Рублев; тогда же впервые поставили трехъярусный иконостас, первый на Руси.

На месте этой церкви в 1416 г. при великом князе Василии I построили более просторную церковь, на основе которой и был возведен существующий храм. Во время общей перестройки Кремля, предпринятой Иваном III, псковские мастера, вызванные для сооружения обвалившегося Успенского собора, убоялись возведения еще невиданного большого здания. Благовещенский же собор должен был быть небольшим и вполне для них привычным. Сначала, в 1482 г., «почаша рушити церковь на площади Благовещение, верх сняша и лубьем покрыша», на следующий год «разруши князь великий Благовещение на своем дворе...», а в 1484 г. приступили к работам: «Маиа в 6 день, князь велики Иван Василиевич всеа Русии заложил церковь камену Благовещение пресвятыя Богородица на своем дворе, разрушив первое основание, еже бе създал дед его князь велики Василей Дмитриевичь» (тут летописец упоминает сына Дмитрия Донского Василия I, княжившего в 1389–1425 гг.).

Благовещенский собор

Новый храм был закончен в 1489 г. и освящен 9 августа митрополитом Геронтием. Церковь была, как и предыдущие, домовым храмом – «на великого князя дворе», соединявшимся с дворцом переходом, откуда можно было пройти в собор по узкой и крутой лестнице (ее ступени видны за решеткой на северной стене, слева от иконостаса). Эта постройка составляет центральную часть существующего здания – с тремя апсидами и окружающей храм галереей и тремя главами (позже добавили еще две главы). Через 80 лет, при Иване Грозном, после пожара 1547 г. над углами обходившей храм галереи поставили четыре небольших придела, или так называемые церквицы (называется и другая дата – 1563–1566 гг.), которые освятили в честь Входа Иисуса Христа в Иерусалим, архангела Гавриила, собора Пресвятой Богородицы и святого Георгия, переосвященный в царствование Александра I в честь Александра Невского; там, в иконостасе, поместили образа святых, тезоименитых лицам царствующего дома Романовых.

С постройкой церковиц, каждой со своей главкой, в соборе стало девять глав – все они, позолоченные, ярко сверкающие даже и в пасмурный день над белым прихотливым силуэтом собора, представляют самое привлекательное зрелище на Соборной площади. Есть летописное известие, что в 1508 г. князь Василий III «с великою верою и желанием повеле же и верх церковный покрыти и позлатити»; после пожара, спустя 40 лет, главы снова позолотили, и, как рассказывает побывавший в Москве в 1650–1660-х гг. архидьякон Павел Алеппский, Иван Грозный после взятия Казани обратил все сокровища «в слиток и сделал из него большой крест, – неведомо, сколько миллионов он стоит, и водрузил его на церковь Благовещения. Он существует доселе, – продолжает путешественник, – горит, как солнце, в высоту более трех или двух локтей и столько же в ширину». Эти необыкновенные рассказы он подтверждает словами патриарха Никона, который уверял его, что крест «стоит сто миллионов золотом и что не только крест, но и крыша церкви со своими 9 куполами, карнизами и желобами обложены чистым золотом, в палец толщиной».

Благовещенский собор – единственный, вход в который не с запада, как обычно, а с востока, рядом с апсидами. Объясняется это тем, что с запада в свой домовый храм входил великий князь или царь из дворца, а для всех прочих был сделан отдельный вход с площади, ведущий в обходную галерею. Под козырьком над входом помещена фреска «Собор Богоматери», где изображено собрание пришедших прославить ее и ее сына. За углом, на северной стороне, напротив Грановитой палаты, также «Собор», но на этот раз архангелов. С противоположной стороны, ближе к проезду от Боровицкой башни, расположено еще одно крыльцо – южное, которое называют «грозненским». Рассказывают, что по церковным правилам царю Ивану Грозному запретили присутствовать на службе из-за его неканонического четвертого брака и якобы поэтому для него нарочно пристроили это крыльцо, откуда он мог слышать службы. На самом же деле крыльцо было построено задолго до этих событий, однако он действительно был лишен права входа в церковь. Царь Иван обратился к церковному собору с просьбой разрешить четвертый брак (с Анной Колтовской) «и прощения просил, и бил челом, и молил о прощении и о разрешении». Члены собора, собравшегося в Успенском соборе, «царские богомолцы, Архиепископы и Епископы, таковое царево смирение и моление видеша и умилишася, и слезы многия от очию испустили... на милосердие преклонишася». На него наложили епитимью, то есть наказание: в продолжение целого года он не мог участвовать в определенных церковных церемониях и, в частности, не ходить в церковь до следующей Пасхи (то есть почти год, так как собор собрался на четвертой неделе после этого праздника). Епитимья эта, впрочем, отменялась, если царь будет защищать православную веру против неверных.

Говорят также, что именно на этом крыльце Иван Грозный наблюдал комету, возвестившую ему скорую смерть, но это не так – он видел ее, стоя на Красном крыльце. Как писал Н.М. Карамзин, «явилась Комета с крестообразным небесным знаменем между церковью Иоанна Великаго и Благовещения: любопытный Царь вышел на Красное крыльцо, смотрел долго, изменился в лице и сказал окружающим: вот знамение моей смерти! Тревожимый сею мыслию, он искал, как пишут, Астрологов, мнимых волхвов, в России и в Лапландии, собрал их до шестидесяти, отвел им дом в Москве, ежедневно посылал любимца своего Бельскаго, толковать с ними о Комете, и скоро занемог опасно...».

В дни Октябрьского переворота 1917 г., по словам А.М. Эфроса, известного искусствоведа и свидетеля разрушений Кремля от обстрела большевиками, «Благовещенский собор лишился интересной и художественно ценной детали – чудесного крытого „итальянского“ крыльца, носящего кличку „крыльца Ивана Грозного“, у него разбит снарядом и осыпался весь угол».

Интерьер собора разительно отличается от его радостного, яркого внешнего облика – он темный и маленький, затесненный еще и хорами с западной стороны, куда устроили

вход из Большого Кремлевского дворца. С севера и запада он обстроен галереями-папертьями, а с юга к нему примыкает Никольский придел. Вход в собор через правое крыльцо в северную галерею; над входом (в галерее с внутренней стороны) помещен Спас Нерукотворный, приписываемый Симону Ушакову. Из галереи в собственно церковное помещение ведет перспективный резной, работы итальянских мастеров, портал XVI в., расцвеченный синей краской и золотом, с медными дверями, украшенными в той же технике, что и двери Успенского собора. На створках изображения пророки, античных писателей и философов – Диогена, Еврипида, Платона, Гомера, Менандра и др.

На полу обращают внимание плитки агатовидной красновато-желтой яшмы, увезенные, как считают, из Константинополя и доставленные либо в Ростов Великий, либо в Суздаль, а оттуда в Москву.

Известно, что собор расписали в 1508 г.: «...повеле князь велики Василей Иванович всеа Руси подписывати церковь Благовещение святыя Богородица у себя на дворе, а мастер Феодосей Денисиев сын з братьею» (Феодосий был сыном знаменитого иконописца Дионисия). С тех пор стенопись неоднократно поновлялась, ибо страдала не только от пожаров и времени, но и от неумелого реставрирования – так, исчезли уникальные росписи, возможно принадлежавшие руке итальянских художников. Художник-реставратор, производивший расчистку в середине XIX в., обнаружил изображения, которые «поражали замечательную правильностью рисунка, вероятностию натур и совершенно особым характером приемов техники», но наблюдавшая комиссия не согласилась оставить их и пригласила какого-то богомаза, который вытравил эти уникальные рисунки вообще.

Роспись собора реставрировали в советское время, и теперь здесь можно видеть самую древнюю в Кремле стенопись, но во многих местах, в особенности в западной галерее, она в плохом состоянии. Среди изображений на столбах внутри собственно церкви – княгиня Ольга и князь Владимир на восточной грани северного столба; с северной стороны – Дмитрий Донской и его сын Василий I. Внизу стенопись обрамляют белые «полотенца», которые скопировали с византийских храмов, где висели настоящие куски ткани, защищавшие росписи от прислонявшихся посетителей.

Самое ценное и самое интересное в Благовещенском соборе – это пятирусный иконостас.

На Руси иконостас представлял собой невысокую преграду, к которой приставлялись иконы. К концу XV в. он превратился в высокую, пышно украшенную, золоченую и резную стену, отделяющую алтарь от остальной церкви. На этой стене рядами в определенном порядке расположены иконы. Самый верхний из пяти рядов называется праотеческим – там находятся изображения персонажей Ветхого Завета, в числе которых Адам, Ной, Авель и др. Ниже его – пророческий ряд, где поставлены изображения ветхозаветных пророков, Давида, Моисея, Соломона, Наума и пр. Далее – праздничный, в котором помещены иконы, изображающие главные церковные праздники. Следующий ряд иконостаса – деисусный (от греческого «деисис» – моление), самый главный, где в центре – Христос, восседающий на престоле с раскрытым Евангелием в день Страшного суда. С левой стороны к нему обращены с молитвой Богородица, архангел Михаил, апостол Петр и святой Василий Великий, а с правой – Иоанн Креститель, архангел Гавриил, апостол Павел и святой Иоанн Златоуст (иногда добавлялись и другие апостолы и святые). Самый нижний ряд назывался местным, или поклонным. В центре его находятся царские врата, символизирующие врата рая; слева от них – икона Богородицы, а справа – икона Христа и за ней местная икона – либо святого, либо праздника, которым посвящен храм.

В Благовещенском соборе самые древние и интересные иконы, датируемые концом XIV – первой половиной XV в., находятся в праздничном и деисусном рядах. Нет сомнения, что они были исполнены выдающимися мастерами, но неясно, кем именно: в летописи

сообщалось, что в соборе находились иконы Феофана Грека, Прохора с Городца и Андрея Рублева, однако известно также, что иконостас пострадал в «великий пожар» 1547 г.: «... и загорелся... Казенный двор (он стоял вплотную к апсидам собора. – *Авт.*) и с царьскою казною, и церковь на царском дворе у царские казны Благовещение златоверхое, деисус Андреева писма Рублева златом обложен, и образы украшены златом и бисером многоценныя греческого письма, прародителей его от много лет собранных».

В третьем ряду семь икон, начиная слева (за исключением четвертой), приписываются Андрею Рублеву, а остальные – Прохору из Городца. Иконы в деисусном ряду, возможно, написаны Феофаном Греком (за исключением Архангела Михаила и Апостола Петра – вторая и третья иконы слева). Ранее авторство с большой уверенностью приписывалось этим великим мастерам, но теперь в этом высказываются серьезные сомнения, а один из исследователей полагал, что «едва ли можно всерьез утверждать, что он (то есть Андрей Рублев. – *Авт.*) был их автором». Некоторые же настаивают на том, что изучение иконостаса не только должно быть продолжено, но и вообще оно делает только «первые шаги».

В местном ряду обращает на себя внимание икона Спас на престоле с надписью о времени создания – 1337 г., справа от нее находится икона с изображением двух фигур, из-за которых выглядывает третья, – это Иоанн Предтеча и апостол Петр, покровители царей Иоанна и Петра Алексеевичей, и приписанный к ним позже святой Алексей человек Божий. Слева от царских дверей – икона Богоматери Шуйско-Смоленской, вставленная вместо известной иконы Донской Богоматери (теперь хранится в Третьяковской галерее). Вокруг несколько лиц библейских «праматерей», среди них внизу в центре изображена Сусанна, в которой можно видеть царевну Софью (она была пострижена в монахини под этим именем).

Серебряные царские ворота изготовлены в 1818 г. взамен исчезнувших во время наполеоновского нашествия, а иконы поставлены в бронзовый иконостас, устроенный известным московским фабрикантом Хлебниковым в 1896 г. по рисункам архитектора Н.В. Султанова в русском стиле. Внизу, у пола, находятся круглые клейма, в которых помещены тексты об изготовлении иконостаса, крайнее слева – о подготовке чертежей в царствование Александра III, а крайнее справа – об изготовлении иконостаса при Николае II. В средних клеймах – тексты молитв: «Богородице Дево, радуйся, Благодатная Марие, Господь с тобою; благословена Ты в женах и благословен плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших» (слева) и «Спаси, Господи, люди Твоя, и благослови достояние Твое, победы благоверному ИМПЕРАТОРУ нашему Николаю Александровичу на супротивныя даруя и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство» (справа).

Благовещенский собор до советского времени был известен богатой коллекцией мощей – их переправляли с Ближнего Востока тамошние архиереи в обмен на денежную и иную помощь. Судя по описанию собора 1911 г., среди мощей находились различные части тел святых: руки мученика Елевферия, царя Константина и др., части голов святого Лазаря и евангелиста Матфея, палец святого Василия Великого и пр. В соборе хранилась даже золотая панagia с заключенной в ней «кровью Господней». Более всего, однако, там было частей неизвестно чего в специальных ящиках, выставляемых на обозрение и поклонение.

В сооруженной одновременно с самим собором южной галерее, в Никольском приделе, устроенном и расписанном при Николае I, находится выставка икон и крестов Благовещенского собора и его приделов, а также обнаруженная реставраторами расписная белокаменная резная колонка конца XV в.

Перед апсидами собора вскоре после его построения устроили палаты Казенного двора, где хранились царские сокровища, накопленные за сотни лет и уцелевшие за многие лихие годы. Это было двухэтажное строение с глубокими подвалами, часть которых раскопали и восстановили уже в наше время.

Церковь Ризоположения

Как и Благовещенский собор, церковь Ризоположения также построена псковскими мастерами. Она похожа на старый Благовещенский собор, только в отличие от него, трехглавого, эта церковь возведена с одной главой.

Это самая стройная и изящная из кремлевских церквей: ее легкость и стройность обусловлены точным, наиболее благоприятным соотношением ширины к высоте здания, выверенными размерами апсид и барабана со шлемовидной главой, а также общим впечатлением устремленности в высоту, что достигается постановкой на высоком подклете и подчеркнута декоративными элементами – поясом и колонками с перекинутыми через них стреловидными арочками.

Церковь посвящена празднику Положения ризы Богоматери, который отмечается каждый год 2 июля (по старому стилю) в воспоминание о спасении столицы Византийской империи, когда в 860 г. русские язычники под водительством Аскольда напали на Константинополь. Патриарх обнес ризу вокруг города и погрузил часть ее в воду, отчего поднялась буря и разметала корабли нечестивцев. В ознаменование этого события в день празднования, 2 июля, ризу положили в прибрежный Влахернский храм в Константинополе.

С защитными функциями ризы связана и постройка кремлевской церкви. Ее возвел митрополит Иона на своем дворе в Кремле в благодарность избавления Москвы от так называемой «скорой татарщины», как прозвали нападение на Москву войск царевича Мазовши, которые в ночь на 2 июля 1451 г. подошли к Москве. Великий князь Василий II, «убоявся», почел за благо убежать из города и предоставил жителей своей участи. Неприятель зажег посады и начал штурм, «со все страны ко граду приступаху рыкающе, яко дивии звери, зубы скрегчуще и стрелы на град напускающе», но москвичи отбили его. На следующий день, «несмотря на усталость, никто не мыслил отдыхать в Кремле: ждали нового приступа; готовили на стенах пушки, самострелы, пищали», – рассказывает Карамзин. Но утром, к крайнему изумлению москвичей, оказалось, что вражеское войско поспешно покинуло свой стан: «...рассветало; восходит солнце, и Москвитяне не видят неприятеля: все тихо и спокойно. Посылают лазутчиков к стану Мазовшину: и там нет никого; стоят одни телеги, наполненные железными и медными вещами; поле усеяно оружием и разбросанными товарами». Враги ушли из-за внутривосточных событий в Орде, но неудивительно, что это событие объяснили чудом.

В пожар 1472 г. церковь сгорела, а в 1484 г. псковские мастера начали строить ее заново и через два года закончили новое здание на митрополичьем дворе. С учреждением патриаршества в 1589 г. она стала домовою церковью патриарха, но, когда Никон построил для себя большой дворец с церковью Двенадцати Апостолов, Ризоположенская церковь стала дворцовой.

Через северную паперть митрополиты и патриархи со своего двора проходили в Успенский собор, а потом она же служила и для прохода царей и императоров в собор: несколько метров от церкви до собора огораживались, и там настилался деревянный помост.

Паперти ранее были открытыми, но в XVII в. их переделали в закрытые галереи и в южной устроили часовню Печерской иконы Богоматери, по которой и вся церковь часто называлась Печерской.

К XX в. Ризоположенская церковь была многократно перестроена, и нынешний ее вид – результат многолетних реставрационных работ.

Исторически получилось так, что этот храм стоит в исключительно невыгодном для обозрения месте – в темном углу, как бы прижатый к западному входу в Успенский собор, почти на задворках, где едва виден. Слева от него выходит к площади стена с арками Золотой

палаты царицы Ирины Федоровны, жены царя Федора Михайловича и сестры Бориса Годунова. Эта палата была застроена новыми сооружениями Большого Кремлевского дворца в XIX в.

Роспись маленькой церкви выполнили в 1644 г., как обычно, по образцам старой, мастер Сидор Поспеев с Семеном Абрамовым и Иваном Борисовым. Основное место занимает живописный рассказ о жизни и прославлении Богородицы, согласно апокрифическим (неканоническим) преданиям. Среди изображений есть и условные «портреты» князей – Бориса и Глеба, Андрея Боголюбского, Александра Невского и Даниила Александровича (на юго-западном столбе) и восьми митрополитов (на северо-западном). Нижний ярус расписан декоративным орнаментом, носящим название «полотенца».

В иконостасе находятся иконы XVII в. известного изографа Назария Истомина Савина – слева от царских врат – Троица и Богоматерь с Младенцем. Наверху – пророческий ряд, ниже – двенадцать основных церковных праздников и еще ниже – деисусный ряд, где к Христу, восседающему в центре, с обеих сторон приближаются Богородица и святые, представители человеческого рода. Необычно то, что самые крайние фигуры справа и слева изображают первых московских святых, слева – митрополита Петра, а справа – митрополита Иону. Сами царские врата перенесены сюда из древнего собора Спаса на Бору, разрушенного в советское время. В местном ряду иконостаса храмовая икона изображает эпизод положения ризы во Влахернскую церковь.

У иконостаса стоят толстые свечи, которые, однако, назывались «тощими», так как это не настоящие свечи, а только деревянные цилиндры, обложенные расписным воском.

В западной галерее церкви расположена выставка редких образцов церковной деревянной скульптуры, которая обычно не приветствуется православной церковью.

Потешный дворец

Дворец этот можно увидеть справа от Троицких ворот, но, подобно другим зданиям в Кремле, он недоступен для посетителей, как и вся улица – Дворцовая (называвшаяся и Комендантской и Коммунистической), на которой он стоит. После недавней реставрации, когда были обнаружены изящные детали убранства, над Кремлевской стеной возвышаются купола дворцовой церкви и нарядные кокошники самого дворца. С внутренней стороны видны необычные выступы на его фасаде – массивные кронштейны. Они поддерживают вынесенный наружу, за пределы фасадной стены, алтарь домового храма Похвалы Богородицы, над которым не могло быть жилого помещения.

Но откуда же такое название – Потешный? Предполагается, что именно здесь в 1672 г. состоялись первые в Кремле театральные представления – «потехи», на которых главным зрителем был сам «тишайший» царь Алексей Михайлович (но возможно, что первые представления происходили либо в Преображенском, либо в царском Кремлевском дворце, а именно «над аптекою, что на дворце в полатах»).

Здание дворца построено первоначально для Ильи Даниловича Милославского, царского тестя: на его дочери Марии был женат царь Алексей Михайлович. После этой свадьбы Милославский получил чин боярина и место в Кремле для своих каменных палат. В 1651–1652 гг. у Троицких ворот он построил похожие на соседний Теремной дворец большие палаты вместе с домовою трехглавою церковью во имя Похвалы Богородицы с двумя приделами – Алексея Человека Божия и Марии Египетской (во имя небесных покровителей царя и царицы). Живописный дворовый парадный фасад выходил не к улице, а к Кремлевской стене, к входу во двор вели красивые, с тремя арочками Львиные ворота, украшенные львиными масками.

Милославский, будучи незначительного происхождения, воспользовался неожиданно свалившимся на него счастьем прежде всего для наживы: он оказался замешанным во многих злоупотреблениях, стяжательстве, мздоимстве. Во время Соляного бунта 1648 г. Милославский «претерпел много страха», но был спасен царствующим зятем, а во время другого, Медного бунта 1662 г. его обвинили в том, что он за взятки покрывал фальшивомонетчиков, но и тогда зять выручил его. После смерти боярина в 1668 г. палаты перешли к царю. В 1674 г. их перестроили для театральных «потех»: сохранился документ о приказании царя выдать сукно «на обивку стен и окон в чердаках, что на дворе боярина Ильи Даниловича Милославского, где быть комедии».

Потешный дворец

Впоследствии во дворце жили супруга царя Федора Алексеевича Марфа Матвеевна и его сестры, в XVIII в. там хранились «старинные печатные и письменные российские и немецкие разные книги», в 1760-х гг., во время подготовки к возведению баженковского Кремлевского дворца, здесь находились экспедиция Кремлевского строения и квартира архитектора. Потешный дворец в XVIII в. оказался самым благоустроенным среди заброшенных кремлевских зданий, и там останавливались императрицы Анна Иоанновна и Елизавета Петровна.

Самые большие перестройки произошли, когда дворец отдали по указу от 5 апреля 1806 г. для московского коменданта (почему и ближняя башня Кремлевской стены называется Комендантской) – тогда по проекту архитектора И.В. Еготова переделали фасад, украсив его в духе времени «старинными» псевдоготическими деталями, но в 1875 г. их убрали, восстановив некоторые резные украшения, снеся в то же время прекрасные Львиные ворота.

На протяжении XIX в. к зданию Потешного дворца пристроили с севера и с юга жилые корпуса для многочисленных служащих. В одной из квартир жил гоф-медик Андрей Евстафьевич Берс, которого часто посещал Лев Николаевич Толстой. Посещения эти кончились свадьбой – 23 сентября 1862 г. он женился на его дочери Софье. Из Потешного дворца жених и невеста отправились в кремлевскую Рождественскую церковь. Софья Андреевна Толстая вспоминала: «Торжественно и молча поехали мы все в церковь, в двух шагах от дома, где мы жили. Я плакала всю дорогу. Зимний сад и придворная церковь Рождества Богородицы были великолепно освещены. В дворцовом зимнем саду меня встретил Лев Николаевич, взял за руку и повел к дверям церкви, где нас встретил священник. Он взял в свою руку наши обе руки и подвел к аналою. Пели придворные певчие, служили два священника, и все было очень нарядно, парадно и торжественно. Все гости были уже в церкви. Церковь была полна и посторонними, служащими во дворце. В публике делали замечания о моей чрезмерной молодости и заплаканных глазах... Обряд кончился, нас поздравляли, и мы уже вдвоем со Львом Николаевичем поехали в карете домой. Он был ласков и, по-видимому, счастлив... Дома, в Кремле, приготовлено было все то, что обычно бывает на свадьбах: шампанское, фрукты, конфеты и проч. Гостей было немного, только родные и самые близкие друзья». Оттуда молодые отправились в Ясную Поляну.

В советское время на первом этаже Потешного дворца (с октября 1918 г.) обосновалась кремлевская поликлиника, а квартиры заняли новые властители – среди них Сталин и многие его враги-соратники. А.И. Микоян вспоминал, что Сталин жил в начале 1920-х гг. в двухэтажном доме сразу же справа от Троицких ворот, на втором этаже: «Комнаты простые, не особенно просторные, кроме столовой. Кабинет был даже очень маленький».

В квартире Сталина его сын от первой жены Яков Джугашвили пытался покончить с собой. Как вспоминала Светлана Аллилуева, «доведенный до отчаяния отношением отца, совсем не помогавшего ему, Яша выстрелил в себя у нас в кухне, на квартире в Кремле. Он, к счастью, только ранил себя – пуля прошла навылет. Но отец нашел в этом повод для насмешек: „Ха, не попал!“ – любил он поиздеваться. Мама была потрясена. И этот выстрел, должно быть, запал ей в сердце надолго и отозвался в нем...» И действительно, в этой же квартире Надежда Аллилуева покончила с собой 9 ноября 1932 г., доведенная до отчаяния мужем...

После самоубийства жены Сталин обменялся квартирами с Бухариным, а он дожил в Потешном дворце до того времени, когда его сняли со всех постов и он, унижаясь перед «дорогим Кобой» – Сталиным, ждал своей неминуемой участи...

Патриарший дворец и собор Двенадцати Апостолов

Только при патриархе Никоне в Кремле развернулось возведение такой резиденции, которая соответствовала бы престижу высшего иерарха русской автокефальной (то есть самостоятельной; от греческих слов «аутос» – «сам» и «кефале» – «голова») церкви.

Двор главы церкви был устроен, вероятно, еще митрополитом Петром, часто гостившим у московского князя Ивана Даниловича и подолгу жившим у него. Первый его двор находился у старейшей московской церкви Иоанна Предтечи у Боровицких ворот, а позднее, видимо, при закладке Успенского собора, митрополит и переселился поближе к нему, построив двор, конечно деревянный, у западных дверей будущего собора: «Того же лета [1325 г.] преосвященный Петр, митрополит Киевский и всеа Руси, заложи на Москве на площади у своего двора церковь првую камену Успения св. Богородицы...» Летописное известие о постройке каменных палат и церкви на митрополичьем дворе встречается только в 1450 г., когда митрополит Иона «заложи полату камену на своем дворе и в ней созда церковь святяы Богородицы Риз Положение». В 1473 г., после сильного пожара, были поставлены новые кирпичные палаты, а при входе на двор красивые (как и сказано в летописи о постройке: «нарядил») ворота из обожженного кирпича. Но двор митрополитов еще несколько раз выгорал и каждый раз перестраивался, и там возводились новые церкви. Так, митрополит Филипп II устроил домовый храм соловецких чудотворцев Зосимы и Савватия, а первый патриарх Иов построил церковь во имя московских святителей Петра, Алексея и Ионы. Существенные перестройки производились при патриархе Иоакиме в 40-х гг. XVII в. зодчими Давыдом Охлебининим и Антипом Константиновым.

Царь Алексей Михайлович подарил своему другу «собинному» патриарху Никону старый годуновский двор, который примыкал к митрополичьему и находился с северной стороны Успенского собора. Патриарх в 1653–1656 гг. перестроил старые Патриаршие палаты и возвел церковь Святого Филиппа.

По словам путешественника XVII в., «нынешний патриарх (то есть Никон. – *Авт.*), любя строить и обновлять, выпросил у царя двор, находящийся близ патриаршего дома, с северной стороны собора (Успенского. – *Авт.*). Царь подарил его, и патриарх приступил к возведению на нем огромного, чудесного здания. Его строили немецкие мастера... Это здание поражает ум удивлением, так что, быть может, нет подобного ему и в царском дворце, ибо мастера нынешнего века, самые искусные, собранные отовсюду, строили его непрерывно целых три года. Мне рассказывали архидиакон и казначей патриарха, что он истратил на это сооружение более 50 000 динаров, и не считая дерева, кирпича и пр., подаренных царем и государственными сановниками, и того, что большая часть рабочих были его крестьяне».

На первом этаже дворца сидели дьяки нескольких приказов – ведь у патриарха было большое хозяйство; на втором этаже находились Филипповская церковь с трапезной, несколько палат, а третий этаж был отведен под комнаты самого патриарха и келейную церковь. В небольшой надстройке четвертого этажа (слева от глав собора) – Петровской палатке, в которой две небольшие комнаты, по легенде укрывался от обезумевшей толпы стрельцов царевич Петр Алексеевич.

Филипповская церковь в некоторой степени копировала Успенский собор – то же пятиглавие, те же колончатые пояски, но все-таки это произведение уже XVII в. – она более декоративна и стройна. Церковь поставлена над проездом, ведущим во внутренний двор Патриаршего дворца.

Патриарх Иоаким

Уже при преемнике Никона в 1680–1681 гг. Филипповская церковь стала церковью Двенадцати Апостолов, в ней заменили пол, сделали новую стенную роспись и иконостас, который с тех пор неоднократно обновлялся.

После смерти последнего патриарха Адриана в 1721 г. и упразднения Петром I патриаршества тут находились Московская синодальная контора, Патриаршая ризница и синодальная библиотека.

Теперь же Патриарший дворец занимает музей прикладного искусства и быта XVII столетия, где экспонируются мебель, ювелирные изделия, посуда, старинные рукописные книги, иконы, выставлены редчайшие предметы, как, например, карманные часы царя Ивана Грозного и патриарха Никона, стакан Петра Великого, предметы религиозного обихода, принадлежавшие патриархам Никону и Филарету, редкие часы из Аугсбурга конца XVI столетия и многое другое.

Вход в музей находится с северной стороны, лестница ведет на второй этаж сразу же направо – и тут самое впечатляющее зрелище: огромная палата, площадью 280 кв. м, без центрального поддерживающего столпа. Крестовая парадная палата была предназначена для торжественных случаев – тут собирались церковные соборы, нарекали епископов, принимали важных гостей. Путешественник, побывавший в Москве во второй половине XVII в., поделился своими впечатлениями о палате, которая «поражает своей необыкновенной величиной, длиной и шириной; особенно удивителен обширный свод без подпор посредине. По окружности палаты сделаны ступеньки, и пол в ней наподобие бассейна, которому не хватает только воды. Она выстлана чудесными разноцветными изразцами. Огромные окна ее выходят на собор; в них вставлены оконницы из чудесной слюды, украшенной разными цветами, как будто настоящими».

В Крестовой палате обращают на себя внимание огромная печь под резной деревянной сенью и рядом серебряный чан. Они предназначались для варки мира, смеси ароматических веществ и оливкового масла, применяемой при религиозных ритуалах в православной и католической церквях. Мир в этой палате стали варить с XVIII в., и тогда она получила название Мироваренной.

Приготавливалось миро только раз в несколько лет в продолжение первых трех дней Страстной (предпасхальной) недели в этой палате, а также в Киево-Печерской лавре. После молебна в котлы наливали масло и вино, настоянное на ароматических веществах, и варили при чтении Евангелия. На следующий день утром из Патриарших палат в Успенский собор во главе с московским митрополитом начинался крестный ход, выносили из палат 32 серебряных сосуда со свежим миром и древний сосуд-алавастр со старым освященным миром. В

Успенском соборе только что приготовленное миро ставили в алтаре, а старое подливали в каждый сосуд с новым, и он освящался. После службы сосуды переносили в собор Двенадцати Апостолов, и оттуда миро рассылали не только по всей России, но и в Черногорию, Сербию и Болгарию.

Из Крестовой палаты можно пройти через трапезную, где выставлены образцы шитья, в церковь Двенадцати Апостолов, где стоит великолепный резной иконостас, перенесенный сюда из разрушенного Вознесенского монастыря. Слева от царских врат икона Федоровской Богоматери, названная по церкви Федора Стратилата в Костроме, где находился ее древний список, исполненный якобы евангелистом Лукой, и особенно почитаемая романовским царским семейством – ею мать Михаила Романова благословила сына на царство, а рядом – София Премудрость Божия; справа – Христос Вседержитель и далее храмовая икона, но не этого собора, а Вознесенского. Напротив иконостаса небольшое окно в стене, через которое Никон мог видеть службу.

В двух небольших комнатах слева от церковной трапезной воссоздана обстановка XVII в.

Колокольня Ивана Великого, Звонница и Филаретова пристройка

В центре Кремля находится сооружение, состоящее из трех зданий: высокий столп-колокольня, пониже – Звонница с широкими проемами для колоколов и самое низкое – Филаретова пристройка с пирамидальным шатром.

Колокольня Ивана Великого. Самое заметное строение в Кремле, его высотная доминанта (высота – 81 м) – это колокольня, носящая название Ивана Великого. Потребность в отдельной колокольне вызывалась тем, что ни в одном из кремлевских соборов не было своих отдельных колоколен. Вторая часть названия обязана, конечно, высоте, а вот первая – церкви Ивана Лествичника в первом ярусе столпа, освященной в честь преподобного Иоанна, автора популярного сочинения VI в. «Лествица (то есть лестница. – *Авт.*) райская», трактующего о духовном очищении как о трудном восхождении по лестнице, с последней ступени которой можно попасть в рай.

Слева направо: колокольня Ивана Великого, Звонница, Филаретова пристройка

Первая церковь была построена еще при Иване Калите в 1329 г. – закладка ее происходила 21 мая, и в тот же год, 1 сентября, ее закончили, что говорит о небольших размерах строения. Недавно доказали, что найденные еще в 1913 г. фундаменты почти в центре Соборной площади принадлежат первоначальной церкви Ивана Лествичника, построенной Иваном Калитой. При кардинальной перестройке Кремля, начатой Иваном III и продолженной его сыном, великим князем Василием III, эту церковь разобрали и построили вновь в Ивановском столпе, огромной колокольне (причем летописи противоречат друг другу: одна говорит о постройке ее на старом месте, а другие – на новом).

Ивановский столп строил итальянский архитектор, фрязин Бон. О начале строительства есть летописное известие от 1505 г.: «...тогда же и другую церковь разобрал Иоанн святой Лествичник, иже под колоколы, созданную от великаго же князя Ивана Даниловича в лето 6836».

В 1508 г. Бон закончил огромное, высотой 60 м, сооружение из трех восьмигранных ярусов с церковью, находившейся в самом низу в окружении мощных, толщиной 5 м, стен основания башни. Во втором ярусе, также представляющем собой почти сплошной массив,

в XVIII в., по свидетельству архитектора князя Д.В. Ухтомского, стояли чаны с водой, питающей фонтаны, устраиваемые в Кремле по торжественным дням. Переход от восьмигранного яруса с проемами к круглому барабану декорирован поясом красивых и необычных кокошников, а сам барабан украшен рядом ложных окон-ниш черного цвета. Выше их, под куполом, идет трехстрочная надпись из больших позолоченных букв, а завершается столп луковичной главой с крестом, на средней перекладине которого надпись – «Царь славы».

Постройка зодчего Бона была ниже современной и несколько кургузой. Красивое завершение с кокошниками, надписью и главой, столь удачно закончившей постройку итальянского архитектора и придавшей ей необходимую стройность и в то же время монументальность, осуществлено при Борисе Годунове в 1599–1600 гг.

То, что «царь Борис во граде Москве на площади церковь Иоанна Списателя Лествицы под колоколами повеле надделати верх выше первого и позлати», было лишь частью его широко задуманной строительной программы, в которую входило возведение огромного храма Всех Святых в Кремле. По свидетельству голландца Элиаса Геркмана, по вступлении на престол Борис Годунов искал «искусных мастеров, как то: скульпторов, золотых дел мастеров, плотников, каменотесов и всякого рода строителей. Никто не знал, зачем это он делает. Затем он начал советоваться о том, что ему предпринять для увековечения своего имени. Наконец, он решился построить церковь, которая своим видом и устройством походила бы на храм Соломона. Этим он думал получить великую милость от Бога и оказать необыкновенную услугу людям. Мастера тотчас же принялись за работу, стали делать небольшие модели, причем обращались к книгам Св. Писания, к сочинениям Иосифа Флавия и других писателей. Сделав модель, [мастера] показали ее Борису, и она ему очень понравилась».

Надпись под главой колокольни гордо повествует о Годуновых как создателях самого высокого здания в Москве: «Изволением святых троицы повелением великого государя царя и великаго князя бориса федоровича всея русии самодержца и сына его благовернаго великаго государя царевича и великаго князя федора борисовича всея русии храм совершен и позлащен во второе лето государства их. 108» (последние цифры означают год от «сотворения мира» – 7108-й (цифра 7 отброшена), что соответствует либо 1599 г., если точная дата приходится на период с 1 сентября по 31 декабря, либо 1600 г., с 1 января по 31 августа). После смерти Бориса Годунова и умерщвления наемниками Лжедмитрия его сына Федора надпись замазали штукатуркой, но она сохранилась, и ее открыли по повелению Петра Великого.

Часто пишут, что перед надстройкой колокольни на Руси свирепствовал голод и в Москву потянулось много народу, надеявшегося найти тут работу и пропитание, и поэтому, мол, Годунов затеял строительство в Кремле. Однако голод постиг Россию позднее – из-за непрерывных дождей, холодного лета и ранних морозов 1601 г. в следующем году нечем было засеять поля, и только в 1603 г. разразился страшный голод.

Купол колокольни Ивана Великого

Большому испытанию подверглась колокольня Ивана Великого в октябре 1812 г., когда в Кремле обосновался Наполеон. За год до этого на колокольне поставили новый крест из железа, обложенный медными листами и хорошо вызолоченный. По приказу Наполеона, принявшего его за настоящий золотой и пожелавшего поставить над куполом Дома инвалидов в Париже, крест с невероятными трудностями стали снимать с главы. Стаи воронов закружились над крестом, и Наполеон промолвил: «Кажется, эти зловещие птицы хотят защищать его» – известно было, что Наполеон был склонен к предзнаменованиям. Крест сорвался с блоков, упал на землю с таким шумом, что было слышно в Замоскворечье, и сломался. Рассказывали, что снять крест вызвался какой-то крестьянин, поплатившийся за это жизнью: Наполеон приказал расстрелять его.

Уходя из Москвы, наполеоновский арьергард заложил пороховой заряд под колокольню, но она устояла, только трещина прошла под третьим ярусом колокольни.

Крест на вершине колокольни Ивана Великого

В досоветской Москве вид с колокольни Ивана Великого, куда ведут 429 ступеней, был одним из самых впечатляющих и обязательно рекомендовался всеми путеводителями: «Путешественники считают своей обязанностью полюбоваться Москвой»; «Подъем по

высоким лестницам несколько утомителен, но вполне вознаграждается широким видом, открывающимся с верхней площадки, окруженной парапетом. Отсюда с птичьего полета видна вся Москва, окружающие ее слободы, ближайшие окрестности, уходящие в туманную даль горизонта. Вход на колокольню со стороны Царь-колокола, у входа всегда находятся звонари, которые за условленную плату могут служить в качестве проводников».

В детстве Александр Пушкин взбирался на колокольню вместе со своим дядькой Иваном Козловым, а писатель И.А. Белоусов вспоминал, что в детстве он со сверстниками «лазили на колокольню Ивана Великого (за это звонари брали по пятаку с человека)».

Звонница. В 1531–1532 гг. итальянский зодчий, автор таких значительных сооружений, как крепостные стены Китай-города, церковь Вознесения в Коломенском, Петрок Малый, заложил у колокольни Ивана Великого церковь Воскресения со сложным фигурным завершением, которая показана на планах-рисунках Москвы (любопытно, что такое же завершение в виде крупных волют на церкви, показанной на плане Кремля «Кремленаград» XVI в., можно увидеть теперь на белокаменном изображении литовского герба справа от Боровицких ворот). Церковь была окончена уже в ноябре 1543 г., а в 1554–1555 гг. сюда перенесли церковь Рождества Христова со двора боярина Ивана Федоровича Мстиславского и «собор устави». Так как вскоре после постройки колокольня Ивана Великого уже не могла вместить всех колоколов – их становилось больше и больше и нагрузка на колокольню все увеличивалась, то во второй половине XVII в. эта церковь была превращена в четырехъярусную звонницу.

В 1812 г. в результате подрыва порохового заряда, заложенного французскими саперами, звонница разрушилась, и ее остатками завалило площадь перед Чудовым монастырем и Успенским собором. Ее восстановили почти в прежних формах с небольшими изменениями. Позднее там устроили Никологостунскую церковь, утварь в которую перенесли из сломанной древней церкви, стоявшей неподалеку.

В проемах звонницы помещены несколько колоколов: в центральном висит самый большой – Успенский, весом в 4 тысячи пудов, то есть 64 т (пуд = 16 кг), перелитый в 1817–1819 гг. из старого, поврежденного при взрыве наполеоновскими саперами.

Значительно меньший колокол называется Реут (то есть ревун, с низким звуком). Вес его – 2 тысячи пудов (около 32 т), он был отлит знаменитым литейным мастером Андреем Чоховым в 1622 г. С ним связана трагическая история, произошедшая в дни коронации Александра II: при торжественном звоне колокол неожиданно сорвался с перекладин, проломил своды и убил несколько человек, что было сочтено плохим предзнаменованием: как известно, императора Александра II убил террорист. Следующий колокол – Воскресенский – весит 1017 пудов, он перелит при Екатерине II, а Семисотный, весом 798 пудов, отлит колокольным мастером Иваном Моториным в 1704 г.

Колокол звонницы Ивана Великого

В помещениях звонницы регулярно устраиваются выставки из фондов музеев Московского Кремля, а также российских и зарубежных музеев.

Филаретова пристройка. Это самая северная часть комплекса. Она выстроена с применением готических деталей английским зодчим Джоном Талером в 1624 г. Как и годовскую надстройку Ивановской колокольни, это здание окружала под карнизом позолоченная надпись: «Божиею милостью повелением благочестиваго и христолюбиваго богом венчанного великого государя царя и великаго князя михаила феодоровича всея руссии самодержца по благословению и по совету по плотскому рождению отца его государева а по духовному чину отца и богомольца великого господина святейшаго патриарха филарета никитича московского всея руссии...» Во второй половине XVIII в. от нее осталось только начало.

Ирония судьбы: надпись, прославлявшую Романовых, уничтожили при ремонте пристройки в 1809 г., а вот надпись во славу их злейшего врага, Годунова, до сих пор сияет на высокой колокольне...

Как и звонницу, Филаретову пристройку взорвали французы в октябре 1812 г., да так, что от нее ничего не осталось. Пристройку восстановили с сохранением «по возможности старой архитектуры». Возможно, что островерхие завершения у шатра с крестом появились именно тогда.

Царь-колокол и Царь-пушка

«Царем» в русском обиходе называют не только монарха, главу государства, но и все, что выдается из обыкновенного ряда: царь-птица – орел, царь зверей – лев, царь-девица – зачинщица всех шалостей девичьих, та уж никому спуска не даст. Вот такие два необыкновенных «царя» стоят возле Ивановской колокольни – Царь-колокол и Царь-пушка.

Так назвали самый большой колокол и самую большую пушку, отлитые на Руси. Оба этих чуда приобрели сравнительно недавно уничижительное значение, как синоним чего-то бесполезного, ненужного, прикрывающегося своим именем: большая пушка, которая не стреляет, большой колокол, который не звонит.

Но, однако, это несправедливо – с колоколом приключилось несчастье, а что пушка не стреляла, так и к лучшему... Это прекрасные музейные образцы литейного искусства, выставленные на всеобщее обозрение в Кремле.

Царь-колокол. Считается самым большим в мире, вес его – 12 500 пудов (почему-то колокола, как и урожай, у нас меряют в пудах – так кажется больше?), что составляет 200 т, высота его – 6 м 14 см, а диаметр – 6 м 60 см. Родословную свою Царь-колокол ведет от Большого Успенского, весом значительно менее, всего 8 тысяч пудов. Во время пожара 19 июня 1701 г., когда «разошелся огонь по всему Кремлю», колокол был поврежден и по приказу Конторы артиллерии и фортификации разбит на множество кусков. Их собрали, решили добавить еще металла и отлить самый большой колокол – весом 10 тысяч пудов. В указе императрицы Анны Иоанновны говорилось: «Мы, ревнуя изволению предков наших, указали тот колокол перелить вновь с пополнением, чтобы в нем в отделке было весу 10 тысяч пудов». Работу в 1730 г. поручили известному отливкой Воскресенского и Великопостного колоколов мастеру Ивану Моторину, из династии литейщиков, о которой его сын писал, что «дед и отец мой Иван Моторин исстари были в Москве колоколные мастера и имели собственную свою колоколную фабрику». Иван Моторин с помощниками изготовил модель, приготовил на Ивановской площади огромную литейную яму – 10 м глубиной, укрепил ее кирпичом и стал готовить форму для литья. Эти работы заняли более полутора лет – с января 1733 по ноябрь 1734 г. В зимний день 26 ноября 1734 г. началась плавка в четырех литейных печах, но вскоре три печи вышли из строя, а потом пожар испортил конструкции. Иван Моторин «от великой печали» умер, но дело продолжил его сын Михаил, и ровно через год в ночь на 25 ноября 1735 г. началась заливка расплавленного металла в форму. После нескольких лет подготовки это заняло всего 36 минут и окончилось благополучно. Моторин получил тысячу рублей и чин цейхмейстера литейных дел.

Царь-колокол

После успешной отливки началась кропотливая отделка, в которой ведущую роль играл «скулторного дела мастер» Федор Медведев, петровский пенсионер, посланный на выучку в Италию. Главным украшением колокола были портреты царя Алексея Михайловича, при котором отлили Большой Успенский колокол, и императрицы Анны Иоанновны, подписавшей указ об отливке его.

Однако обработку колокола завершить не пришлось: 29 мая 1737 г. разразился такой пожар, который Москва еще не испытывала...

На колокол, лежавший в яме, упала горячая кровля, ее принялись поливать водой, раскаленный колокол треснул, и от него отвалился кусок весом 780 пудов (11,5 т). Впоследствии туда спустили лестницу, расчистили проход, обнесли перилами и организовали осмотр колокола, а по Москве ходила любопытная легенда о происхождении отвалившегося куска: царь Петр, возвратившись с победой после Полтавской битвы, приказал звонить во все колокола, но, сколько ни старались звонари, да с ними еще целая рота дюжих гвардейцев, один только Царь-колокол отказался звонить, даже язык оторвали. «Упрямее царя нашелся», – шептались в народе. Тогда разгневанный Петр ударил колокол своей знаменитой дубинкой: «... вот тебе за то, что не хочешь о моей победе звонить!» – да и отколол от него кусок, а Царьколокол загудел и ушел глубоко в землю...

Много раз пытались вытащить гиганта из ямы, но вот только талантливый инженер, автор Исаакиевского собора в Петербурге, Огюст Монферран придумал, как это сделать. В 1836 г. над ямой поставили сложные леса, блоки, ворота, натянули канаты и колокол стал медленно выходить из многолетнего заключения, но... вдруг послышался треск, несколько канатов лопнули, колокол накренился и застыл над ямой. Надо было быстро сделать подставку под ним, но как? Двухсоттонный колокол мог в любую минуту рухнуть. И тут нашелся храбрец, который спустился в яму, установил подставку из бревен, на которую и опустили колокол. Тогда заказали новые прочные канаты, увеличили количество воротов и 26 июля 1836 г. в присутствии сотен наблюдателей, пришедших на Ивановскую площадь, несмотря на раннее время (начали подъем в 5 часов утра), колокол стали поднимать. Через 42 минуты и 33 секунды подъем закончился, яму покрыли помостом с катками, по которым и передвинули колокол на заранее подготовленный постамент, где он и стоит до сих пор.

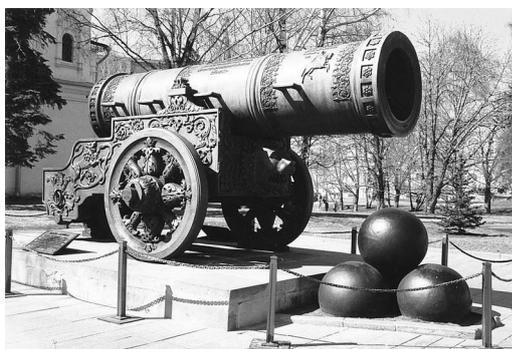
Несколько раз хотели припаять отколовшийся кусок, но было ясно, что это только испортит его звук. Последний раз такое предложение сделал известный русский ученый Н.Н. Бернадос, создатель электродуговой сварки.

Колокол украшен сложным рельефом и богатым орнаментом. Наверху в клеймах – изображения Христа, Богородицы и Иоанна Предтечи (ангел отца императрицы Анны), апостола Петра (ангел дяди, императора Петра Великого) и Анны Пророчицы (ангел императрицы Анны Иоанновны). Ниже портреты царя Алексея Михайловича и Анны Иоанновны, а между ними в больших фигурных картушах с барочными завитками и цветками две трудночитаемые надписи. Первая (над отвалившимся куском): «Блаженныя и вечно достойныя памяти великого государя и великого князя Алексия Михайловича всея великия и малыя и белыя России самодержца повелением к первособорной церкви Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго Ея Успения, слит был сей колокол, осмь тысяч пуд меди в себе содержащий, в лето от создания мира 7162, от Рождества же по плоти Бога Слова 1654 года; а из месте сего благовестить начал в лето мироздания 7176, Христова же Рождества 1668 и благовестил до лета мироздания 7208 Рождества же Господня 1701 года в которое месяца июня 19 дня от великаго в Кремле бывшаго пожара поврежден; до 7239 лета от начала мира от Христова в мир Рождества 1731 пребыл безгласен».

Вторая (на противоположной стороне): «Благочестивейшая и самодержавнейшая великая государыни императрицы Анны Иоанновны, самодержицы всея России и повелением во Славу Бога в Троице славимаго и в честь Пресвятыя Богоматери к первособорной церкви славнаго Ея Успения лит сей колокол из меди осми тысяч пуд колокола, пожаром поврежденнаго, с прибавлением материи двух тысяч пуд от создания мира 7241 от Рождества же по плоти Бога Слова 1733, а благополучнаго Ея Величества царствования в четвертое лето».

И наконец, еще одна, более разборчивая – помещенная на той стороне, которая обращена к колокольне Ивана Великого: «Лил сей колокол Росиской мастер Иван Федоров сын Моторин с сыном своим Михаилом Моториным».

Царь-пушка. Рядом с Царь-колоколом – еще один Царь, на этот раз пушка, и действительно грандиозная: ее вес – 39 312 кг, огромный калибр – 890 мм, длина – 5 м 34 см. Она искусно отлита из бронзы, художественно отделана, украшена богатыми орнаментальными композициями.

Царь-пушка

На теле ствола находятся восемь скоб, к которым крепились канаты для перемещения пушки. У передней правой скобы, рядом с изображением царя Федора Ивановича, сидящего на коне со скипетром в руке, видна такая надпись: «Божию милостию царь и великий князь Федор Иванович государь и самодержавец всея великия Росия», а на верхней части ствола еще две надписи. Справа – «повелением благоверного и христоролюбивого царя и великого князя Федора Ивановича государя самодержца всея великия Росия при его благочестивой и христоролюбивой царице великой княгине Ирине», а слева – «слита бысть сия пушка в преименитом царствующем граде Москве лета 7094, в третье лето государства его. Делал пушку пушечный литец Ондрей Чохов».

Итак, создателем ее был один из самых известных пушечных и колокольных мастеров – Андрей Чохов, сотворивший это чудо литейного искусства в 1586 г. Кроме Царь-пушки в Москве и Петербурге есть еще несколько его пищалей и мортир, а также колокол Реут весом 2 тысяч пудов.

Предполагалось, что Царь-пушка будет использоваться на поле боя установленной наклонно в нарочно выкопанном для нее окопе, и поэтому лафета не делали. Нынешний лафет по рисунку художника А.П. Брюллова был изготовлен в 1835 г. на петербургском заводе Берда, в чем каждый может убедиться, взглянув на торец оси лафета, где есть надпись «Бердь 1835». Рядом с пушкой лежат чугунные ядра (каждое весом 1000 кг), но она должна была стрелять не ими, а картечью (дробом) и называлась Дробовик российский. Эти ядра чисто декоративные, изготовлены в 1835 г. также на заводе Берда.

Возможно, что Царь-пушка первоначально стояла на Красной площади. В XVIII в. ее перевезли в Кремль и поставили во двор Арсенала, в 1843 г. поместили у старого здания

Оружейной палаты, так как «постановление старинных орудий у палаты будет прилично и соответственно уже потому, что само здание ее назначено для хранения достопамятностей». Здесь Царь-пушка находилась почти 120 лет, до 1960 г., когда здание разрушили для постройки Дворца съездов. Пришлось Царь-пушке еще раз переезжать – теперь к Ивановской колокольне.

Большой Кремлевский дворец

Высокое место над Боровицким кремлевским холмом издавна занимал княжеский дворец. Известий и документов о ранней истории его не сохранилось, но, как писал в начале позапрошлого века автор «Обозрения Москвы» А.Ф. Малиновский, «со времен Иоанна Даниловича Калиты дворец великокняжеский занимал самое красивое среди Кремля местоположение, господствующее над всей видимой окрестностью...».

Древнейшее место княжеского двора – поблизости от Боровицких ворот, на кромке кремлевского холма, круто обрывающегося вниз к подолу, к берегу Москвы-реки. Рядом, тоже у Боровицких ворот, стояла самая первая кремлевская церковь Иоанна Предтечи, у которой находился двор митрополита Петра (до того, как он выстроил себе другой, у Успенского собора).

Известно, что в первой половине XV в. на краю холма стояли хоромы великой княгини Софьи Витовтовны, вдовы Василия I Ивановича, впоследствии же княжеский двор значительно расширился к востоку, к Благовещенскому собору, заняв место нынешнего Большого Кремлевского дворца.

Строения царского Кремлевского дворца. Реконструкция архитектора А.А. Потапова

Княжеские хоромы неоднократно горели, перестраивались, достраивались, здания соединялись многочисленными переходами и лестницами, представляя собой живописное зрелище, становясь все великолепнее и богаче. В 1404 г. великий князь Василий II предпринял и вовсе не обычное дело – поставил у себя часы: «замысли часник». Летописец подробно повествует о них и не сдерживает своего удивления и восхищения: «Сей же часник наречется часомерье; на всякий же час ударяет молотом в колокол, размеряя и расчитая часы ночные и дневные; не бо человек ударяше, но человековидно, самозвонно и самодвижно, странно-лепно некако створено есть человеческою хитростью, преизмечтано и преухищрено». Часы обошлись в огромную сумму – полтораста рублей, а делал их мастер из Афона серб Лазарь.

При перестройке всего Кремля Иван III, конечно, начал возводить новый представительный великокняжеский дворец. В 1487 г. зодчий фрязин Марк заложил каменную палату; в 1491 г. «свершил» вместе с Пьетро Солари Грановитую палату, а в 1492 г. начал строить и жилые палаты: тогда Иван III переехал в дом князя Ивана Патрикеева рядом и указал «старый свой двор деревянной разобрать и нача ставити каменной двор».

Но в 1493 г. разразился пожар и все сгорело – и патрикеевский двор, и новое строение: «...а летописец и старые люди сказывают, как Москва стала, таков пожар на Москве не бывал». Великий князь даже вообще покинул Кремль и переселился к Никольской церкви в Подкопаеве, на Ивановской горке, где жил в крестьянских дворах. Только через шесть лет смог князь приступить к давно задуманной стройке: тогда заложили «полаты каменные и кирпичные, а под ними погребы и ледники, на старом дворе у Благовещения... а мастер Алевиз-фрязин от града Медиолана» (то есть Милана). Однако князь не увидел его законченным

– умер в 1505 г., и только его наследник, Василий III, переехал в отстроенный дворец в мае 1508 г.

Дворец Алевиза простоял довольно долго, правда, переделывали его многократно: появлялись новые палаты, пристраивались деревянные хоромы, избышки, мыленки, сеннички, ледники, пивоварни, светлицы и прочие нужные здания. Большое строительство начал царь Михаил Федорович, который указал мастерам Бажену Огурцову, Лариону Ушакову, Трефилу Шарутину и Антипу Константинову выстроить для себя и детей на старом основании алевизовского дворца новый, названный Теремным и законченный в 1636 г. Во дворце строились и церкви – Екатерининская, Воскресенская, Распятская, Верхоспасский собор.

Царский дворец представлял собой сложный комплекс разнородных строений. На парадную сторону, к Соборной площади, выходила великолепно отделанная Грановитая палата, южнее ее находились Средняя Золотая и Столовая палаты, к которым вели несколько лестниц, далее параллельно Москве-реке, по краю холма, располагались Набережные палаты, с северной стороны – Постельные хоромы князя и княгини; во внутреннем дворе стояла церковь Спаса на Бору.

В 1696 г. сгорели все деревянные хоромы дворца, и с тех пор начался постепенный упадок царского Кремлевского дворца. Петр I чаще бывал в Преображенском, а с переносом столицы на Неву дворец и совсем был забыт, в нем расположились новоучрежденные конторы коллегий, туда даже перевели колодников, числившихся за ними.

При императрице Елизавете Петровне в 1749–1753 гг. на месте нескольких старинных палат архитектор Бартоломео Растрелли возвел новый дворец, насчитывавший до тысячи помещений, – он назывался Зимним дворцом. В последующие годы дворец много раз перестраивался, а к коронации Павла I архитектор Н.А. Львов переделал его в классических формах.

В 1812 г. дворец сгорел, но к сентябрю 1817 г. был восстановлен архитектором В.П. Стасовым. Его разобрали в 1838 г., чтобы дать место современному сооружению – Большому Кремлевскому, или, как называли его тогда, Новому Императорскому Кремлевскому, дворцу.

В то время классическая архитектурная декорация с обязательным колонным портиком и набором украшений уже считалась устаревшей и не выражавшей стремление общества к воплощению форм русской архитектуры, что отметил ранее А.С. Пушкин: «С некоторых пор вошло у нас в обыкновение говорить о народности, требовать народности, жаловаться на отсутствие народности...» В новом, как тогда его называли, русско-византийском стиле и был представлен Константином Тоном проект нового кремлевского дворца, одобренный Николаем I. Начало работ относится к июню 1838 г., а закладка была совершена в следующем году.

В строительстве и отделке дворца участвовала большая группа архитекторов и художников – сам К.А. Тон, Ф.Ф. Рихтер, Н.И. Чичагов (оба последних проектировали интерьеры), В.А. Бакарев, П.А. Герасимов, Н.А. Шохин, Ф.Г. Солнцев, Дж. Артари и др.

Большой Кремлевский дворец, рядом колокольня Ивана Великого

Оконченный дворец освятили в апреле 1849 г. (в день Пасхи, 3 апреля, в присутствии императора и императорской фамилии), но его отделка длилась еще примерно год. Общая стоимость дворца составила примерно 12 миллионов рублей. Лучшие представители русской интеллигенции были против преступной политики правительства. Александр Тургенев, работая в архиве на Воздвиженке напротив Кремля, мог наблюдать за разрушением старины: «Из окон Архива, на который не отпускают и двух тысяч, видна ломка памятников русского древнего Кремля и раскрашивание соборов и построение теремов на развалинах старых зданий. Миллионы бросаются для разрушения, а для сохранения тающих хартий жаль – тысячи!»

Николай I с гордостью показывал новый дворец, не понимая, как ничтожно и смешно выглядит он в глазах цивилизованной Европы. Умница маркиз де Кюстин, автор путевых записок о России, писал: «К несчастью, нынче в Кремле возводят для удобства императора новый дворец; приходило ли кому-нибудь на ум, что это нечестивое новшество испортит несравненный облик древней священной крепости? Не спорю, теперешнее жилище государя имеет жалкий вид, однако для того, чтобы исправить положение, строители разрушают национальную святыню: это недопустимо. На месте императора я предпочел бы вознести новый дворец на облака, лишь бы не вынимать ни единого камня из древних кремлевских стен. В Петербурге император сказал мне, когда речь зашла об этих работах [по строительству в Кремле], что он желает сделать Москву еще краше: сомнительное намерение, – подумал я, – все равно как если бы он захотел приукрасить историю. Разумеется, древняя крепость выстроена против правил искусства, но в ней – выражение нравов, деяний и мыслей народа и эпохи, навсегда ушедших в прошлое и оттого священных. На всех этих памятниках лежит отпечаток силы, которая могущественнее человека, – силы времени».

Как это напрямую соответствует недавнему времени – позорным деяниям советской власти, да и времени расцвета современной российской бюрократии, когда рушат бесценное наследие!

На бровке холма выросло большое новое здание дворца, резко вторгшееся в кремлевский ансамбль. Особенно бросается в глаза нежелание (или, может быть, неумение) автора проекта соотнести его облик с древними русскими строениями, с их живописностью, разнообразием, многообъемностью. Большой Кремлевский дворец прежде всего предстает перед зрителем как громоздкий (длина его по фасаду четверть километра), нерасчлененный монолит с монотонным рядом одинаковых оконных проемов.

Характерна невыявленность крупных членений здания: если в зданиях классицизма, или барокко, или же в стиливых повторениях конца XIX – начала XX в. вводятся такие элементы, как, скажем, портики, обрамления парадных входов, членения фасадов выступающими элементами, то здесь этого ничего нет, здание дворца ничем не ограничивается, оно может быть продолжено без особых стараний куда угодно – вверх, вправо, влево. У него нет выраженного центра, и странное впечатление, даже находясь у самого здания, с трудом обнаруживаешь вход в него, который ничем архитектурно не выделен да еще смещен с центра фасада (центр его совпадает с квадратным трибуном с пологим куполом, но никак не совпадает с входом). Другой вход – с Соборной площади – вообще почти не виден: он как-то нелепо заткнут между Благовещенским собором и Красным крыльцом.

Можно понять неистового Стасова, ревнителя русской старины, в его гневных филиппиках против Тона: «Он был делец самый ординарный, таланта не имел никакого... был только сметливый каменщик, без образования и без художества... Это были изобретения без даровитости и без вкуса, где не присутствовало знания Древней Руси, но где наскоро

было нахватаю кое-что с некоторых московских построек и грубо повторено в сокращенном и испорченном виде. Кроме Москвы, Тон не видал никакой русской архитектуры (вот еще – беспокоить себя, ездить по России!), да и то, что он видел в Москве, он воспроизводил в самой неумелой форме. Это были все точно снимки писаря-канцеляриста с талантливых картин. Этого не понимали одни только высшие власти, которым „казенная“ народность очень нравилась».

В одном из лучших путеводителей по Москве, изданном в 1917 г., так писали о Большом Кремлевском дворце, неизменно называя его «казармой»: «Строилось это здание в 1838–1849 гг. по проекту бездарного архитектора николаевского времени, бывшего, однако, законодателем архитектурных вкусов, академика Тона». Чтобы как-то реабилитировать это строение, исследователи архитектуры дворца нашли некоторое сходство его (правда, не очень-то заметное) с теми постройками, которые стояли ранее на этом месте. Несколько оживляет скучный ряд дворцовых окон невысокий аттик, где в пяти арочных нишах находятся изображения двуглавых орлов, замененных после революции на герб и буквы – СССР. Над орлами шесть гербов (слева направо): царства Польского, Казанский, Московский, Астраханский, Великого княжества Финляндского и Таврический. Дворец выглядит трехэтажным, но на самом деле там два этажа, так как второй этаж двусветный. На уровне этого этажа проходит незаметный балкон, образуемый выступом первого.

Я бы написал, что побывать внутри дворца нужно всякому обязательно, если бы... Дело в том, что обычным россиянам, которым и принадлежит этот дворец, вход внутрь заказан, его туда никак не пропустят, и поэтому по необходимости описание в этой книге дается весьма сжатое, лишь для того только, чтобы дать читателю общее впечатление.

Во дворце более семисот помещений, но основной объем занимают три парадных зала второго этажа, посвященные русским орденам – Апостола Андрея Первозванного, Святого Александра Невского и Святого Георгия Победоносца, а также два небольших – Святого Владимира и Святой Екатерины.

Первые два зала расположены один за другим по парадному фасаду дворца, а третий – по правому боковому фасаду. Все они роскошно отделаны и представляют собой выдающиеся образцы прикладного искусства, где дарования проектировщиков, художников, скульпторов, мастеров развернулись в полную силу.

Сияющий, бело-золотой, огромный (длина 61 м, ширина 20,5 м, высота 17,5 м) Георгиевский зал посвящен русской армии. Орден Святого Георгия был воинским, им награждались только за военные подвиги те, «кои... отличили еще себя особливим каким мужественным поступком или подали мудрые и для нашей воинской службы полезные советы». Первая степень этого ордена была исключительно редким и почетным отличием: если высшим орденом Российской империи наградили около тысячи человек, то первой степенью Георгиевского креста обладали только двадцать пять. Первым кавалером его был знаменитый полководец генерал-фельдмаршал П.А. Румянцев-Задунайский. Лента этого ордена имела три черных полосы и две желтых, а знак ордена – белый эмалевый крест.

На стенах Георгиевского зала помещены названия воинских частей и списки георгиевских кавалеров, на высоких колоннах-постаментов у стен зала поставлены мраморные статуи скульптора И.П. Витали, символизирующие земли, вошедшие в Россию: от завоевания Перми в 1472 г., захвата Польши, Грузии, Финляндии и до присоединения Армении в 1828 г. – неоконченная история российской экспансии в лицах. При освящении церковный чиновник, московский митрополит Филарет, радостно продекларировал – «скрижаль или каменная книга, у которой можно читать величие настоящего и чтимую память прошедшего и назидание для будущего», почти дословно повторив известное высказывание жандарма Бенкендорфа: «...прошлое России – восхитительно, настоящее более чем великолепно, что

же касается будущего – оно превосходит все, что может представить самое смелое воображение».

Георгиевский зал освещается шестью бронзовыми золочеными люстрами, весом каждая более тонны, а пол выложен узорным паркетом, составленным из 20 пород дерева.

Два зала по главному фасаду большевики не пожалели: в 1932–1933 гг. их сломали и устроили безликий, длинный и узкий зал для своих заседаний (архитектор И.А. Иванов-Шиц), площадью 1600 кв. м на 2500 мест. Этот зал был свидетелем многих весьма важных для Советского Союза событий: там проходили VII конгресс Коминтерна, XVII–XXI съезды партии коммунистов, совещания работников хозяйства, съезды союзов писателей, художников, композиторов, кинодеятелей, архитекторов.

В 1994–1999 гг. оба зала были восстановлены во всем их великолепии и богатстве, что вызывало тогда и вызывает неоднозначные оценки по поводу своевременности грандиозных затрат.

Александровский зал оформлен в цвета ордена – красный и золотой, украшен гербами губерний и областей Российской империи. Орден был основан в 1725 г. в связи с перенесением мощей Александра Невского в Петербург. Знаки ордена состояли из креста красной эмали с изображением князя на коне. Девиз его – «За труды и отечество». Он был традиционным для награждения престарелых сановников: на картине Репина зал заседаний Государственного совета заполняют кавалеры этого ордена с красной лентой через левое плечо.

Александровский зал предвдваряет тронный Андреевский зал с голубой отделкой стен и золотом колонн, простенков и карнизов. Апостол Андрей потому прозван первозванным, что его первым позвал Христос последовать за ним, когда он ловил рыбу на Галилейском озере: «Он увидел двух братьев: Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море, ибо они были рыболовы, и говорит им: идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков». Апостол Андрей, по преданию, проповедовал в Древней Руси и посему пользовался особым почитанием; он же считался покровителем мореплавателей, и, возможно, поэтому Петр I выбрал крест Андреевский (апостол окончил жизнь распятым на кресте из косых брусьев) для русского ордена и для военно-морского флага. Андреевский орден был высшим и старейшим в России: Петр Великий основал его в 1698 г., причем сам был шестым награжденным этим орденом (за взятие двух шведских кораблей в устье Невы в мае 1703 г.), вторым – гетман Иван Мазепа, а первым – генерал-адмирал Федор Головин.

Число его кавалеров не могло превышать двадцати четырех, и все они должны были принадлежать к благородному сословию.

Параллельно Андреевскому залу проходит длинный, узкий зал, убранство которого сделано заново по современному проекту, что сразу же обращает внимание поразительным отсутствием вкуса, излишней помпезностью, немасштабностью.

Андреевский зал, находящийся с левой стороны парадного фасада, соединяется через Кавалергардский с залом, посвященным ордену Святой Екатерины, который был основан в воспоминание спасения Петра I от поражения в Прутском походе, когда его жена Екатерина пожертвовала своими драгоценностями для подкупа турецкого главнокомандующего. Этим орденом, довольно редким, награждались только женщины, а великие княжны получали его по праву рождения.

За Екатерининским залом по левому северному фасаду дворца следуют парадные Гостиная, Опочивальня и Гардеробная.

Первый этаж Большого Кремлевского дворца занят небольшими комнатами – правая сторона помещениями для служителей и кладовых, а также для дежурных при дворе, а левая отведена для так называемой Собственной половины: от главного вестибюля по левой стороне южного фасада отходит великолепная анфилада – Столовая, Гостиная, Кабинет и

Будуар императрицы, Спальня, Кабинет и Приемная императора – это никем не посещаемый великолепный музей, наполненный замечательными образцами прикладного искусства.

Небольшой, высокий и круглый Владимирский зал, расположенный позади Георгиевского, получился проходным – отсюда можно пройти в старую часть помещений, включенных в состав дворца: прямо – в Жилецкую и Золотую Царицыну палаты, направо – через Святые сени – в Грановитую палату и налево – по лестнице вверх – в Теремной дворец и дворцовые церкви.

Орден Святого равноапостольного князя Владимира, учрежденный в 1782 г., в ознаменование 20-летия царствования Екатерины II, был весьма высокой наградой, вслед за Андреевским орденом. Владимирский крест был покрыт красной эмалью с черной каймой.

Во Владимирский зал выходят резной портал и окна двух старинных палат – Жилецкой, где находились так называемые жильцы, то есть младшие дворяне, охранявшие царский дворец, и Золотой Царицыной, которую в конце XVI в. перестроили из старой, для приемов царицы Ирины Федоровны, сестры Бориса Годунова. Она щедро украшена золотыми росписями, откуда и ее название. После всех перестроек из древних сооружений царского дворца видны лишь стена этой палаты между Грановитой палатой и Ризоположенской церковью, а также Грановитая палата, выходящая на Соборную площадь своим восточным фасадом, обработанным блоками с крупными «гранями», по ним она и получила название. В Грановитую палату можно пройти через Святые сени, над ними находится тайник – помещение для женщин из царской семьи, которым запрещалось участвовать в мужских развлечениях и церемониях.

Палата заложена в 1487 г. итальянским зодчим Марком и закончена летом 1492 г. другим итальянцем, Пьетро Антонио Солари. На первом этаже находились хозяйственные помещения, а на втором – большой зал, высотой 9 м и площадью почти 500 кв. м, с поддерживающим своды столбом в центре. Росписи его поздние, сделанные в 1882 г. палехскими живописцами братьями Белоусовыми, но воспроизводящие древние сюжеты, согласно описям конца XVII в.

В палате происходили важные события в жизни царского двора – празднование Иваном IV покорения Казанского ханства, когда он в продолжение трех дней угощал бояр, послов и сподвижников, прием Борисом Годуновым датского принца Иоанна, за которого прочил дочь Ксению, «родинные» и «именинные» столы, торжественные коронационные обеды, приемы иностранных послов, заседания земских соборов, собрания комиссии по составлению уложения при Екатерине II, празднования побед русской армии, а в октябре 1994 г. ее предоставили для приема английской королевы.

В Грановитой палате происходил известный диспут между официальной церковью и приверженцами старой веры во главе с попом Никитой, прозванным Пустосвятом, на котором присутствовали царевна Софья, патриарх и многие архиереи и бояре, – это событие изображено на картине В.Г. Перова, хранящейся в Третьяковской галерее.

Другие фасады Грановитой палаты – простые, гладкие, оживленные лишь колончатými оконными наличниками. На северном фасаде под самой крышей есть таинственное изображение, о котором редко упоминается в описаниях этого здания. Оно условно называется «портрет мастера», подобно нередко встречающимся в Западной Европе изображениям мастеров-зодчих на стенах построенных ими зданий. Трудно сказать что-либо определенное о том, кто изображен там, ибо скульптура повреждена, и, возможно, от ружейного огня во время оккупации Кремля поляками в 1612 г. Можно полагать, что эта скульптура сделана во время возведения Грановитой палаты и – кто знает? – перед нами портрет ее зодчего, самого Пьетро Солари.

У противоположного, южного фасада от резного портала поднимаются марши Красной лестницы, которую часто неправильно именуют Красным крыльцом. По этой лестнице,

иногда называвшейся Золотой из-за золоченой кровли, можно было взойти на собственно Красное крыльцо, узкую площадку рядом с сенями Грановитой палаты и Золотой палатой царского дворца. От этого крыльца проходили на Постельное крыльцо, другую площадку внутри комплекса царского дворца.

Само Красное крыльцо было свидетелем трагических событий, развернувшихся в 1682 г. после смерти царя Федора Алексеевича. На престол вступили Иван, сын царицы Марии Милославской, и Петр, сын Натальи Нарышкиной, но стрельцы, подстрекаемые царевной Софьей, поднялись против Нарышкиных. Возбужденные слухами о том, что Нарышкины убили царя Ивана, они ворвались в Кремль и потребовали, чтобы им выдали мнимых убийц. Царица Наталья вышла из Грановитой палаты на Красное крыльцо вместе с обоими царями, и некоторые стрельцы, желая убедиться в том, что их не обманывают, взбирались по лестнице на крыльцо и прикасались к царям: «...те злочестивые изменники... дерзали говорить с самими их особами Царскими с великою невежливостью, нагло спрашивали его, Царевича самого: „Что он ли есть прямой Царевич Иоанн Алексеевич? Кто его из бояр изменников изводит?“»

Получив ответ, они было успокоились, но на этом бунт не остановился: вскоре стрельцы стали хватать всех, кого считали виновниками своих бед, бросать вниз с Красного крыльца на подставленные копыя и рубить тела их на части: «...бросают с Красного крыльца, взем за ноги и вонзя копыя в тело и влекут по улице в Спасские и Никольские ворота на Красную площадь». На площади толпа кричала: «...се боярин Артемон Сергеевич! се боярин Ромодановский! се Долгорукий! се думной едет! дайте дорогу! Любо, любо, любо». Всему был свидетелем десятилетний Петр, и, может быть, с тех пор у него начались припадки...

Лестница на Красное крыльцо была сломана в 1930-х гг. для того, чтобы между Грановитой палатой и Благовещенским собором построить уродливое строение столовой для делегатов бесчисленных съездов. Лестницу восстановили летом 1994 г.

Из Владимирского зала можно также пройти в Теремной дворец, который находится за основным зданием параллельно ему, и, к сожалению, его нарядный фасад ниоткуда не виден, так плотно задвинул его архитектор Тон во двор своего детища.

Дворец, выдающееся произведение русской архитектуры, построен для царя Михаила Федоровича в 1635–1636 гг. зодчими Антипом Константиновым, Баженом Огурцовым, Трефилом Шарутиным и Ларионом Ушаковым на более старом основании Мастерских палат, которые, в свою очередь, возведены еще на алевизовских подклетах. После Смуты, разрушений, войн начала XVII в. возведение большого, богато украшенного дворца явилось зримым свидетельством укрепления новой династии и возрождения Московского государства. В Теремном дворце находились личные комнаты царя, его приемная, комната для заседаний Боярской думы, опочивальня, молельня. Все комнаты украшены росписью, сделанной в 1837 г. по эскизам художника Ф.Г. Солнцева, в окнах – разноцветное стекло, по углам – изразцовые печи, мебель в стиле XVII в. Самая верхняя часть дворца – небольшое строение на плоской крыше – носит название Теремок, или Каменный чердак. Оно построено в 1636 г. для детей царя Михаила Федоровича, но в нем неоднократно заседали бояре. На фасаде Теремного дворца обращает на себя внимание пышно украшенное окно «государевой комнаты», выделенное фронтоном и колонками с фигурками львов.

В составе Теремного дворца есть несколько церквей. У его западного конца виднеется глава церкви Рождества Богородицы на Сенях, у которой сложная история строительства. Впервые каменное здание здесь было воздвигнуто в 1394 г. на месте деревянного во имя Воскрешения Лазаря великой княгиней Евдокией Дмитриевной, вдовой Дмитрия Донского, в честь праздника Рождества Христова, день которого совпадает с днем Куликовской битвы. В качестве придельного в ней был храм Воскрешения Лазаря. В 1479 г. свод церкви ночью внезапно рухнул; как было написано в летописи, «верх падеся напрасно и страшно в

ночи», разбив иконы и хранившиеся в церкви сосуды. Итальянец Алевиз в 1514 г. построил новую трехглавую Рождественскую церковь, которая после многих исправлений и переделок в 1684 г. была выстроена вновь, уже с одной главой. При строительстве Большого Кремлевского дворца обнаружили старую Лазаревскую церковь и отреставрировали ее – она является старейшим церковным зданием в Москве.

В церкви Рождества 23 сентября в 1862 г. проходило бракосочетание Льва Николаевича Толстого и Софьи Андреевны Берс. Придворная церковь была выбрана потому, что отец Софьи был врачом Московской дворцовой конторы и жил в Кремле (в Потешном дворце). По воспоминаниям ее сестры Татьяны, «приглашенных и посторонних набралось много. Лев Николаевич во фраке; у него парадный, изящный вид... Соня бледна, но все же красива, лицо ее закрыто тончайшей вуалью».

К восточной стороне Теремного дворца примыкают четыре дворцовые церкви, отмеченные снаружи одинадцатью главками на изящных стройных шейках со сверкающими роскошными крестами. Составленные вместе два пятиглавия и одна главка четырех церквей – Верхоспасского собора, Воскресения Словущего, Распятая и Святой Екатерины – были подведены под одну крышу в 1682 г.

Пять северных главков отмечают Воскресенскую церковь, которая была освящена при постройке ее в середине XVII в. Под этой церковью находится Екатерининская церковь, построенная англичанином Джоном Талером в 1627 г.

Далее к югу – одна глава Распятской церкви, называемой так по находящемуся в ней распятию. Эта церковь, построенная при царе Федоре Алексеевиче в 1682 г. над Верхоспасским собором, по престолу называется Воздвиженской. В ней сохранились редкие иконы, лики на которых написаны на холсте, а все остальное выклеено из разноцветной шелковой ткани и шитья.

Южные пять глав принадлежат Верхоспасскому собору «за Золотой решеткой», построенному вместе с Теремным дворцом в 1636 г. В его иконостасе часть икон покрыты окладом из чеканного серебра в 1778 г. Лестница, ведущая к собору, перегорожена фигурной железной вызолоченной решеткой, по легенде сделанной из медных денег, быстро обесценившихся и потому явившихся причиной бунта при царе Алексее Михайловиче. При расстреле Московского Кремля в 1917 г. снаряд попал в Верхоспасский собор и, по словам искусствоведа А.М. Эфроса, «непоправимую рану нанесли снаряды пленительной церкви „Спаса за Золотой решеткой“; у нее оторван изразцовый угол, и большая часть осыпавшихся изразцов, столь знаменитых своей художественностью и тонкостью выделки, искрошена и непригодна...».

Слева от Большого Кремлевского дворца находится отделенная решеткой (конец 1840-х гг., архитектор И.Л. Мироновский), небольшая Императорская площадь, которая образована боковым фасадом дворца, галереей Зимнего сада (конец 1840-х гг., архитектор И.Л. Мироновский), вместо которого в 1934 г. устроили для Сталина и его товарищей кинозал (Зимний сад восстановили в начале 1986 г.), и слева так называемыми Апартаментами великих князей, или Детской половиной, которые находятся на месте Конюшенного двора. Теперь тут иногда помещают высоких иностранных гостей правительства.

В 1918 г. в подвал Детской половины бросили Фанни Каплан, которая покушалась на Ленина. Ее без всякого суда и следствия большевики решили расстрелять. Приказание выполнил комендант большевистского Кремля, рассказавший об этом в первом издании своих воспоминаний, опубликованных в 1957 г. Он отвел ее во двор за зданием Детской половины, куда до сих пор выходят гаражи, включил моторы нескольких автомобилей, хладнокровно убил Фанни Каплан, затолкал труп в железную бочку и сжег.

После победы большевиков многие помещения в бывшем императорском дворце – бывшие парадные, представительские и Собственные императорские апартаменты – поспе-

шили (они не очень-то рассчитывали на то, чтобы удержаться у власти надолго) занять новые хозяева – так, тут поселились Я.М. Свердлов (как раз под его квартирой в подвале сидела Ф. Каплан), А.И. Рыков, Л.Б. Каменев, И.В. Сталин, Ф.Э. Дзержинский и многие другие. Квартиры были во дворце в основном до середины 1930 г., но последние «жильцы» (скорее оккупанты) выселились значительно позже – Л.М. Каганович в 1957 г. и К.Е. Ворошилов в 1962 г.

Оружейная палата

Вместе с Большим Кремлевским дворцом было возведено и новое здание для размещения коллекций крупнейшего и старейшего кремлевского музея – Оружейной палаты. Первый раз летописец упомянул о ней в известии о пожаре 1547 г.: «И Оружничная полата вся погоре с воинским оружием».

Такое название она получила потому, что в ней изготовлялось и хранилось воинское снаряжение: холодное оружие, панцири, кольчуги и пр. Они украшались тонкими узорами и инкрустациями. Со временем искусные мастера создавали и многие предметы, необходимые в обиходе царского двора. Оружейная палата была также местом хранения государственных регалий, царских драгоценностей и подарков, привозимых иностранными послами. В начале XVIII в. мастеров Оружейной палаты перевели в Петербург, но многие предметы продолжали храниться в Кремле. Для них в 1806–1812 гг. построили отдельное здание по проекту архитектора И.В. Еготова, стоявшее на месте современного Дворца съездов. Это было протяженное строение с торжественным колонным портиком, удачно завершившее облик площади с Арсеналом и Сенатом. На карнизе стояли скульптурные портреты русских полководцев и государственных деятелей, на стенах помещались барельефы с изображениями событий отечественной истории. В семи больших и светлых залах первого и второго этажей располагались предметы из коллекций палаты. Это здание было уничтожено перед возведением Дворца съездов в декабре 1959 г.

Новое здание Оружейной палаты начали постройкой в 1844 г. и закончили в 1851 г.: тогда в него уже переносили экспонаты из старого здания. Автором проекта был тот же К.А. Тон, который проектировал Большой Кремлевский дворец и Апартаменты, и неудивительно, что все эти здания оформлены примерно одинаково.

По словам искусствоведов, «Оружейная палата и корпус Апартаментов должны были, по мысли К.А. Тона, образовать с Большим Кремлевским дворцом архитектурно выразительную группу зданий. Однако отсутствие силуэта, однообразие объемного решения, вялые пропорции помешали этому ансамблю стать значительным архитектурным произведением».

Музейные залы находятся на втором этаже, который отмечен мерным ритмом резных колонн, а оконные наличники сделаны в виде арок с подвесными гирьками. Первый этаж более простой, он обработан крупным рустом, довольно высокий цоколь производит скучное впечатление своим казарменным видом. Найти вход в музей в этой монотонной последовательности выступов и подслеповатых окошек – задача для посетителя.

Удивительно, но дворовый фасад палаты, вообще никому не видный, решен существенно выразительнее – его центр выделен граненым выступом, отмечающим центральный зал музея.

Интерьеры производят прекрасное впечатление своим простором, высотой залов, изящной обработкой сводов. На стенах помещены мраморные медальоны с портретами князей и царей, выполненные в 1774–1775 гг. скульптором Ф.И. Шубиным для Чесменского дворца в Петербурге. Для того чтобы хотя бы перечислить множество предметов, выставленных в этих залах, нужна отдельная книга, да и, как всякий музей, Оружейную палату надо видеть. Можно лишь сказать, что в ее коллекции находятся уникальные предметы, собранные на протяжении многих веков. Там представлены образцы холодного и огнестрельного оружия, кольчуги, шлемы, латы, короны, троны, конская упряжь, кареты, драгоценные предметы религиозного обихода, подарки царям от иностранных государей.

Самый древний предмет в Оружейной палате – серебряный кувшин, изготовленный в Константинополе в 400 г. Среди кольчуг – одна из старейших, весом 12 кг, сделанная из 16 тысяч железных колец, которая принадлежала князю Петру Ивановичу Шуйскому. После

его гибели в бою она попала в Оружейную палату, а потом ее выдали Ермаку. В палате хранится древнейший шлем отца Александра Невского князя Ярослава Всеволодовича XIII в., найденный на месте битвы у реки Колокши в 1216 г. Среди корон можно видеть знаменитую «шапку Мономаха», по преданию подаренную киевскому князю Владимиру византийским императором Константином Мономахом, на самом же деле она была изготовлена много позже – на рубеже XIII и XIV вв. восточными мастерами. Среди драгоценных тронных кресел привлекает внимание необычный двойной трон малолетних царей Ивана и Петра Алексеевичей.

Коллекция английского серебра, состоящая из подарков русским царям, уникальна, так как во время английской революции XVII в. почти все серебряные изделия были переплавлены в металлические слитки. Замечательна редкая коллекция экипажей XVI–XVIII вв., придворных одежд, в частности коронационных платьев. В витринах помещены совершенные образцы ювелирного искусства, такие как предметы религиозного обихода, изделия фирмы Карла Фаберже.

Через крайний правый вход можно войти на выставку «Алмазный фонд». Во многих странах мира много лет существуют музеи государственных регалий и драгоценных вещей, которые когда-то принадлежали монархам, а теперь составляют общенародную собственность. У нас такой музей сделали из выставки только в 1967 г., а до этого народ и не знал, что за сокровища у него есть...

В царской России они хранились в так называемой Бриллиантовой комнате, в советской их перевезли в Москву в Гохран, учреждение, призванное, казалось бы, хранить ценности, но в 1927 и в 1933 гг. значительную часть собственности народа большевики продали за границу. В последнее время выяснилось, что только одна продажная сделка большевиков, состоявшая из предметов Алмазного фонда, весила 9 кг, а таких сделок было несколько. Много еще осталось неизвестным, ибо так называемые «компетентные органы» (компетентные в чем?) до сих пор не пускают в свои архивы. Остатки от распродаж находятся на этой выставке. Там выставлены императорские государственные регалии – короны, скипетр, яблоко, исторические камни (алмазы «Орлов» и «Шах») и ювелирные изделия. В недавнее время сюда сдавали на хранение особо крупные алмазы, золотые и платиновые самородки.

Арсенал

Не было счастья, да несчастье помогло – сгорели все деревянные постройки, и таким образом освободилось место для постройки Цейхгауза, или Арсенала. «...Был пожар в Кремле; загорелось на Спасском подворье, от чего весь Кремль так выгорел, что не осталось не токмо что инова, но и мостов по улицам», – писал Петр I в письме одному из ближайших своих сподвижников – Федору Апраксину.

Случилось это 19 июня 1701 г., и современная запись добавляла, что тогда в Кремле было «невозможно проехать на коне, ни пешком пробежать от великаго ветра и вихря; с площади, подняв, да ударит о землю и несет далеко, справиться не даст долго; и сырая земля горела на ладонь толщиной». Через пять месяцев после пожара Петр издал указ: построить на обширном месте, где между Никольскими и Троицкими воротами находились погорелые дворы Шереметева и Салтыкова, «Оружейный дом, именуемый Цейхоуз, по чертежам, каковы будут даны из Преображенского», а «у строения Оружейного дома быть в надзирании из дворян Ивану Салтанову и Оружейныя палаты живописцу Михаилу Чоглокову... да с ними же быть для всяких в строении этого дома архитектурных размерений и над каменщики в делах усмотрений саксонцу каменных дел мастеру Христофору Конраду». В строительстве принимали участие и «архитектурного дела мастер» Дмитрий Иванов, и какие-то иноземцы-архитекторы, прибывшие из Копенгагена, «ради усмотрения в совершенстве архитектурного смотрения цейхауского». Отсюда началась долгая история возведения Арсенала, продлившаяся чуть ли не все XVIII столетие.

Строили его долго, во время войны со шведами было не до него, только в 1713 г. подвели под крышу, которая тут же и обрушилась, а потом ни материалов, ни рабочих не хватало из-за строительства Петербурга. К 1731 г. под руководством Х. Кондрата стены Арсенала были все-таки достроены, а все здание закончено при императрице Анне Иоанновне, в 1736 г. Руководил строительством тогда фельдмаршал Миних, но непосредственно занимался им архитектор И.Я. Шумахер, которому, весьма вероятно, принадлежит и рисунок пышного барочного портала в центре фасада, обращенного к зданию Сената и не видного рядовому посетителю Кремля.

Обгоревший в Троицкий пожар 1737 г. Арсенал был возобновлен только через 20 лет, позднее на его ремонт и достройку употребили белый камень из разобранный стены Белого города от Пречистенских до Тверских ворот. Только все, казалось бы, закончили, так в октябре 1812 г. Наполеон взорвал здание. Арсенал пострадал более всего в Кремле – в руины превратилась вся его северная часть, а внутренность выгорела, и только при Николае I его наконец восстановили.

Сооружение лаконичного, нерасчлененного объема Арсенала в окружении старых русских построек знаменовало принципиально новое явление в Кремле, новый масштаб. Внешний облик Арсенала прост и суров, он оживляется лишь рустом нижнего этажа, затейливым барочным порталом входа и парными окнами. Известный искусствовед И.Э. Грабарь назвал их «одним из подлинных чудес архитектуры Арсенала, ее, может быть, наиболее пленительной находкой».

Строя Арсенал, Петр I был озабочен не только сугубо практическими делами хранения и производства оружия, но и созданием военного музея. Он повелел собирать воинские трофеи и «те, все собрав, взять к Москве и в новопостроенном Цейхаусе для памяти на вечную славу поставить». Комплектование образцов вооружения продолжили и при Николае I. У Арсенала помещено много различных орудий, всего около 800 стволов, и в том числе взятых у наполеоновских войск. К восточному фасаду, где находятся интересные образцы орудий, хода нет, а вот у южного фасада, к которому можно подойти, расставлены русские

пушки XVI–XVII вв., которые до постройки Дворца съездов стояли у старого здания Оружейной палаты. Там же есть и несколько французских пушек с большой буквой N на стволе. Перед большевистским переворотом в Арсенале намеревались поместить большой и богатый музей 1812 г., что было бы самым замечательным и последовательным воплощением завета Петра Великого, но советские руководители были больше заинтересованы в казармах, чем в музее, а вот пушки вообще-то уцелели случайно. Их собирались... переплавить: 29 июня 1941 г. уже составили полный список, насчитали 870 общим весом 270 тонн, но... транспорта не хватало, чекисты были заняты перевозкой других предметов, и редчайшая коллекция уцелела.

У ворот Арсенала в 1927 г. установлена мемориальная доска, отмечавшая так называемую «зверскую расправу» юнкеров во время боев за власть в Москве в октябре 1917 г. Но историческая правда восторжествовала: было доказано, что никакой «расправы» на самом деле не происходило. Тогда в Арсенале была расквартирована воинская часть, поддерживавшая большевиков, и отсюда они щедро снабжались оружием. Рано утром 28 октября большевистский комендант Кремля, не имевший телефонной связи со своими, получил ультиматум командующего законными войсками полковника Рябцева открыть Кремль.

Солдатам, расквартированным в Арсенале, было предложено сдать оружие и выйти из Кремля. Они стали выходить и строиться, но в это время из здания, где оставались солдаты, неожиданно раздались выстрелы, и юнкера оказались под огнем. Было убито несколько юнкеров, пока, наконец, не заговорили пулеметы, при поддержке которых удалось справиться с провокаторами.

Советские историки, описывая эти события, упорно их искажали (и даже в истории города, изданной в юбилейные дни в 1997 г., повторяется та же ложь), обвиняя представителей законной власти Временного правительства в расстреле невинных людей в Кремле. Как писал один из таких историков, «выстроив 500 человек перед воротами Арсенала, они учинили дикую расправу над пленными, расстреляв их из пулеметов», а в путеводителе по Кремлю издания 1990 г. пишется о юнкерах и студентах: «Разъяренные, они разоружили солдат запасного полка и охрану Арсенала, выстроили их якобы для проверки документов и зверски расстреляли из пулеметов». На деле же было совсем наоборот. Большевистские солдаты открыли провокационный огонь, убив и ранив несколько ничего не подозревавших юнкеров, и в результате сами попали под пулеметный обстрел. Вот воспоминания одного из руководителей Красной гвардии: «Я в это время был около стены, где еще солдаты были вооружены и не хотели сдаваться. Вдруг солдаты при виде юнкеров открыли залп. Юнкера в панике бросились бежать к стенам, а некоторые обратно за ворота с криками „Измена, измена! Где Рябцев?“ В это время около стены обходили броневики, и солдаты, увидев их, еще больше набрались духа, полагая, что это наши броневики и прикрывают нас от юнкеров. Солдаты стали еще сильнее и чаще открывать огонь по юнкерам... Но вдруг броневики остановились и открыли огонь по стрелявшим. Солдаты тогда прямо не знали что делать, но все же продолжали стрелять».

С закрытия Кремля советскими властями и до сих пор Арсенал занят воинскими частями.

Сенат

Напротив Арсенала – здание Сената, их разделяет Сенатская площадь, которая в советское время называлась по имени террориста-убийцы Каляева.

Сенат был высшим государственным учреждением, призванным, по мысли Петра I, осуществлять надзор над государственными учреждениями. Екатерина II разделила Сенат на шесть департаментов, из которых два («по отправлению государственных текущих дел» и «по апелляционным делам и герольдии») заседали в Москве, в Потешном дворце. Для них потребовалось новое помещение, должное соответствовать значению Сената, и Екатерина повелела архитектору Матвею Казакову выстроить таковое, и, конечно, в Кремле.

Для нового строительства выбрали обширный двор князя Трубецкого, двор государевых духовников (обычно протопопов Благовещенского собора), а также конюшенный двор соседнего Чудова монастыря, да еще сломали несколько церквей. На образовавшемся участке треугольной формы в 1776 г. стали строить новое представительное здание.

Сенат

Казаков спроектировал его так, чтобы оно полностью заполнило участок неудобной формы: в плане новое здание представляло собой равнобедренный треугольник со срезанными углами. Два парадных этажа – второй и третий – поставлены как бы на мощном пьедестале высокого первого, отделанного крупным рустом, в вершине треугольника размещен парадный Екатерининский зал, отмеченный куполом, – это центр всей композиции здания. Но его довольно трудно увидеть: особенно эффектно замысел зодчего раскрывается для тех, кто сможет войти во двор через пышно отделанный вход. Неординарное решение – почему-то спрятать от глаз зрителя самую интересную часть здания, прекрасную ротонду круглого зала.

Екатерининский зал – шедевр русской классической архитектуры. Его купол имеет пролет почти 25 м и высоту 27 м, причем толщина свода в самой верхней части составляет только один кирпич. Сохранился рассказ о том, что рабочие боялись убирать подмости и кружала, по которым выкладывался свод, и как Казаков встал на вершине свода и стоял там, пока не убрали все подмости, причем «делал разные прыжки и притоптывания, чтобы выказать полную уверенность в прочности работы». Зал окружают пышные коринфские колонны, в простенках между ними помещены барельефы, изображающие великих князей и царей (копии скульптур Ф.И. Шубина). Фриз за колоннами прославляет деяния императрицы Екатерины II, представленной в виде Минервы, богини мудрости и покровительницы искусств и ремесел. Под лепными изображениями надписи: «Своей опасностью других спасает» (для того чтобы доказать безвредность прививки по методу английского врача

Дженнера, Екатерина привила себе и своим внукам оспу, эту неизлечимую тогда болезнь), «Везде светит» (на учреждение училищ), «Назирает и украшает» (украшение городов замечательными постройками), «Погибавших сохраняет» (учреждение Воспитательного дома, лучшего тогда в Европе заведения для брошенных детей), «Великому великая» (открытие памятника Петру I), «И вы победно подвизайтесь» (награда воинской доблести), «Восходит и живет» (общее оживление России и развитие сил ее), «Отторгнутое присоединяет» (на присоединение черноморского побережья) и др.

Архитектор М.Ф. Казаков

Здание – или, как оно называлось, Дом присудственных мест – начало строиться в 1776 г. и было окончено к 1 июля 1787 г. Стоимость его была исчислена с обычной тогда тщательностью – 759 395 рублей 73¹/₂ копейки.

Здесь предполагалось также разместить Вотчинный департамент с большим архивом и Межевую канцелярию с чертежной и архивом, а также использовать для собраний московского дворянства. В дальнейшем, после переделки купленного дома в Охотном ряду, дворянство собиралось уже там. После 1790 г. это сооружение получило название Сената, в котором работали 3, 7 и 8-й департаменты, рассматривавшие уголовные и гражданские дела.

Екатерина посетила новое здание и не преминула заметить, что «благородные дворяне, при первом своем собрании здесь... припомнят, что я дала им и всему их потомству Грамоту с правами и преимуществами важными». Она обратилась к архитектору М.Ф. Казакову: «Как все хорошо, какое искусство! Нынешний день ты подарил мне удовольствием редким; с тобою я сочтуса, а теперь вот тебе мои перчатки – отдай их своей жене и скажи, что это на память моего к тебе благоволения». Кроме перчаток Казаков получил драгоценный перстень, следующий чин и значительную пенсию.

В продолжение первой половины XIX в. в здании находилось много различных учреждений, нещадно его эксплуатировавших. Так, инспекторский департамент Военного министерства занял великолепный Екатерининский зал и заполнил его доверху папками архивных дел, а в середине поставил винтовую лестницу, чтобы добираться до потолка. На втором этаже располагалось Московское дворцовое архитектурное училище, сыгравшее большую роль в подготовке кадров зодчих.

С судебной реформой Александра II и введением новых судебных учреждений здание было отдано для них: там в 1866 г. открылась Московская палата судебных установлений. Тогда купол, на котором до наполеоновского нашествия стояла статуя Георгия Победоносца, увенчали колонной с гербом и надписью «Закон» (в советское время это все вместе с законами исчезло), а позже в Екатерининском зале установили скульптуру императора Алек-

сандра II – «царю-законодателю». Изменение архаичной судебной системы, в которой произвол и взятки играли первенствующую роль, вызвало необыкновенный энтузиазм: публика буквально осаждала здание Сената, желая присутствовать на судебных заседаниях.

В этом здании выступали лучшие русские адвокаты, в переполненных залах звучали речи А.И. Урусова, Ф.Н. Плевако, В.М. Пржевальского, Н.П. Шубинского и многих других. Председателем Московского суда долгое время был Н.В. Давыдов, оставивший интересные воспоминания о Москве второй половины XIX в. Здание это помнит много нашумевших процессов: тут в октябре 1874 г. судили игуменью Митрофанию, в миру баронессу Розен, занимавшуюся подделкой векселей, сообщников, которых оговорил Каракозов, покушавшийся на императора Александра II, «червоных валетов», большой группы мошенников, знаменитого предпринимателя и мецената Савву Мамонтова, попавшего под жернова междуведомственных амбиций, генерал-майора Л.Н. Гартунга (мужа Марии Александровны Пушкиной, дочери поэта), несправедливо обвиненного в присвоении денежных документов и застрелившегося в комнате рядом с судебной залой. Он оставил такую записку: «Клянусь Всемогущим Богом, я по настоящему делу ничего не похитил; и врагам моим прощаю». В 1899 г. проходил громкий процесс по злоупотреблениям в Московском городском кредитном обществе, затронувший многих тогда. Общество почти 40 лет производило операции с ипотечными вкладами, создав целую систему незаконной наживы.

В советское время после переезда правительства Ленина из Петрограда в Москву, в Кремль, в здании судебных установлений, на втором и третьем этажах, разместились Совнарком (Совет народных комиссаров, председателем которого был В.И. Ленин) и ВЦИК (Всероссийский центральный исполнительный комитет, председатель Я.М. Свердлов). В бывшей квартире прокурора поселился Ленин, где он жил с 1918 по 1922 г., а Екатерининский зал тут же переименовали в Свердловский, который стал клубом и местом проведения разного рода собраний и заседаний. Там же заседало правительство, созывались пленумы Центрального комитета коммунистической партии, вручались Сталинские и Ленинские премии, в том числе международные. В здании Сената была и квартира Сталина, куда он переехал после смерти жены. Его дочь вспоминала, что «на новой квартире в Кремле отец бывал мало, он заходил лишь обедать. Квартира для жилья была очень неудобна. Она помещалась в бельэтаже здания Сената, построенного Казаковым, и была ранее просто длинным официальным коридором, в одну сторону от которого отходили комнаты – скучные, безликие, с толстыми полутораметровыми стенами и сводчатыми потолками. Это бывшее учреждение переоборудовали под квартиру для отца только потому, что его кабинет – официальный кабинет председателя Совета министров и первого секретаря ЦК – помещался в этом же здании на втором этаже, и оттуда ему было очень удобно спуститься вниз и попасть прямо „домой“ обедать. А после обеда, продолжавшегося обычно часов с шести-семи вечера до одиннадцати – двенадцати ночи, он садился в машину и уезжал на Ближнюю дачу. А на следующий день, часам к двум-трем, приезжал опять к себе в кабинет в ЦК. Такой распорядок жизни он поддерживал до самой войны». Сохранились воспоминания о сборищах на его квартире: «...обычно первый тост произносил Хозяин. Все напряженно ожидали. Бывало и так: Сталин выходил из-за стола своей медленной, переваливающейся походкой, поднимал бокал за одного из „высоких гостей“ и, перечисляя его достоинства, облобызав, заканчивал шуткой: „Если бы товарищ (имярек) не был таким молодцом, то товарищ Ульрих (председатель судебной военной коллегии. – *Авт.*) давно бы подписал ему смертный приговор“. Все смеялись. Аплодировали. Смеялся и тот, к кому был обращен тост. Нередко он оказывался пророческим. Вот уж действительно „поцелуй Иуды“!»

После смерти Сталина в квартире поместили архив VI сектора, как назывался строго секретный архив Политбюро компартии. Хрущев, придя к власти, приводил его в «долж-

ный порядок», основательно почистив: отсюда документы пачками вывозили на хрущевскую дачу и там сжигали в камине.

Ту часть здания Сената, ближайшую к Никольской башне, в которой находились кабинет Сталина и кабинет его долголетнего секретаря Поскребышева (им же арестованного в конце карьеры), вместе с приемной называли «уголком» (потому что тут два крыла здания Сената сходились под углом друг к другу). Зал заседаний Политбюро, которые проходили по заведенному церемониалу, находился в той же части здания на третьем этаже.

Недавно здание Сената капитальным образом отремонтировали и отреставрировали для резиденции президента, где теперь находятся представительский и рабочий кабинеты, залы для приемов и заседаний, кабинеты помощников, библиотека. В Екатерининском зале поставили круглый стол для переговоров. В здании также находится так называемый ситуационный центр, который собирает разнообразную информацию.

Дворец съездов

Так назвали новое здание, возведенное при Хрущеве в Кремле – надо было ему оставить свой след здесь. Ведь, казалось бы, вполне обходились раньше залом в Большом Кремлевском дворце, выкроенным из двух старых царских, где собирались многочисленные съезды – большевиков, передовиков, интернационалистов, стахановцев, писателей, но нет – надо было обязательно оставить память о себе...

Для постройки Дворца съездов снесли несколько строений XIX в. – Офицерский, Кухонный и Гренадерский корпуса, почти весь Кавалерский корпус, а также старое здание Оружейной палаты. Они не были выдающимися произведениями, однако Оружейная палата, хотя и перестроенная и обезображенная в николаевское время при переделке ее в казармы, была все-таки весьма замечательным сооружением и вполне могла бы быть восстановлена в прежнем блеске. Вместо этого приступили к строительству нового здания, предназначенного для различных собраний.

И его надо было соорудить очень срочно, чтобы успеть к открытию очередного собрания. Надвигался XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза, и он, по желанию ее руководителей, должен был собраться в новом здании. В 1960 г. сломали старые здания, прорыли коллектор на глубине 12 м (его прокладывали тоннельным способом – трудно даже представить себе, сколько бесценных сокровищ уничтожили при этом) и начали рыть огромную яму глубиной в пятиэтажный дом. Вскоре над ней, аккуратно к открытию съезда 17 октября 1961 г., возвели здание «дворца».

Создатели тут же получили Ленинскую премию – это были главный архитектор Москвы М.В. Посохин и его товарищи. Грубо влезший в окружение старых зданий, совершенно чуждый и по архитектуре, и по материалу, из которого его построили (хотя облицован мрамором, который издали не отличается от вездесущих бетонных панелей), он никак не совмещается не только с древними соборами и с соседним Патриаршим дворцом, но и с более поздними Арсеналом и Сенатом. Его стена с жесткой схемой пилонов и неуклюжей надстройкой вылезает из-за Кремлевской стены со стороны Воздвиженки и непоправимо портит вид древней крепости. Как говорили, огромный фундамент нарушил гидрогеологические условия, в которых находились фундаменты кремлевских соборов, что создало угрозу для их существования.

Ядро нового строения – огромный зал на 6 тысяч мест, сделанный широким амфитеатром, с большим балконом и со сценой, считающейся одной из самых больших в мире. В зал ведут несколько эскалаторов. Над ним оборудовали банкетный зал, рассчитанный на 2500 сидячих или на 4500 стоячих посетителей. В здании много подсобных помещений – малых и больших залов, кухонь, гостиных и прочего – всего более 800.

Теперь во Дворце съездов эти съезды как раз-то не проходят: он отдан под балетные постановки и концерты.

КРЕМЛЬ УТРАЧЕННЫЙ

Исторический обзор

Как и любой другой город, Кремль на протяжении многих сотен лет не раз перестраивался. Причиной тому были не только многочисленные пожары и войны или амбиции очередных правителей, но и чисто практические соображения: ветшание здания, необходимость его расширения, несоответствие новым функциям, причем это относилось не только к гражданским зданиям, но и к церковным сооружениям.

В Кремле наряду с великокняжеским дворцом, большими соборами находилось и множество других самых разнообразных построек. Там с древних времен располагались монастыри и их подворья, вместе с большими боярскими усадьбами мелкие дворы дворян, а также простые дворы приказных и ремесленников. Со временем они вытеснялись из Кремля за пределы его стен на Посад, а кремлевские усадьбы переходили к князю и царю.

При этом терялись и прекрасные памятники русской архитектуры, о которых нам известно лишь по упоминаниям летописей и редким изображениям. Этот процесс был какое-то время вполне естественным, ибо тогда не было такого понятия, как памятник: оно появилось только в конце XVIII столетия, да и то ему приходилось десятки лет доказывать свое право на существование. Наши предки вполне утилитарно относились к любым строениям – если они приходили в негодность или становились малы и неудобны, то их просто заменяли новыми, вне зависимости от того, что это было, простая изба или великолепный каменный собор. Так, историк Н.А. Скворцов насчитал более тридцати церквей, по разным причинам уничтоженных в Кремле. «Постройка новых зданий, расширение улиц и площадей, ветхость церквей, удаление из Кремля предрержащих властей – все это подавало повод к совершенному их уничтожению», – отмечает он.

Начиная примерно со второй половины XVIII столетия мы встречаем уже определенные высказывания, правда нечастые, о сравнительной эстетической и исторической ценности того или иного строения, а через столетие проблемы сохранения архитектурного, живописного, исторического наследия приобретают общенациональное значение, особенно усилившееся после Второй мировой войны.

В Кремле на протяжении сотен лет было снесено множество строений.

У Фроловской (Спасской) башни купец Таракан (Тараканов) в 1471 г. построил палаты – первое здание из кирпича, возведенное частным лицом, что было отмечено летописцем. Позднее дома этой богатой семьи находились в Китай-городе. Палаты были снесены, вероятнее всего, при построении новой башни. Рядом, на подворье Кирилло-Белозерского монастыря, стояла церковь Афанасия и Кирилла, существовавшая еще в конце XIV столетия. На подворье останавливались высшие церковные иерархи, приезжавшие в Москву с Ближнего Востока. Тут жил антиохийский патриарх Макарий, сын которого архидьякон Павел Алеппский оставил замечательное описание своего путешествия в 50-х гг. XVII в. Известный в истории Смутного времени патриарх Гермоген, противник изменников-бояр, был заключен здесь и отсюда переведен в Чудов монастырь, где и скончался. Как и многие другие монастырские владения в Кремле, это подворье в XVIII в. было занято самыми разнообразными учреждениями – и Коммерц-коллегией, и конторой «следования мужского полу душ» (производившая перепись), и «магазинною продажей», пока его не снесли в 1776 г. Примерно ту же историю можно рассказать и о других подворьях и дворах. Так в XIV столетии Дмитрий Донской пожаловал Сергию Радонежскому место для застройки подворьем, где он мог останавливаться в приезды в Москву. Так образовалось Троицкое подворье, где

построили Богоявленскую церковь (иногда подворье именовалось монастырем), а в 1557 г. возвели шатровую Сергиевскую церковь, одна из самых замечательных церковных построек в Кремле, изображение которой сохранилось в книге об избрании на царство царя Михаила Федоровича. Как церковь, так и подворье Троице-Сергиевого монастыря, где она находилась, разобрали при тотальной чистке Кремля, предпринятой в начале XIX в., сравнимой только с разрушениями советского времени.

Каждое большое строительство в Кремле сопровождалось потерями. При сооружении огромного здания Сената на месте двора князей Трубецких, конюшенного двора Чудова монастыря и двух подворий снесли вместе с кладбищем церковь Козьмы и Дамиана, известную по документам с 1475 г., к которой позднее был пристроен придел, иногда обозначаемый как отдельная церковь во имя митрополита Филиппа.

В конце XVIII в. Кремль едва избежал грандиозных разрушений, могущих сравниться только с тем, что произошло в советское время. Когда Екатерина II затеяла строить в Кремле новый дворец, то разобрали большую часть кремлевской крепостной стены с южной стороны, Запасной двор с набережными садами, а также сломали любопытнейшие здания приказов, стоявшие длинной линией (124 м) по южной бровке кремлевского холма. Они были возведены по указу царя Алексея Михайловича в 1675 г. и надстроены при его сыне вторым этажом, куда вели длинные лестницы с крыльцами. Над палатами приказов стояли две церкви – Александра Невского и Черниговских чудотворцев князя Михаила и боярина его Федора. Мощи чудотворцев определили перенести в Архангельский собор, причем случился конфуз: когда вскрыли гробницу, то оказалось, что «болярина же его святого Феодора мощей в оной раке и церкви не явствует», однако сложили все, что обнаружилось там, обратно и унесли в Архангельский собор.

Восхищенный пиит Сумароков откликнулся на грядущую перемену:

Низвержена гора Монаршескою волей,
И Кремль украсится своею новой долей:
Со славою придет Паллада к сим местам
И будет обитать, ко славе Россов, там.

Однако из-за финансовых затруднений постройку колоссального дворца остановили и даже восстановили разрушенные стены и башни.

Особенно большой урон нанес Кремлю П.С. Валуев, заступивший в 1801 г. на должность руководителя Дворцового ведомства, ярый сторонник порядка и неистовый противник старых зданий, внушавших ему отвращение. Он обратился к императору Александру I за разрешением снести некоторые кремлевские строения, которые «помрачают своим неблагообразным видом все прочие великолепнейшие здания», и получил *carte blanche*, а просвещенный император лишь озаботился, «не произведет ли уничтожение сих древних зданий какого-либо предосудительного замечания». Замечаний Валуев, конечно, не услышал, и снесли прекрасные Колымажные ворота, двор царя Бориса Годунова, дворцовые церкви, уникальную Богоявленскую церковь и многие другие здания.

После изгнания наполеоновских войск волна «приведения в порядок» не пошла на убыль.

Справа от Спасских ворот стояла церковь Николы Гостунского, построенная в 1506 г. на месте более древней деревянной церкви Николы Льяного (туда приносили льяные початки для освящения урожая, а также и готовые холсты). В новую церковь перенесли Никольскую икону, украшенную «златом и камением драгим и бисером», прославившуюся чудесами в селе Гостунь (около города Белева). В этой церкви дьяконом служил московский первопечатник Иван Федоров. Никола Гостунский был весьма популярен в Москве – сюда

приходили помолвленные и новобрачные пары с родителями и заказывали молебны перед образом святителя Николая, вручая ему таким образом свою судьбу. Имена их записывались в особую книгу, хранимую в церкви. После пожара 1812 г. церковь отремонтировали, но... вскоре снесли, несмотря на то что она была весьма почитаема москвичами.

Сохранился выразительный рассказ декабриста В.И. Штейнгеля, бывшего тогда адъютантом московского генерал-губернатора А.П. Тормасова: «Его (собор Николы Гостунского. – *Авт.*) предположено было обнести благовидною галерею по примеру домика Петра Великого; но полученное известие, что с государем прибудет и прусский король, подало мысль: собор сломать, а площадь очистить для парадов. Граф (Тормасов) послал меня переговорить об этом важном предмете с Августином. Преосвященный в полном значении слова вспыллил, наговорил опрометчиво тьму оскорбительных для графа выражений; но, как со всеми вспылчивыми бывает, постепенно стих и решил так: „Скажите графу, что я согласен, но только с тем, чтобы он дал мне честное слово, что, приступив к ломке по наступлении ночи, к утру не только сломают, но очистят и разровняют все место так, чтобы знака не оставалось, где был собор. Я знаю Москву: начини ломать обыкновенным образом, толков не оберешься. Надо удивить неожиданностию, и все замолчат. Между тем я сделаю процессию: торжественно перенесу всю утварь во вновь отделанную церковь под колокольной Ивана Великого и вместе с тем освящу ее“. Довольный таким результатом переговоров, граф сказал: „О, что до этого, я наряжу целый полк: он может быть уверен, что за ночь не останется ни камешка“... Гостунский собор действительно исчез в одну ночь. Этому не менее дивились, как и созданию в 6 месяцев гигантского экзерциргауза (Манежа. – *Авт.*)».

И действительно, москвичи дивились такой прыти: «Проходят Кремль. „Что это такое, точно что-то не так?“ – обращаются друг к другу супруги с вопросом. „Да и мне кажется, что какая-то будто перемена“. Осматриваются внимательно. „Ай, да где же собор Николы Гостунского?“ Его нет, место чисто; даже незаметно, где стоял». Вот как усердие перед высоким начальством все преодолевает...

Церковь перевели на третий этаж звонницы рядом с колокольной Ивана Великого, но посещалась она очень редко, так как надо было подниматься высоко по лестнице, а зимой в неотапливаемой церкви царил жуткий холод.

Другой пример беспредельного угождения властям связан с судьбой первой московской церкви.

У Боровицких ворот стояла церковь Рождества Иоанна Предтечи, по уверению летописца, записавшего бытовавшую тогда легенду о ней: «Глаголют же, яко то прьваа церковь на Москве, на том месте бор был и церковь та в том лесу срублена была тогда, та же и соборнаа церковь была при Петре митрополите и двор митрополич туто же был, иде же ныне двор княж Иванов Юрьевич», «преже древяна прьваа церковь на бору, в том лесу и рублена». Рядом с церковью, как говорит летописец, поставил свой двор и митрополит Петр. Известно, что в 1460/61 г. построено каменное здание великим князем Василием Темным, но уже во время пожара 28 июля 1493 г., о котором «старые люди сказывают, как Москва стала, таков пожар не бывал», оно сильно пострадало: «...и церковь Иоанн Предтеча у Боровицких ворот выгоре и западе...»; тогда сгорела и казна великой княгини Софьи Фоминичны, хранившаяся в церковном подвале. В 1509 г. новая церковь была освящена митрополитом Симоном. В память рождения сына Ивана Грозного царевича Дмитрия в церкви устроили придельный храм Святого Уара, так как он родился 19 октября 1582 г., в день этого святого, и, как было обычно, носил два имени – Дмитрий и Уар. Перенесенные из Углича мощи царевича сначала поместили в этом храме, а затем в Архангельском соборе. Придельная церковь была весьма популярна в Москве, и даже сам Рождественский храм часто назывался Уаровским, так как сюда родители обращались с молитвой об исцелении детских болезней. Петр Великий заботился о церкви – он повелел в 1722 г. приступить к исправлению ветхостей и

неисправностей. Однако в следующем веке власти решили вообще избавиться от древней церкви, и в этом намерении им деятельно помогал и оправдывал их варварские действия высший церковный иерарх московский митрополит Филарет.

После испытаний 1812 г., выпавших на долю Москвы и Кремля, церковь, по сравнению с другими строениями, пострадала незначительно и в ней нашли приют бездомные и безместные попы. Управляющий Московской епархией просил начальника Кремлевской экспедиции князя Н.Б. Юсупова определить, что надо сделать для поправления этой церкви, и позднее ее отремонтировали. Тогда же открыли основание древнего деревянного строения, которое посчитали жилищем митрополита Петра.

При постройке новых зданий при Николае I – Большого Кремлевского дворца и Оружейной палаты – оказалось, что древняя церковь помешала еще одному ревнителю порядка, на этот раз самому императору. Ему не хотелось видеть такое неприглядное здание рядом с новыми, с иголки, величественными, по его мнению, строениями, и церковь была приговорена к уничтожению: Николай, осматривая новые постройки, повелел «церковь Св. Уара перенести в башню Боровицких ворот; ныне же существующее ее строение разобрать». Чтобы как-то утихомирить приверженцев старины, вице-президент Дворцовой конторы сообщил министру императорского двора следующее: «Находящуюся в Кремле церковь во имя св. Иоанна Предтечи Высочайше повелено сломать и перевести в Боровицкую башню. А как этот храм принадлежит к первейшим московским древностям, то, дабы совершенно отстранить все могущие возникнуть по сему предмету в народе разного рода толки, я полагал бы на стене башни, обращенной ко дворцу, сделать на особо вделанных камнях надписи, объясняющие причину сего перенесения. Высокопреосвященнейший Филарет, митрополит Московский, одобрив с своей стороны эту мысль, составил две надписи, одна из них поместится на правой стороне наружного портика устроенной в башне церкви, а другая – под верхним крестом. Крест над портиком поставится тот же самый, который находится ныне над приделом Св. мученика Уара, а вверху над храмом – во имя святого».

Известный в XIX в. духовный писатель А.Н. Муравьев вспоминал, как «всячески старался спасти древний храм» – он не мог примириться с надругательством над древностью и святыней московской. Муравьев обратился за содействием к митрополиту Филарету и близкому ко двору сановнику князю С.М. Голицыну. От Филарета, который, казалось бы, обязан был заботиться о сохранении церковной древности, он получил отповедь: «...я поклоняюсь древним иконам и прочей святыне, а не разседшимся камням Василия Темного», а обращение к Голицыну ничем не кончилось, ибо «двор был за границую, и слишком скоро исполнилось данное повеление».

При сносе церкви обнаружилось, что под жертвенником оказались кости животных (лошадиная голова, голени быка и коровы) – вероятно, на этом месте было языческое святилище с жертвоприношениями. Ведь известно, что христианские церкви при насильственном обращении местного населения ставились именно на месте разрушаемых языческих храмов, а день памяти Иоанна Предтечи намеренно отмечался на Ивана Купалу, главный языческий, самый веселый и разгульный день в году.

Церковь в 1847 г. снесли, иконостас перенесли в Боровицкую башню, где он страдал от сырости и, по сути дела, никем не был видим. Филарет освятил новое помещение церкви 2 мая 1848 г. и произнес проповедь в оправдание разрушителям.

У входа со стороны Кремля поставили крыльцо с каменным шатром, выше которого прикрепили подлинный крест, снятый с церкви, и две мемориальные доски, повествующие о переносе церкви.

В советское время никаких следов – ни надписей, ни креста – от бывшей там церкви не осталось.

При том же Валуеве снесли подворье Троице-Сергиева монастыря и Годуновский дворец у Троицкой башни и на освободившемся месте выстроили здание для размещения сокровищ Оружейной палаты, которые ютились в нескольких малоприспособленных и тесных помещениях – только в 1485 г. выстроили двухэтажное здание на Соборной площади между Архангельским и Благовещенским соборами, но и оно со временем оказалось тесным.

Новое здание Оружейной палаты построено в 1806–1809 гг. (отделка продолжалась до середины 1812 г.) по проекту талантливого архитектора И.В. Еготова, автора таких шедевров классицизма, как здания Военного госпиталя в Лефортове, усадьба Дурасова в Люблине и др. Новое здание явилось заключительным аккордом образования классического кремлевского ансамбля у Никольской башни, состоявшего из здания Сената, Арсенала и Оружейной палаты. Как писали тогда, «конечно, по важности сего хранилища древностей отечественных в Москве нет здания другого ему равного: кажется с сим согласовался и архитектор, сочиняя план сего Музея – какой величественный вид! Главный фасад обращен к Никольским воротам на площадь, окруженную Сенатом и Арсеналом, – самое соседство сих двух зданий придает важность нашей Оружейной Палате – Оружие и Закон ограждают путь к Святыни славы наших предков».

Напротив Никольских ворот стояло протяженное двухэтажное здание, с выделенным восемью колоннами и куполом центром, щедро украшенное барельефами и скульптурами (над наружной отделкой здания работал скульптор Г.Т. Замараев). На карнизе находились фигуры Добрыни, крестившего Новгород, воеводы Претича из Повести временных лет, героев Куликовской битвы Пересвета и Осляби, покорителя Сибири Ермака Тимофеевича, освободителей Москвы от польско-литовских захватчиков Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского. Рядом с ними стояли статуи государственных деятелей Д.Д. Холмского, А.Л. Ордин-Нащокина, А.С. Матвеева, В.В. Голицына и др. На стенах поставлены барельефы, изображавшие сцены из русской истории. Оружейная палата работала в этом здании до 1851 г., когда все экспонаты были перемещены в новое здание, а старое было перестроено любителем шагистики Николаем I под казармы по проекту архитектора Тона, основательно испортившего прекрасное здание. Его снесли перед строительством хрущевского «шедевра» Дворца съездов, а ведь как было бы хорошо и разумно его восстановить и устроить там музей истории Кремля.

После самой крупной перестройки в николаевское царствование в XIX столетии Кремль жил спокойно до прихода коммунистов. После переезда ленинского правительства из Петрограда в марте 1918 г. в Кремле начались переделки, сносы и постройки, не прекращавшиеся весь XX век, и самое почитаемое место России изменилось неузнаваемо. Писатель Владимир Солоухин говорил о том, что «Кремль, который действительно был когда-то русской православной святыней, давным-давно осквернен сносом Чудова монастыря, Вознесенского монастыря, Спаса на Бору, памятника Александру Второму, многих других памятников старины, прекращением богослужений в кремлевских соборах...».

Через месяц после переезда Ленина с соратниками в Москву было принято постановление о сносе памятников «старого режима»: «Памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг, не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны, подлежат снятию с площадей и улиц...»

Памятник великому князю Сергею Александровичу

Недалеко от Никольской башни, между зданиями Сената и Арсенала, на ступенчатом постаменте из темно-зеленого лабрадора стоял высокий бронзовый крест с распятием и эмалевыми вставками. Над крестом под волнисто-изогнутой кровлей виднелась скорбно склоненная Богоматерь, под крестом в художественно обработанном фонаре теплилась неугасимая лампада. На кресте можно было прочесть: «Отче, отпусти им, не ведают бо, что творят» – слова Иисуса о прощении своих врагов, ослепленных невежеством и злобой, обращенные к Богу Отцу во время смертных мук Его на кресте.

Этот крест-памятник, произведение художника В.М. Васнецова, был сооружен в 1908 г. на месте убийства великого князя Сергея Александровича.

Великий князь, бывший еще недавно генерал-губернатором Москвы, выехал 4 февраля 1905 г. из Малого Николаевского дворца, направляясь в свою резиденцию на Тверской улице. В 3 часа дня он проезжал между Арсеналом и Сенатом к Никольской башне, и в это время с тротуара сошел молодой человек и бросил какой-то предмет под коляску князя. Раздался страшный взрыв. Коляска, лошадь, извозчик и седок были буквально разорваны в клочки. Снег кругом был залит кровью. Вот выдержка из газетной корреспонденции: «От сотрясения воздуха побиты все стекла... Взрыв был слышен в Замоскворечье, на Сретенке, Мясницкой... Силой взрыва голова была отделена от туловища и разорвана на мелкие части, и бездыханное тело лежало на снегу без левой ноги, с большими повреждениями всего туловища. Одной руки не было, а другая лежала около шеи...» Так на сорок восьмом году закончилась жизнь великого князя Сергея Александровича.

Четвертый сын императора Александра III, он родился в 1857 г., участвовал в турецкой кампании 1877–1878 гг. и получил за нее орден Святого Георгия VI степени, путешествовал по Востоку, после чего основал Палестинское общество, целью которого было исследование Древней Палестины и оказание помощи русским паломникам в Святую землю.

Он интересовался историей и принимал близкое участие в возведении здания Музея изящных искусств в Москве, будучи председателем Комитета по устройству музея. Душа музея И.В. Цветаев в своей переписке часто упоминает о беседах с великим князем, много способствовавшим становлению музея. Сам Сергей Александрович пожертвовал значительную сумму на зал Парфенона, а после кончины его вдова передала музею некоторые предметы из большой художественной коллекции Сергея Александровича.

В 1891 г. он стал московским генерал-губернатором и стяжал на этом поприще репутацию твердого охранителя самодержавия.

Незадолго до покушения великий князь стал получать анонимные письма с угрозой убить его, если не прекратит преследования революционеров, но он пренебрег опасностью, только перестал выезжать вместе с женой, великой княгиней Елизаветой Федоровной (старшей сестрой жены Николая II).

Она одна из первых оказалась на месте убийства мужа и собрала своими руками окровавленные останки великого князя.

Убийцей был Каляев, террорист, член боевой организации партии социалистов-революционеров, ставившей целью путем убийств достигнуть справедливого социального порядка.

Великого князя Сергея Александровича похоронили в храме-усыпальнице, устроенном в подклете Алексеевской церкви Чудова монастыря, а на месте убийства поставили памятник.

После смерти мужа Елизавета Федоровна посвятила себя благотворительности: она основала Марфо-Мариинскую общину сестер милосердия, приобрела для нее два участка

на Большой Ордынке, пригласила архитектора А.В. Щусева и художника М.В. Нестерова для постройки и отделки церкви Покрова Богородицы. Сама Елизавета Федоровна многие годы работала в общине, ухаживая за больными в Москве, пользуясь искренней любовью и уважением.

После захвата власти большевиками великую княгиню несколько раз пытались вывезти за границу, но она упорно отказывалась покинуть Россию, свою новую родину. В 1918 г. ее арестовали вместе с великим князем Сергеем Михайловичем (двоюродным братом ее мужа), тремя сыновьями великого князя Константина и сыном Павла Александровича и увезли на Урал в город Алапаевск.

Она и другие жертвы большевистского произвола были привезены к отверстию заброшенной шахты и живыми сброшены туда, вслед за ними полетели гранаты. Раздались взрывы, и удовлетворенные убийцы удалились – дело было сделано.

Но окрестные жители, подобравшись к шахте, еще слышали голоса глубоко внизу, а когда белые, взяв Алапаевск, извлекли тела мучеников, то оказалось, что голова одного из мальчиков была перевязана платком Елизаветы Федоровны... Там, в крошечной тьме, истекшая кровью, прощаясь с жизнью, она находила в себе силы утешать и ухаживать...

Как и когда снесли памятник, поставленный на месте убийства великого князя, прекрасное произведение замечательного художника?

Вот что рассказывал комендант Кремля:

«Наступило 1 мая 1918 г. ... Члены ВЦИК, сотрудники ВЦИК и Совнаркома собрались к 9.30 утра в Кремле, перед зданием Судебных установлений.

Вышел Владимир Ильич. Он был весел, шутил, смеялся. Когда я подошел, Ильич приветливо поздоровался со мной, поздравил с праздником, а потом шутливо погрозил пальцем:

– Хорошо, батенька, все хорошо, а вот это безобразие так и не убрали. Это уж нехорошо, – и указал на памятник, воздвигнутый на месте убийства великого князя Сергея Александровича.

Я сокрушенно вздохнул.

– Правильно, говорю, Владимир Ильич, не убрал. Не успел, рабочих рук не хватило.

– Ишь ты, нашел причину! Так, говорите, рабочих рук не хватает? Ну, для этого дела рабочие руки найдутся хоть сейчас. Как, товарищи? – обратился Владимир Ильич к окружающим.

Со всех сторон его поддержали дружные голоса.

– Видите? А вы говорите, рабочих рук нет. Ну-ка, пока есть время до демонстрации, тащите веревки.

Я мигом сбегал в комендатуру и принес веревки. Владимир Ильич ловко сделал петлю и накинул на памятник. Взялись за дело все, и вскоре памятник был опутан веревками со всех сторон.

– А ну, дружно! – задорно скомандовал Владимир Ильич Ленин.

Свердлов, Аванесов, Смидович, другие члены ВЦИК и Совнаркома и сотрудники немногочисленного правительственного аппарата впряглись в веревки, налегли, дернули, и памятник рухнул на булыжник.

– Долой его с глаз, на свалку! – продолжал распоряжаться Владимир Ильич.

Десятки рук подхватили веревки, и памятник загремел по булыжнику к Тайницкому саду».

Чудов монастырь разрушили в 1929 г., и часть его заняло здание для военной школы, а усыпальницу великого князя обнаружили при ремонте проезжей части в 1985 г. под автомобильной стоянкой, примерно напротив середины фасада бывшей школы. Тогда все засыпали и заасфальтировали и велели обо всем молчать. В 1995 г. останки великого князя были найдены снова: по сообщению печати, в предполагаемом месте пробурили 20 скважин, ввели

миниатюрную видеокамеру и в конце концов обнаружили точное место склепа. Останки великого князя в 1995 г. были перенесены в Новоспасский монастырь, где поставлена копия васнецовского памятника.

Памятник Александру II

Если новые хозяева не пощадили древних сооружений Кремля, то тем более они не пожалели еще сравнительно недавних, не имевших в их глазах никакой ценности.

Как только большевики переселились в старую столицу, они начали разрушать памятники царям. В Кремле их руки протянулись прежде всего к памятнику царю-освободителю Александру II.

Стоял памятник на исключительно выгодном для обозрения месте: на склоне кремлевского холма, обращенного к Москве-реке, и отовсюду из Замоскворечья виднелась колоннада и высокая шатровая сень над статуей Александра II. Его установили недалеко от Малого Николаевского дворца, где в среду на Святой неделе 17 апреля 1818 г. у великого князя Николая Павловича, ставшего наследником престола после кончины его брата императора Александра I, и его супруги Александры Федоровны родился сын, названный Александром. Александр Николаевич стал вторым, после Петра Великого, российским императором, родившимся в Москве. Только через три недели состоялся обряд крещения в Михайлоархангельской церкви Чудова монастыря, проведенный архиепископом Августинном. Младенца возложили на раку митрополита Алексия, прося его заступничества в жизни, но это не помогло, и император кончил ужасной смертью от руки террориста, когда еще был в расцвете сил и полон новых замыслов – тогда готовилось некое подобие конституции.

На рождение Александра его будущий воспитатель В.А. Жуковский сложил такие стихи «по случаю»:

С душой на все прекрасное готовый,
Наставленный; достойным счастья быть,
Великое с величием сносить,
Не трепетать, встречая рок суровый...

История строительства памятника подробно исследована известным историком В.Ф. Козловым. Уже 8 марта 1881 г., на седьмой день после покушения, московский городской голова С.М. Третьяков предложил построить памятник в Кремле, что было поддержано гласными Московской городской думы. Памятник строился на деньги, собранные по всей России в продолжение многих лет, и подписка достигла огромной суммы – 1 миллион 762 тысяч рублей.

В продолжение почти 10 лет шли подготовительные работы: одних конкурсов провели целых три! Представили более сотни проектов и никак не могли решить, какой из них будет принят, и только после того, как сам Александр III, который живо интересовался памятником, решительно вмешался, дело сдвинулось. Как-то гостивший в Гатчинском дворце сын поэта художник Павел Жуковский предложил императору свой проект. Александру III он понравился, но ему хотелось усилить в нем русские черты, и он рекомендовал привлечь архитектора Николая Султанова, ставшего известным после многих работ по реставрации и восстановлению старинных зданий. Их совместный проект, представленный в 1890 г., с фигурой Александра II, работы скульптора Александра Опекушина, получил одобрение, и уже летом того же года начались земляные работы, которые со многими осложнениями продолжались около трех лет. На месте сооружения каждый день в тяжелых условиях трудились сотни землекопов, оснащенных лишь тачками. Как писал корреспондент газеты «Русское слово», «золотистый песок погружается в большие тачки, пудов в 30 (почти полтонны! – *Авт.*), каждая с песком, и эти грузные тачки влекут быстро наверх, по мосткам, человека по три, по четыре при каждой тачке, влекут к общей горе вынутой земли». При выемке грунта

обнаружили множество ценных предметов – чернильницы, пеналы и даже гусиное перо – ведь на этом месте находились здания приказов. Фундамент закладывали на материковой скале. «Только это, – как писали тогда, – может придать ему вековую прочность».

Сергей Михайлович Третьяков

Закладка памятника происходила 14 мая 1893 г. в присутствии Александра III, императрицы Марии Федоровны и наследника Николая Александровича, который и не предполагал, что он через год станет императором и впоследствии будет открывать воздвигнутый памятник. Торжественное открытие состоялось 16 августа 1898 г. За два дня до этого газеты сообщали, что 14 августа все работы по отделке статуи закончены, временные постройки разобраны, помост перед памятником «устилается сукном цвета бордо» и московские улицы украшаются к приезду царской четы и почетных гостей: «...на балконах и подъездах устанавливаются бюсты Их Императорских Величеств, утопающие в зелени и цветах. На Лубянской фонтане спешно заканчивается цветочное убранство; эта декорация будет единственною во всей Москве по своей роскоши и замыслу».

В воскресенье 16 августа Москва готовилась к торжественному событию – уже в восемь часов утра прогремели пять пушечных выстрелов с Тайницкой башни, народ рано начал собираться не только в Кремле, но и напротив, на Софийской набережной, «которая была сплошь усеяна обывателями столицы». В два часа дня император и свита в составе крестного хода из Чудова монастыря подошли к памятнику, митрополит Московский отслужил молебен, возгласил вечную память Александру II, в это время спала пелена и загремели пушки, которые произвели под «Преображенский марш» салютационную пальбу – 360 выстрелов, окутав все дымом. Торжество открытия завершилось парадом войск, во главе которых шел, обнажив саблю, сам Николай II. В течение этого дня «публика долго толпилась у памятника, любясь величественным монументом».

Памятник представлял собой мемориальный комплекс, состоявший из собственно самой статуи императора, шатровой сени над ней, большой галереи и массивного основания. Статуя во весь рост, отлитая из темной бронзы, стояла на прямоугольном пьедестале с надписью: «Императору Александру II любовью народа». Все сооружение являлось выдающимся произведением прикладного искусства. Возвышавшаяся над статуей шатровая сень была облицована темно-розовым финляндским гранитом и украшена бронзой с позолотой; кровля шатра сделана из бронзовых листов, вызолоченных через огонь и залитых темно-зеленой эмалью. На сводах сквозной арочной галереи, окружавшей с трех сторон сень со статуей, помещались 33 мозаичных портрета русских государей, начиная от Владимира и кончая отцом Александра императором Николаем I, выполненные в Венеции по эскизам

художника П.В. Жуковского. По фризу колоннады можно было прочесть: «Сооружен добротным иждивением русского народа».

Памятник вызвал разные отзывы, и в том числе отрицательные. Вот эпиграмма, приведенная в горьковской «Жизни Клима Самгина»:

Нелепого строителя
Архинелепый план:
Царя-Освободителя
Поставить в кегельбан.

Один из лучших московских путеводителей, последний изданный в царской России, писал, что «сам памятник не производит художественного впечатления. В нем хороша только фигура императора, отлитая из бронзы, по проекту Опекушина. Сень над нею и галерея, в виде буквы П кругом нее, сооруженные по проекту художника П.В. Жуковского (сына поэта) и гражданского инженера Н.В. Султанова, – из очень дорогого материала, с массой позолоты, уже потускневшей, и венецианской мозаикой, – безвкусны и лишены какого бы то ни было идейного содержания. Это памятник лицу, а не деятелю, и обычные аксессуары памятников великим людям и крупным историческим деятелям здесь заменяются картинной галереей предков Александра II, начиная с Владимира Святого».

Этот памятник разрушили одним из первых. По воспоминаниям, Ленин нашел необходимым именно его удалить, считая, что на его месте надо поставить памятник Льву Толстому. «Где отлучали Толстого от церкви? – спросил он меня (В.Д. Бонч-Бруевича, управлявшего делами Совнаркома. – *Авт.*). – В Успенском соборе... – Вот и хорошо, самое подходящее его убрать (он показал на памятник Александру II), а здесь поставить хорошую статую Льва Толстого, обращенную к Успенскому собору. Это будет как раз кстати».

Летом 1918 г. статуи Александра уже не было (сень дожила до конца 1920-х гг.). В дневнике одного москвича, опубликованном за границей, 3 сентября 1918 г. было записано: «Ехал вчера на трамвае по Каменному мосту и – увы! – видел оттуда, что памятники Александрам Второму и Третьему уже разорены...» И далее он добавляет: «Какие же суетники эти советские работники! Снятие памятников, флаги, красноармейские звезды, телеграммы Ленину, бюллетени о его болезни, ведь это „буржуазные“ замашки. Не сказать ли им в таком случае: „Врач – исцелился сам“?»

Весной 1924 г. намеревались начать разборку сени, а остатки памятника разобрали летом 1925 г.

Чудов монастырь

Даже в Московском Кремле, каждая пядь которого полна исторических воспоминаний, Чудов монастырь стоял на особом счету – так много событий случилось здесь, так много знаменитых в русской истории лиц связано с ним.

Основан монастырь был сыном боярина Федора Бяконта, в юности ставшим монахом Богоявленского монастыря, а потом и московским митрополитом Алексием, управлявшим Московским княжеством при малолетнем князе Дмитрии, будущем Донском. Как повествуется в Житии митрополита, в 1357 г. его вызвала к себе в Орду мать хана Джанибека Тайдула, много лет скорбевшая глазами. Всякий вызов в Орду был тревожным – писали завещания, прощались с чадами и домочадцами, служили молебны. Когда митрополит в Успенском соборе совершал молебен перед отъездом, то случилось чудо – у гроба святого митрополита Петра «се от себя сама возгорелась свеча». Митрополит раздал молящимся часть этой свечи, а остальную взял с собой в Орду вместе с освященной водой.

В Орде он был торжественно встречен, введен в царские покои, там совершил молебен, возжег чудесную свечу, окропил глаза царицы святой водой, и... чудо свершилось – Тайдула прозрела. Все получили богатые дары, а митрополиту был подарен ордынский посольский (по другим источникам – конюшенный) двор в Кремле, где он устроил монастырь, а в 1365 г., как повествует летописец, «пресвященный Алексий, митрополит всея Руси, заложи церковь камени во имя святого архангела Михаила, честного его чуда, бывшаго в Хонех» (можно предполагать, что чудесное выздоровление Тайдулы произошло 6 сентября, в день празднования Чуда Архангела Михаила). Но вероятнее всего, что посвящение церкви определялось самым смыслом чуда, совершенного архангелом Михаилом, защитившим христианский храм от пытавшихся разрушить его язычников. Он явился с неба и остановил воды, направленные язычниками на храм, потом прорубил ущелье и увел воды туда. Отсюда название места – Хони, то есть погружение, потому что там воды погрузились в каменное ущелье. Митрополит Алексий этим посвящением подчеркивал значение сохранения православной церкви как оплота Московского государства. Церковь эта «милостию же Божиею и помощию святого архангела Михаила единого лета и почата, и кончана, и священа бысть». Митрополит украсил новую церковь «и подписью, и иконами, и книгами, и златыми сосудами».

Патриарх Адриан

Сам митрополит Алексий скончался в 1378 г. и завещал положить его у алтарей построенной им церкви, но Дмитрий Донской не выполнил его волю и церковь простояла недолго

– уже в 1431 г. во время службы «церковный верх... от ветхости весьма обвалился». Старый храм – одноглавый, с покрытием по трем закомарам – разобрали и выстроили новый, а во время подготовки фундамента нашли в земле нетленные мощи митрополита Алексия, которые и доныне сохраняются, но теперь уже не в Кремле, а в церкви Богоявления Господня, что в Елохове.

Новая церковь была меньше первоначальной, «обаче [однако] высока и зело пространна и прекрасна», но и она простояла не так долго. Великий князь Иван III Васильевич в 1501 г. указал разобрать обветшавшую церковь и построить новую. Через два года, в тот же день, 6 сентября, в день празднования Чуда в Хонех, церковь была торжественно освящена. Возможно, что ее, как и строившийся примерно в то же время Архангельский собор, возводили итальянские архитекторы. Считают, что неизвестный архитектор, создавший Чудовский собор, владел приемами итальянского Возрождения с таким же мастерством, как и Алевиз Новый.

Сам храм был очень красивым, его стройный и пропорциональный четверик украшен изящными декоративными элементами, несущими черты как ранней московской архитектуры, так и более поздних исканий. Капитальная «История русского искусства» так отозвалась об этом храме: «Собор Чудова монастыря был одним из тех первых памятников XVI в., в которых с наибольшей полнотой сказались черты новой московской архитектуры... В нем с наибольшим совершенством оказались использованными новые архитектурные формы, сложившиеся в Москве в результате глубоких идейных сдвигов и работы зодчих различных художественных направлений».

Чудовский собор явился образцом для многих русских построек XVI в. Он был красив и внутри – над алтарным престолом обращала на себя внимание резная деревянная позолоченная сень. Это чудесное произведение – «рукоделье раба Божия Петра Ремизова» – датировалось 1641 г.

В Чудовом монастыре находились и другие церкви: так, почти через 100 лет после кончины святого Алексия в основанном им монастыре возвели церковь, освященную во имя его, а строителем был архимандрит Геннадий, который очень почитал святого Алексия. Однажды «вниде ему в ум» почтить святого, и вскоре, около 1485 г., была построена Алексеевская церковь, в которую и были тогда перенесены мощи святого Алексия. В 1680 г. вместо этой церкви архимандрит Адриан, последний перед введением синодального управления всероссийский патриарх, заложил две новые церкви под одной кровлей, одна – во имя святого Алексия, а другая – во имя Благовещения Богородицы. Они соединялись аркой, под которой в серебряной раке покоились мощи святого Алексия, рядом лежал посох его, а за стеклом на стене находилось одеяние. Около Алексеевского храма в 1686 г. построили еще один – Андреевский, возможно по случаю умиротворения Стрелецкого бунта, когда патриарх вынес часть святых мощей апостола Андрея и призвал собравшихся бунтовщиков покориться, что они сделали, поцеловав святыню. Этот храм был, может быть, единственным в России, куда не разрешалось входить женщинам, – прежде в Чудовом монастыре было много монашествующих, все они во время богослужений заполняли церковь, и во избежание совращения неустойчивых к соблазну монахов вход женскому полу был строго воспрещен. Это запрещение по традиции оставалось в силе и до последних дней существования монастыря.

В Алексеевской церкви особенно хорош был иконостас, сделанный из бронзы в 1839 г. по рисунку М.Д. Быковского, а царские двери весом 11 пудов 30 фунтов (185 кг), работы знаменитой ювелирной фирмы Сазикова, сияли серебром. Церковь эта была еще и своеобразным воинским памятником: по указанию Николая I на ее стенах были развешаны трофеи Русско-персидской войны 1826–1828 гг.

В Алексеевскую церковь вело высокое псевдоготическое крыльцо, нелепо приделанное в 1780 г. к двухэтажному монастырскому корпусу по проекту М.Ф. Казакова (как писал

путеводитель по Москве 1917 г., «прекрасное монастырское здание обезображено грубым крыльцом quasi-готического стиля»).

Под монастырским храмом Святого Алексия в 1906 г. устроили церковь-усыпальницу убитого террористом великого князя Сергея Александровича, освященную во имя преподобного Сергия Радонежского. Ее украшал замечательной работы резной белокаменный иконостас, иконы для которого написал художник К.П. Степанов. Из такого же белого мрамора изваяли надгробие, стоявшее в центре подземного храма. Там был и небольшой музей древностей, в котором находились ценные вещи из коллекции великого князя: иконы XVI и XVII вв., нательный крест XIV в. в серебряном ковчеге, а также личные вещи его. В храме находились носилки, на которых переносились останки Сергея Александровича, и грендерская шинель, укрывавшая их.

Автором проекта храма-усыпальницы был архитектор В.П. Загорский, а внутренняя отделка производилась по замыслу и рисункам П.В. Жуковского.

Патриарх Филарет

Монастырь издавна был весьма почитаем – в церкви Чуда Архангела Михаила крестили многих младенцев из царского дома: детей Ивана Грозного, в частности в 1554 г. – царевича Федора, в 1629 г. патриарх Филарет крестил своего внука – будущего царя Алексея Михайловича, а в 1672 г. здесь был крещен и царевич Петр – впоследствии преобразователь России император Петр Великий. В 1818 г. в этой церкви состоялось крещение будущего царя-освободителя Александра II, родившегося неподалеку, в Малом Николаевском дворце.

Чудов монастырь памятен событиями, имевшими большое значение для истории русской церкви. Так, сюда был заключен митрополит Исидор, присланный в Москву из Константинополя в 1437 г. и давший согласие на унию – соединение восточного православия и западного католицизма. Когда митрополит во время церковной службы помянул папу римского, великий князь Василий II возмутился, громогласно назвал его «латинским прелестником» и велел запереть митрополита в Чудовом монастыре. В.О. Ключевский писал: «Если бы великий князь Василий Васильевич не обличал злокозненного врага, сатанина сына грека Исидора, олатынил бы он русскую церковь, исказил бы древнее благочестие, насажденное у нас святым князем Владимиром».

Исидору удалось бежать из монастыря, но великий князь приказал не преследовать его. «Исидор нощию исшед тайно, – рассказывает летописец, – и со учениками своими, с Чернцом Григорием и Афанасием, и побежал с Москвы ко Твери, а из Твери к Литве, да и к Риму». В Риме он и умер в 1462 г.

С Чудовым монастырем связаны, может быть, наиболее драматичные события в русской истории, когда само существование Руси как самостоятельного, суверенного образования было под угрозой. Это было Смутное время, время разорения, «нестроения» и шатания всей Русской земли, после которого она вышла обновленной, строящейся и укрепляющейся.

Чудов монастырь оказался связанным с судьбой главных действующих лиц драмы Смутного времени: Лжедмитрием I, Василием Шуйским и патриархом Гермогеном, и если для первого Чудов монастырь был только одним из этапов в самом начале его головокружительной карьеры, то для двоих других он стал мрачным свидетелем их либо политической, либо физической смерти.

Было высказано много предположений о происхождении Лжедмитрия. По наиболее вероятному из них, он был сыном галицкого дворянина Богдана Отрепьева, стрелецкого сотника, погибшего в московской Немецкой слободе, вероятно в пьяной драке. Его сын Юрий попал в молодости к боярам Романовым, и, когда царь Борис Годунов обрушил свой гнев и преследования на них, Юрию Отрепьеву пришлось спасать свою жизнь в монастыре – он постригся в монахи под именем Григорий и, пользуясь протекцией, попал в кремлевский Чудов монастырь. Его заступники просили архимандрита, «чтоб его велел взять в монастырь и велел бы ему жити в келье у деда у своего у Замятни».

Знаменитая сцена из трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов», в которой Пимен произносит:

Еще одно, последнее сказанье —
И летопись окончена моя... —

происходит в келье Чудова монастыря. Григорий, проснувшись, рассказывает летописцу о смутившем его покой сне:

Мне снилось, что лестница крутая
Меня вела на башню; с высоты
Мне виделась Москва, что муравейник;
Внизу народ на площади кипел
И на меня указывал со смехом,
И стыдно мне и страшно становилось —
И, падая стремглав, я пробуждался...

Григорий, обуреваемый честолюбивыми помыслами, бежит из Чудова монастыря, попадает в Польшу и оттуда, поддерживаемый поляками, приходит во главе войска в Москву. Он овладевает тронем, венчавшись на царство 21 июля 1605 г. в Успенском соборе Кремля.

Долго на московском троне сидеть Григорию Отрепьеву не пришлось. Через десять месяцев в столице вспыхнуло восстание. «17 мая, в четвертом часу дня, прекраснейшего из весенних, – рассказывает Н.М. Карамзин, – восходящее солнце осветило ужасную тревогу столицы: ударили в колокол сперва у Св. Илии близ двора гостиного, и в одно время загредел набат в целой Москве, и жители устремились из домов на Красную площадь, с копьями, мечами, самопалами».

Лжедмитрий, спасаясь от толпы, выскочил в окно и разбился. Его принесли во дворец и уже там убили. Тело выволокли на Красную площадь и положили на Лобное место, где, как передает современник, «положили ему на брюхо гнусную маску (найденную в комнатах у Марины), дудку в рот, волынку под мышку и медную деньгу в руку, как бы в награду за игру его».

Возглавлял боярский заговор, свергнувший Лжедмитрия I, Василий Иванович Шуйский, «пожилой, 54-летний боярин небольшого роста, невзрачный, подслеповатый, человек неглупый, но более хитрый, чем умный, донельзя изолгавшийся и изынтриганившийся, прошедший огонь и воду, выдавший и плаху и не попробовавший ее только по милости самозванца, против которого он исподтишка действовал, большой охотник до наушников и сильно побаивавшийся колдунов». Его «выкрикнули» царем на Красной площади, и он оставался им четыре бурных года, с 1606 по 1610 г., в государстве, пораженном голодом, сотрясаемом восстаниями, осажденном интервентами.

В середине 1610 г. положение царя Василия стало критическим – его войска потерпели сокрушительное поражение в сражении с польскими войсками под деревней Клушино. С запада к Москве приближался гетман Станислав Жолкевский, с юга – Лжедмитрий II, а в самой Москве раздавались призывы расправиться с правительством. Глава заговорщиков Захар Ляпунов 17 июля 1610 г. собрал у Арбатских ворот дворян и детей боярских и объявил им о необходимости свести Шуйского с престола. После сходки на Красной площади толпа во главе с Ляпуновым отправилась в Кремль, захватила царя Василия и отвела в его городской дом, а вскоре туда, как рассказывает Н.М. Карамзин, «явились Захария Ляпунов, Князь Петр Засекин, несколько сановников с Чудовскими Иноками и Священниками и велели Шуйскому готовиться к пострижению, еще гнушаясь новым царубийством и считая келию надежным преддверием гроба. „Нет! – сказал Василий с твердостью. – Никогда не буду Монахом“... Читали молитвы пострижения, совершали обряд священный и не слышали уже ни единого слова от Василия». Его насильно постригли и отвезли в Иосифо-Волоколамский монастырь, а там он попал в руки гетмана Жолкевского, который и увез его в Польшу, предварительно сняв с него иноческое платье, «одев во изрядные ризы» – ведь польскому королю надо было видеть не монаха, а плененного русского царя. Там, в Польше, Шуйский и умер через два года.

В монастырском храме Чуда Михаила Архангела, в глубоких белокаменных подвалах, по преданию, был заключен патриарх Гермоген. Твердый защитник интересов православия, он не шел ни на какие компромиссы. Гермоген требовал крещения Марины Мнишек, чем и вызвал недовольство первого самозванца. Патриарх противился кандидатуре польского королевича Владислава на русский престол и, поддерживая Михаила Романова, выступал против боярских предложений о присяге королю Польши Сигизмунду III.

Когда на требование изменников-бояр остановить русское ополчение, приближающееся к Москве, Гермоген твердо ответил: «Я их благословляю против вас стоять и помереть за православную христианскую веру», его арестовали. Он не смирился с оккупацией Москвы и, находясь под домашним арестом, стал рассылать грамоты по Русской земле с призывами выступить против интервентов. Мужественный патриарх отвечал на угрозы врагов: «Да будут те благословени, которые идут на очищение Московского государства, а вы, – говорил он боярам, – окаянные московские изменники, будете прокляты».

Последние дни жизни бесстрашного патриарха, которого называли «непоколебимым столпом», поддерживающим «великую палату» – Россию, прошли в заключении: было ему «гонение и теснота великая». Гермогена посадили в подземную тюрьму, морили голодом – «опечалиша его кормлею и питием», и патриарх-страдалец скончался 17 февраля 1612 г. «по многом страдании и тесноте».

В воспоминание этих событий в нижнем этаже Михаилоархангельской церкви в 1913 г. освятили церковь во имя мученика Гермогена, тезоименитого патриарху.

Патриарх Гермоген

Сюда же, в Чудов монастырь, насильно отвели деда Петра I, боярина Кирилла Нарышкина. В 1682 г., во время Стрелецкого бунта, он был пострижен в монахи – тогда это было весьма распространенной формой принудительного отстранения политических противников от участия в управлении государством.

Чудов монастырь приобрел известность и как средоточие просвещения на Руси. Здесь была открыта одна из первых в Москве школ, учрежденных для подготовки «справщиков», то есть ученых людей, знающих, как исправить богослужебные книги, в которые при многочисленных переписываниях проникло множество ошибок.

Само дело исправления книг, по словам И.Е. Забелина, «не замедлило обнаружить всю глубину и необозримую широту тогдашнего русского невежества и его кровных чад: суеверия, легковерия, суемудрия и самомнения». Руководителем школы сделали грека Арсения, учившегося в Риме. Его привез в Москву в 1649 г. иерусалимский патриарх, и Арсений остался здесь. Позднее его приблизил к себе патриарх Никон, однако через несколько лет ученого грека обвинили в ереси, и он, как образно пишет тот же И.Е. Забелин, «на одинокой и потому утлой своей ладье потонул в глубине всеобщего невежества... Говорили про него, что он волхв, еретик, звездочет, исполнен скверны и смрада езувитских ересей. Такими характеристиками встречались тогда все знающие и ученые люди».

Здесь же, в Чудовом монастыре, обретался и знаменитый писатель, богослов Максим Грек.

Максим Грек, или Михаил Триволис (таково было его настоящее имя), в 1518 г. прибыл из Афона в Москву по приглашению великого князя Василия II для перевода и исправления богослужебных книг. После выполнения первого же поручения – перевода толковой Псалтыри – он попросился обратно, но не тут-то было: в Московское государство было трудно попасть, но еще труднее кому-либо выбраться, если власти считали его полезным или же опасались, что он расскажет на Западе о московских порядках.

Максима Грека заставили работать. Он переводил, писал, исправлял книги, проповедовал, но, что оказалось роковым для него, он не смог остаться в стороне от политико-религиозной борьбы. Максим Грек выступил на стороне так называемых нестяжателей, ратовавших за возвращение церкви к идеалам первоначального христианства – аскетизму, отказу от стяжания, то есть стремления к приобретению, накоплению материальных ценностей.

Нестяжатели потерпели поражение и были осуждены на церковных соборах, и Максим Грек полностью испил горькую чашу мучений и унижения. Его в оковах увезли в дальний монастырь. В заточении он провел 22 долгих года. Сменялись митрополиты, появлялись новые люди у кормила правления, но Максим Грек оставался в монастыре – напрасно он слал

прошения, доказывая, что он не еретик, не враг Московской державы, что он по десять раз молился за государя, напрасно он унижался: выпускать его не желали. Москва не любила, чтобы о ней неблагоприятно отзывались за границей.

В Чудовом монастыре жил и другой известный в истории русской культуры просветитель – Епифаний Славинецкий. Он получил образование в лучшем тогда высшем учебном заведении – Киево-Могилянской академии, продолжил обучение за границей. Его пригласили в Москву и поручили исправление богослужебных книг, и, по сути дела, та реформа, которую замыслил патриарх Никон, была практически проведена Епифанием Славинецким.

Это был настоящий ученый, чуждый каких-либо житейских дрызг и склок, не искавший теплых местечек, всем сердцем преданный науке. Он не только исправлял книги, но и переводил. Сохранились архивные записи о выплате ему «гонораров»: «166 года (1658) маиа 8 киевлянину старцу Епифанию, что в Чудове монастыре живет, перевел государю патриарху дохтурскую книгу, 10 рублей дано сполна».

Епифаний прожил в Москве 26 лет и погребен был в Чудовом монастыре. На его надгробной плите была пространная надпись, начинавшаяся так:

Преходяй человеце! zde став да взиравши,
Дондеже в мире сем обитаеши;
Зде бо лежит мудрейший отец Епифаний...

И сам патриарх Никон, эта яркая и противоречивая фигура в истории Русской церкви, испытал здесь, в Чудовом монастыре, минуты унижения и позора. В небольшой Благовещенской церкви монастыря 12 декабря 1666 г. ему объявили приговор церковного суда, в котором русского патриарха обвиняли в хуле на великого государя, царя всея Руси. Тут были и два патриарха – Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский – главы восточных церквей, живших под гнетом турок и приезжавших в Московию в надежде на вспомоществование, присутствовали русские церковные деятели и бояре, присланные царем, князья Одоевский, Долгорукий, Воротынский и др. В церковь, ярко освещенную свечами, вошел Никон в патриаршей мантии, с панагией на груди и в черном клобуке с сияющим жемчужным крестом на нем. Прочли по-гречески и по-русски приговор суда – лишить Никона патриаршего сана, и восточные патриархи начали снимать с него панагию и клобук. «Возьмите себе жемчуг, – сказал язвительный Никон, обращаясь к патриархам, – разделите его между собою; вы, бродяги, шатаетесь всюду за милостыней».

Низложенного Никона вывели из церкви, посадили в сани и на следующий день отправили в Ферапонтов монастырь в заточение.

Монахом Чудова монастыря был и один из первых русских просветителей, Карион Истомин. Он приехал в Москву из Украины около 1676 г. и сначала поселился вместе с Сильвестром Медведевым в Заиконоспасском монастыре на Никольской улице, но потом перешел в Чудов монастырь. Карион Истомин – автор лучшего тогда русского букваря, вышедшего из печати в 1694 г., который он преподнес царице Наталье Кирилловне для обучения ее внука, царевича Алексея. Еще раньше он составил для одиннадцатилетнего царя Петра I книгу «Полис» – энциклопедию, в которой рассказывалось о самых разных вещах в стихотворной форме. Карион Истомин был автором и переводчиком многих сочинений по истории и педагогике, его поэтическое наследство очень велико. Чудов монастырь был известен в Москве своим хором, который был, как говорили, «вершиной русского певческого искусства». Его основал митрополит Платон Малиновский в 1750 г., где хористами служили «искусные и голосами исправные, басистые, тенористые и альтистые, особливо же из мальчиков дишкантистые, чтобы гораздо к пению способны были и напрасно места не занимали».

Как и в других монастырях, в Чудовом монастыре находилось кладбище, на котором похоронили последнего казанского царя Едигера, принявшего крещение под именем Симеон; в монастыре покоились сват царя Алексея Михайловича боярин Борис Иванович Морозов, Карион Истомина, многие из знатных фамилий Трубецких, Оболенских, Хованских, Щербатовых, Куракиных, Стрешневых.

Во время оккупации Москвы наполеоновскими войсками в алтаре собора маршал Даву устроил свою канцелярию, где, сидя за священным престолом, подписывал бумаги и принимал просителей, что воспроизвел Верещагин в серии картин, посвященных Отечественной войне 1812 г.

Рядом с Чудовым монастырем стояло небольшое уютное здание с изящной угловой полуротондой – так называемый Малый Николаевский дворец.

Малый Николаевский дворец

Во времена Ивана III здесь находились двор брата государя князя Юрия Ивановича Дмитровского и несколько других дворов, принадлежавших боярам. Царь Иван IV приказал очистить весь участок и построить двор для своего глухонемого брата, князя Юрия Васильевича, что и было сделано в продолжение трех месяцев осенью 1560 г. Князь Юрий прожил здесь немного – через четыре года он умер, и двор купил боярин Иван Шереметев Большой, заплативший за него огромную по тем временам сумму – 7800 рублей да еще давший в придачу два других своих двора. После Шереметевых двором стал владеть известный политический деятель царствования Михаила Федоровича, знатный и богатый боярин Борис Иванович Морозов, а с 1677 г. двор – собственность Чудова монастыря.

По указу Синода 1744 г. этот двор стал жилищем главы Московской епархии. Сюда 15 сентября 1771 г. пришла толпа москвичей, возмущенная запретом архиепископа Амвросия собираться у иконы на Варварской площади – дело было во время чумной эпидемии в Москве, и власти, естественно, боялись распространения болезни. Озлобленной толпе нужно было найти конкретных виновников трагедии, и гнев обезумевших от жажды крови обратился на Амвросия. Собравшиеся на Варварской площади бросились в Кремль, сюда, в палаты архиепископа, и, не найдя его там – он успел укрыться в Донском монастыре, – разгромили дом: «...все окончины перебили, стулья переломали, оборвали и, одним словом, весь домашний убор с крайним ругательством в ничто обратили». На следующий день архиепископа нашли на хорах Большого собора Донского монастыря, выволокли невинную жертву оттуда и зверски убили. Это было началом Чумного бунта 1771 г., укротить который смогли лишь войска под командованием генерал-поручика П.Д. Еропкина.

Новый глава Московской епархии архиепископ Платон в 1775 г. начал строительство дома для себя заново. Средства на постройку – 40 тысяч рублей – выдала сама Екатерина II,

а архитектором пригласили Матвея Казакова, который строил для Платона ранее архиерейские палаты в Твери и церковь Святого Филиппа Митрополита в Москве.

В 1776 г. Казаков возвел здание «в новейшем вкусе», со сдержанной обработкой лопатками по всему фасаду и очаровательной полуротондой из четырех колонн тосканского ордера, увенчанной бельведером с вензелем Платона. В здании находилась домовая церковь, освященная во имя святых апостолов Петра и Павла. Позднее, в 1824 г., здание надстроили деревянным, обложенным кирпичом третьим этажом.

После смерти митрополита Платона архиерейский дом остался без хозяина и в 1817 г. поступил в дворцовое ведомство. Когда в следующем году в Москву приехал императорский двор, в этом здании поселился великий князь Николай Павлович с семьей. Здесь 17 апреля 1818 г. родился его сын, будущий российский император Александр II. Его отец часто останавливался в этом дворце, и впоследствии он стал называться Малым Николаевским.

Тут 8 сентября 1826 г. состоялся знаменательный разговор Николая I с возвращенным им из ссылки Александром Сергеевичем Пушкиным. За ним в Псковскую губернию, в Михайловское, послали фельдъегеря, и тот провел Пушкина, усталого, в дорожном платье, забрызганном грязью, прямо в кабинет императора. Как писал в своих записках декабрист Н.И. Лорер со слов брата А.С. Пушкина Льва, царь встретил поэта словами: «Брат мой, покойный император сослал вас на жительство в деревню, я же освобождаю вас от этого наказания с условием ничего не писать против правительства». – «Ваше величество, – ответил Пушкин, – я давно ничего не пишу противного правительству, а после „Кинжала“ и вообще ничего не писал». – «Вы были дружны со многими из тех, которые в Сибири?» – продолжал государь. «Правда, государь, я многих из них любил и уважал и продолжаю питать к ним те же чувства!» – «Я позволяю вам жить, где хотите, пиши и пиши, я буду твоим цензором», – кончил государь и, взяв его за руку, вывел в смежную комнату, наполненную царедворцами: «Господа, вот вам новый Пушкин, о старом забудем».

Это был заранее рассчитанный жест только что коронованного императора: привлечь в глазах общества на свою сторону опального поэта, известного всей России вольнодумными стихами.

В этом же дворце Николай принимал другого поэта – Александра Полежаева, чья поэма «Сашка» возмутила высочайшего слушателя. «Это все еще следы, последние остатки; я их искореню!» – памятуя о декабристах, воскликнул он, и поэт, только что окончивший университет, отправился в солдаты.

Николай задумал перестроить дворец в более приличествующем Кремлю русском стиле и заказал архитектору К.А. Тону проект перестройки, утвержденный в 1851 г., но до кончины Николая успели только выстроить крыльцо с шатровым верхом, а дальнейшую перестройку запретил новый император Александр II, сказав: «Мне гораздо приятнее иметь старый исправленный без перемены дворец, чем вновь построенный с фасадом Тона».

В 1874 г. под руководством архитектора Н.А. Шохина началась реставрация порядком обветшавшего здания с условием строгого сохранения его внешнего и внутреннего вида. Во время работ открылись сооружения кремлевского рва времени Ивана Калиты, остатки древних зданий, а также были обнаружены более 2 тысяч скелетов, захороненных потом во дворе монастыря у церкви Чуда Архангела Михаила. Тщательная реставрация окончилась в 1878 г.

В 1917 г., во время обстрела Кремля большевиками, значительные разрушения были нанесены Чудову монастырю. Известный искусствовед А.М. Эфрос писал: «Сильнее всего разворочен Чудов монастырь. Его стены, окна, крыльцо представляли сплошную рану. Стены пробиты насквозь, искрошены наличники окон, разбиты колонны крыльца; внутренние части монастырских помещений, главным образом архиерейские покои, чрезвычайно пострадали».

После переезда ленинского правительства в Москву оно заняло Кремль, но тогда не все здания использовались новыми хозяевами, и, конечно, они не чувствовали себя в безопасности даже за высокими стенами Кремля... Они боялись всех, а особенные подозрения вызывали у них монахи кремлевских монастырей. Как бесхитростно рассказывал первый советский комендант Кремля матрос П.Д. Мальков, «больше всего хлопот и неприятностей доставляли мне монахи и монахини, так и сновавшие по Кремлю в своих черных рясах... Вот тут и охраняй и обеспечивай Кремль от проникновения чуждых элементов!»

Я.М. Свердлов, которому подчинялся кремлевский комендант, считал, что «давно пора очистить Кремль от этой публики», и Ленин тут же дал свое согласие. «Ну что же, – передает его слова комендант, – я не против. Давайте выселяйте. Только вежливо, без грубости».

Мальков отправился к настоятелю: «Есть, говорю, указание Ленина и Свердлова переселить вас всех из Кремля, так что собирайтесь».

Насельников монастырей выгнали в 1918 г., но чудовские монастырские здания простояли еще почти 10 лет, их использовали как общежития, открыли клуб ВЦИКа (Центрального исполнительного комитета) на втором этаже, а на первом – типографию ВЦИКа и переплетную мастерскую, классы пулеметных курсов и открыли кооперативный магазин для тех, кто не удостоился получать государственные пайки. Малый Николаевский дворец достоял до 1929 г., когда он был сломан вместе с Чудовым и Вознесенским монастырями.

В декабре 1929 – начале 1930 г. все монастырские постройки снесли. В журнале «Архитектура и строительство Москвы» в 1989 г. был опубликован красноречивый документ от 17 декабря 1929 г., подписанный историками и реставраторами, работавшими тогда в церкви Чуда Архангела Михаила. Они сообщают, что, явившись на работу по съемке фресок собора, «нашли храм взорванным и представляющим грудку строительного мусора». Как этот храм, так и весь Чудов монастырь уступил место новой постройке: понадобилось выстроить помещение для охранников новой власти – военной школы красных командиров имени ВЦИКа, которая ранее находилась в старом здании Оружейной палаты, и для нее не нашлось другого места во всей Москве, как только на месте древних Чудова и Вознесенского монастырей и Малого Николаевского дворца. К 1934 г. появилось здание (архитектор И.И. Рерберг; участвовал также архитектор И.В. Жолтовский), о котором современные авторы архитектурной истории Кремля пишут, что «по своим членениям и пропорциям это здание не вписалось в ансамбль Кремля. Выполненное в неоклассическом стиле, характерном для начала XX в., оно невыразительно по формам, его детали имеют сухую прорисовку». Это «невыразительное» здание заменило собой совершенно неповторимые кремлевские постройки, от которых ничего не осталось, кроме нескольких фотографий.

В 1958 г. часть здания была переустроена в просуществовавший недолгое время (до 1967 г.) Кремлевский театр на 1200 зрителей, для входа в который открывали Спасские ворота.

Теперь это здание занимают конторы президентской администрации.

Церковь Святых Константина и Елены

Это была первая церковь, снесенная большевиками в Кремле. Она стояла под горой, на подоле, у восточной Кремлевской стены, и совсем близко от проездных ворот башни, которая так и называлась – Константино-Еленинская.

Впервые церковь Святых Константина и Елены упоминается в летописном сообщении о пожаре 1470 г.: «...того же лета, месяца августа в 1 день, исходящу второму часу загореся Москва внутри города на подоле, близ Костянтина и Елены, от Богданова двора Носова, а до вечерни и выгорел весь, вста бо тогда ветр силен с полунощи, и за рекою многы дворы погорели, а иных отнимали; а головни и береста с огнем добре далече носило, за много верст...»

Возможно, тогда церковь была деревянной, ибо в 1651 г. повелели возвести каменное ее здание, но вот сделали это или нет, неизвестно. Однако известно, что в 1692 г. каменную церковь, выстроенную иждивением царицы Натальи Кирилловны и царевича Алексея Петровича, освятил патриарх Адриан.

С этих пор церковь почти не изменялась – в продолжение и XVIII, и XIX вв. она лишь ремонтировалась и заново украшалась – так, например, в 1756 г. под «смотрением» архитектора князя Д.В. Ухтомского делались новый иконостас и роспись на стенах. Храм пережил и пожар 1812 г. – его обширные подвалы служили убежищем для десятков москвичей, потерявших имущество и кров. В 1836 г. церковь отремонтировали и украсили.

Так церковь Святых Константина и Елены мирно жила до лета 1928 г., когда она привлекла внимание властей. Ее снесли, место разровняли, засеяли зеленой травой, и сейчас уже ничто не напоминает о ней.

Собор Спаса на Бору

Во дворе Большого Кремлевского дворца в начале XX в. можно было увидеть старинную небольшую церковь, почти вросшую в землю. Это был собор во имя Спаса Преображения, называвшийся «что на Бору».

По летописному известию, в 1330 г. князь Иван Калита «заложи церковь камени на Москве, близ своего двора во имя Преображения Господа нашего Иисуса Христа...». Само название собора – «что на Бору» – говорило, казалось, о древности его. Как объясняют все путеводители, тогда вокруг него шумел дремучий, вековой бор. Однако эта, наиболее распространенная, версия вызывает определенные сомнения. Как выяснили археологи, уже в XI в. на вершине кремлевского холма был поселок с торжищем, и говорить, что через две сотни лет, в XIV в., вокруг Спасского собора еще был дикий лес, по меньшей мере наивно. С гораздо большей вероятностью можно предположить, что собор построили на месте древнего торгового пункта – ведь слово «бор» означает еще «налог», «денежная повинность» (отсюда и такие слова, как «сбор», «поборы», «собирать» и т. д.), и место, где собирали этот налог, так и называлось Бор, значит, церковь стояла именно «на Бору», то есть там, где находилась торговая застава, у слияния двух рек, Москвы и Неглинной – двух торных дорог древности.

Возведение кремлевского каменного храма – пример невиданного еще строительства в далеком и окраинном городе Северо-Восточной Руси, которое должно было свидетельствовать о богатстве московского князя. Но он не только построил церковь, а «и сотвори ту монастырь, и сбра в он чръноризци, и возлюби его паче инех монастырей». Это был женский монастырь, основанный для супруги великого князя. По исследованиям историка К.А. Аверьянова, после огромного московского пожара 1365 г., в котором погорело множество зданий, и в том числе Спасский в Занеглименье, монахов этого монастыря перевели в Кремль, а монахинь поселили у села Семчинского в Алексеевском монастыре. С тех пор Спасский кремлевский монастырь стал мужским.

Монастырский собор был одним из самых уважаемых: там погребали великих княгинь. Первое погребение состоялось в 1332 г., когда скончалась жена князя Ивана Калиты Елена Ивановна. В 1345 г. здесь похоронили великую княгиню Анастасию, жену Симеона Гордого, незадолго перед тем затеявшую роспись собора: «...а мастера старшины и начялницы бысть России родом, а Гречистии ученицы: Гоитан, и Семен, и Иван, и прочие их ученицы и дружина», также и великую княгиню Александру, мать Дмитрия Донского, в 1364 г.; но в дальнейшем монастырь стал мужским. Так, под 1393 г. летописец отметил: «Иуля 29 преставися князь Иванъ, брат великого князя Васильевъ, и наречено бысть имя его в чернехъ Иоасаф, положень же бысть у Спаса въ притворе близ гроба бабы своя княгини Александры Ивановы». В 1396 г. записано известие о смерти епископа Стефана Пермского: «Тое же весны, апреля 26, преставися епископъ Пермский Стефанъ и положень бысть на Москве въ монастыре у святого Спаса, въ застенке (то есть в приделе. – *Авт.*), в Спасе Милостивомъ». Как сообщал летописец, «святое же и честное священное его и трудолюбезное тело положено бысть в церкви всемилостиваго Спаса, иже есть придел...».

Как и все московские храмы, Спасский собор много раз горел и подвергался надругательствам ордынцев. Особенно губительным был разгром, учиненный Тохтамышем в 1382 г., когда он обманом взял Москву. Невозможно удержаться, чтобы не привести здесь печалование летописца: «И бяше тогда видети в граде плачь, и рыдание, и вопль мног, и слезы, и крик неутешаемый, и стонание многое, и печаль горкаа, и скорбь неутешимаа, беда нестерпимаа, нужда ужаснаа, и горесть смертнаа, страх, и ужас, и трепет...» Вся Москва лежала в дымящихся развалинах: «...церкви святыя запалены быша и падошася, а каменья стоаша выгоревши внутри и сторевша вне...»

Дмитрий Донской возобновил Спасский храм и завещал ежегодное пожертвование в пользу монастыря немалой по тому времени суммы – 15 рублей. Многие князья жаловали монастырь деревнями, землей и иными угодьями. Только Иван III, заботившийся о новом престиже своей власти, начав большую перестройку в Кремле, в начале 90-х гг. XV в. повел вывести из него древний и уважаемый своими предками Спасский монастырь далеко за Яузу, на высокий и крутой берег Москвы-реки, где и был основан новый Спасский монастырь, а в Кремле осталась только церковь Спаса, ставшая дворцовой, великокняжеской.

Есть сообщение о том, что сын Ивана III великий князь Василий Иванович в 1527 г. построил новую церковь, но, как предполагал И.Е. Забелин, это известие может относиться лишь к возведению ее приделов, а сама же церковь осталась такой же маленькой, какой и была во времена Ивана Калиты. На это обратил внимание известный своим описанием путешествия антиохийского патриарха Макария в Россию Павел Алеппский.

С устройством новых церквей для великокняжеского двора, так называемых верховых, Спасский храм становится приходским для дворцовой прислуги: «... весь дворец, ключники, и стряпчие, и сытники, и приспешники, и повары тут приходят, и рано для их служба живет, чтоб отправаясь шли, всяк на свой приспех, к Царьскому столу готовить».

В XVIII в. Спасский собор, как, впрочем, и весь Кремль, лишаясь бдительного ока царя, стал ветшать. Много раз собор осматривали архитекторы и неизменно доносили обо всех новых и новых ветхостях, которые надо было исправлять. Вот в 1730 г. сообщалось, что сквозь своды шла течь, черепица во многих местах обвалилась и все «поросло лесом, березы, осины и рябины». В 1760–1763 гг. старое и ветхое здание разобрали и под руководством М.Ф. Казакова сложили заново.

Так продолжалось до XIX в. В наполеоновское нашествие храм уцелел, хотя и был ограблен. Только в 1850–1860-х гг. храм отреставрировали по проекту известного тогда архитектора Ф.Ф. Рихтера и заново расписали.

Особое внимание при поновлении храма было обращено на место захоронения просветителя зырян (или, как их тогда называли, пермяков) святого Стефана Пермского. Он еще мальчиком, живя в своем родном городе Устюге, научился чтению – «всей грамотичной хитрости и книжной силе». Таким любознательным людям, как Стефан, была тогда одна дорога – в монастырь, где он обрел многих своих товарищей, таких же искателей истины и света. 13 лет провел Стефан в Григориевобогословском монастыре в Ростове – и после этого он решился стать миссионером, как «издавна у него сдумано бяше». Он выучился зырянскому языку и принялся за составление азбуки, так как зыряне «не знаху, что есть книги», для чего он воспользовался употреблявшимися у них с давних времен знаками, пометами на вещах.

Миссионерство Стефана проходило с большими трудностями. Особенно сопротивлялись его проповеди языческие жрецы, а среди них некий жрец Пам: «Лют супротивник преподобному и злоратоборец велик, неукротим супостат и боритель». Стефан и Пам как-то спорили друг с другом день и ночь, забыв о сне и пище, пока не решили доказать истинность своей веры и ложность противника испытанием огнем и водой. При большом стечении народа разожгли большой костер, сделали две проруби во льду, куда после испытания огнем должны были спуститься спорившие, но язычник Пам убоился испытаний и, посрамленный, удалился из зырянской земли, а Стефан одержал полную победу.

Деятельность его поддерживалась московскими князьями и церковными иерархами, и в 1383 г. он был рукоположен в сан епископа Пермского. На земле зырян епископ Стефан основывал школы, богадельни, монастыри, организовывал перевод книг на зырянский язык и их переписку. Он «во время трудные» раздавал голодающим свои деньги и хлебные запасы, делился с ними последним, охранял свою паству от нападений новгородских ушкуйников (разбойников), соседних племен и от преследований московской администрации.

До нас дошел выразительный «плач Перми» о смерти Стефана: «Он молился о спасении душ наших перед Богом, а князю предлагал жалобы наши, печаловался о льготе для нас и о наших пользах; пред боярами и начальниками был усердным заступником нашим; много раз избавлял он от насилия, работ, тиунских взяток и облегчал нам подати».

Стефан проповедовал христианство в Пермской земле еще несколько лет, а в 1396 г. был вызван в Москву, здесь скончался и был похоронен в Спасском соборе. В 1549 г. его причислили к лику русских святых. В соборе сохранялись мощи Стефана Пермского, и молящиеся могли видеть его посох.

Долгое время считалось, что собор Спаса на Бору – одна из древнейших построек в Кремле, но выяснилось, что в XVIII в., после одного из больших пожаров, здание его было переложено заново (возможно, с использованием старых частей), да так, что в точности соответствовало древнему образцу. Все это было определено при поспешно проведенных в 1932 г. исследованиях перед сносом собора, и, как меланхолически отмечал один из исследователей, «как бы добросовестно ни была осуществлена эта новая модель древней постройки, она уже не может дать в руки исследователя наблюдений, которые позволили бы установить, к какому времени относятся те или иные части исчезнувшего оригинала».

Все вопросы остались без ответа – собор Спаса на Бору к 1 мая 1933 г. был безжалостно разрушен.

Вознесенский монастырь

Монастырь находился у Спасских ворот и почти вплотную примыкал к Кремлевской стене. Один из древнейших в Москве, он производил незабываемое впечатление своими церквями, тишиной, спокойствием. Автор «Воспоминания о посещении святыни московской» Андрей Муравьев так начинал свой очерк о монастыре: «Есть обитель инокинь, у Спасских ворот Кремля. Как робкие ласточки, которые, весенною порою, вьют себе мирные гнезда, в преддверии домов, а иногда лепятся к башням и бойницам, не подозревая их ратного назначения: так и смиренные отшельницы, протекши житейское поприще, устроили себе приют, под навесом зубчатых твердынь, подле железных врат, отразивших столько приступов. Вдова витязя Донскаго указала им отважное место и сама легла на нем, чтобы укрепить своих преемниц на многие подвиги, подобно как ратные вожди водружают хоругвь свою там, где наиболее кипит сеча, чтобы удержать за собою поле битвы».

Великая княгиня Софья Витовтовна

В главном монастырском храме находилась почитаемая древняя икона Божией Матери Одигитрии, то есть Путеводительницы, которая, как говорили, была спасена великой княгиней Евдокией во время нашествия Тохтамыша на Москву в 1382 г. Монастырь славился хорошим хором, а на Вербное воскресенье здесь устраивалось гулянье, где посетители могли вдоволь налюбоваться на изделия монахинь и купить их.

По преданию, монастырь основала великая княгиня Евдокия Дмитриевна, супруга Дмитрия Донского. В этот монастырь она удалилась под именем Евфросинии и там же начала постройку каменного Вознесенского собора, закладка которого состоялась 20 мая 1407 г.: «Тое же весны княгини великая Еудокья Дмитриева заложи на Москве церковь камени святаго Възнесения внутри города». Через полмесяца она скончалась и была погребена в строившемся храме: «Месяца иуня в 7 день преставися великая княгини Еудокья Дмитриева Ивановича нареченная в мнишьеском чину Еуфросиния и положена бысть в манастыри в церкви Възнесения юже сама заложи».

Ее невестка, великая княгиня Софья Витовтовна, продолжила строительство собора, но успела лишь вывести стены «по колцо, идеже верху быти», то есть до барабана и главы.

Пожары, княжеские междоусобицы, борьба за власть в Москве привели к тому, что храм в продолжение 50 лет стоял недостроенным. В 1467 г. великая княгиня Мария Ярославна, вдова великого князя Василия II Темного, решила, разломав старый, уже порядком

обветшавший собор, возвести новый. Поручили строительство архитектору Василию Ермолину, и он сделал то, чего еще не видела Москва: на старые стены были «надеты» новые – «делаша еа около всю новым камением да кирпичем ожиганым, и своды сведоша, и всю свершиша», и тогда очевидцы «дивятся всем необычному делу сему».

Но и этот собор простоял недолго – не смог выдержать опустошительные московские пожары. В 1518 г. по указу великого князя Василия III начали строить новый Вознесенский собор, закончили его через три года: «... того же лета (1521) месяца мая 9 день священна церковь камена Възнесенья господне в монастыри великии княгине подле Чюдова монастыря в граде Москве на празник Възнесения господа нашего Исуса Христа...»

Автором, возможно, был итальянский архитектор Алевиз Новый, работавший в Москве с 1504 г.; он, в частности, строил кремлевский Архангельский собор.

Считалось, что именно здание, построенное при Василии III, дожило до наших дней, но, как свидетельствует летопись, при царе Федоре Иоанновиче, в 1587–1588 гг., был «поставлен храм камен на Москве в Кремле-городе в Девиче монастыре у Вознесения, о пяти верхах, больши старово».

Интересную гипотезу выдвинули историки, исследуя историю его строительства. В то время Борису Годунову было весьма необходимо укрепить свое положение в Москве, что он мог сделать через сестру Ирину, жену царя Федора. И Годуновы с этой целью строят в кремлевском девичьем Вознесенском монастыре новый собор, копию великокняжеского Архангельского собора.

Кроме главного Вознесенского собора в монастыре было еще две церкви. Одна из них – во имя преподобного Михаила Малеина (Малеин – от названия горы на Афоне, где преподобный проводил жизнь в иноческих подвигах). Сразу за Спасскими воротами, немного в глубине, за красивой решеткой стоял этот храм, дата возведения которого не определена (возможно, в начале XVII в). Иногда авторами его называют подмастерьев каменных дел Бажена Огурцова и Семейку Белого.

Он не был первым на этом месте – еще в 1617 г. упоминается: «... того же дни (1 сентября) в Вознесенской девичь монастырь к Государеву ангелу Михаилу дано фунт ладану». Возможно, здание церкви было выстроено между 1613 и 1617 гг., ибо именно в 1613 г. в монастыре поселилась мать новоизбранного царя Михаила Романова и она, царица-инокия Марфа, выстроила в Вознесенском монастыре храм во имя Михаила Малеина с приделом во имя мученика Федора, то есть во имя святых, соименных мужу и сыну.

Этот храм пользовался особенным благоволением царей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора, Ивана и Петра Алексеевичей, и он был буквально наполнен драгоценными дарами.

Третью монастырскую церковь освятили во имя святой великомученицы Екатерины. Выстроенная в псевдогоготическом стиле, которым так увлекались в конце XVIII – начале XIX в., она первой встречала посетителя, подходившего к Вознесенскому монастырю. Совсем не похожее на русское церковное здание, оно было скорее светским, даже несколько кокетливым, все украшенное мелкими декоративными деталями, как будто одетое в иноземную кружевную мантилью.

Еще в XVII столетии на этом месте находилась небольшая Георгиевская церковь, к началу XIX в. совершенно обветшавшая. Ее и другие постройки разобрали и на их месте заложили новую, Екатерининскую церковь 4 июля 1809 г. Проект ее принадлежал молодому тогда зодчему Карлу Росси.

В Москве по его проекту в 1807–1808 гг. построили на Арбатской площади театр, который поразил современников своим обликом – многие восторженно описывали красоту его фасадов и интерьеров. К сожалению, мы можем судить об Арбатском театре только со слов

современников, ибо он стал первой жертвой грандиозного московского пожара 1812 г. и ни одного его изображения, ни планов, ни проектных чертежей не сохранилось.

Дебют Росси в Москве был настолько удачен, что его назначили в Кремлевскую экспедицию и поручили проектирование и постройку Екатерининской церкви. Она начинает возводиться, но уже без него, так как Росси направляется в Тверь, где развертывает бурную деятельность по строительству жилых и общественных зданий.

Екатерининская же церковь, будучи вчерне законченной, еще долго отделяется. Ее не успели освятить до пожара 1812 г., и только после окончания Отечественной войны, в 1817 г., церковь была закончена под наблюдением архитектора А.Н. Бакарева.

Вознесенский монастырь был свидетелем многих важных событий. После воцарения первого самозванца Мария Федоровна Нагая, жена Ивана Грозного и мать убитого в Угличе малолетнего царевича Дмитрия, поселилась в этом монастыре под именем Марфы, и сюда к ней приходил ее мнимый сын, которого она торжественно признала за настоящего (но быстро отреклась от своих слов – как только Лжедмитрий был убит).

Когда торжественная процессия, провожавшая невесту самозванца Марину Мнишек, сопровождаемая необычной для слуха москвичей игрой на барабанах и литаврах, вошла в Кремль, карета остановилась у ворот Вознесенского монастыря, из нее вышла Марина, которая была принята инокиней Марфой – важный акт комедии признания самозванца царевичем Дмитрием разыгрывался в Вознесенском монастыре.

Еще шесть дней до свадьбы Марина жила в этом монастыре, куда регулярно приезжал Лжедмитрий.

В монастыре жила и несчастная дочь Бориса Годунова Ксения, которую Лжедмитрий сделал своей наложницей.

Здесь же в течение 18 лет монашествовала под именем Марфы Ксения Ивановна, урожденная Шестова, мать царя Михаила Федоровича и супруга боярина Федора Никитича Романова, насильно постриженного под именем Филарета и ставшего потом патриархом и фактическим правителем государства. Специально для нее в монастыре построили дом, смиренно именуемый в документах «избушкой», где были «шесть слюдяных окон, не малая изразчатая печь», а дверной и оконный прибор был «железный луженый».

Еще со времен основательницы монастыря соборный Вознесенский храм сделался местом упокоения лиц женского пола из царствующей фамилии. В нем находилось 35 надгробных памятников и около 70 могил. Здесь были похоронены Софья Витовтовна, дочь великого князя Литовского и жена Василия I; другая Софья, племянница последнего императора Византии, вторая жена великого князя Ивана III. Тут же находилось и погребение его первой жены, Марии Борисовны, дочери великого князя Тверского. В соборе сохранялись могилы жен царя Ивана Грозного, начиная с Анастасии Романовны и кончая Марией Федоровной; царицы Агафьи Семеновны, супруги царя Федора Алексеевича; Марии Владимировны и Евдокии Лукьяновны, первой и второй супруги царя Михаила Федоровича; Марии Ильиничны, первой жены царя Алексея Михайловича, и его второй супруги Натальи Кирилловны, матери великого Петра. Последнее погребение в монастырском соборе датировалось 1731 г., когда умерла царевна Прасковья Ивановна, дочь царя Ивана Алексеевича и царицы Прасковьи Федоровны, урожденной Салтыковой.

При разрушении Вознесенского монастыря сотрудники Оружейной палаты смогли спасти погребения, которые ныне находятся в южной пристройке к Архангельскому собору.

Во время военного переворота ноября 1917 г. Вознесенский монастырь сильно пострадал, после некоторого ремонта в кельях поселилась кремлевская обслуга, завелся кооперативный магазин с подходящим названием «Коммунист», а в Екатерининской церкви хотели оборудовать спортивный зал, но в конце концов взяли да все снесли.

Вознесенский монастырь, столь богатый и памятниками искусства, и памятниками истории, был полностью разрушен, стерт с лица земли в зиму 1929/30 г. Тогда погибло все – и собор, и кельи, и храмы. Погибло и единственное произведение Карла Росси в Москве – его Екатерининская церковь.

На месте Вознесенского монастыря построено заурядное здание школы для кремлевских курсантов.

Памятник В.И. Ленину

Как-то получилось так, что на территории Кремля не поставили ни одного памятника основателю Советского государства (не считая того, что стоял в зале заседаний Большого Кремлевского дворца). Руки дошли только к 50-летию Октябрьского переворота. Весьма демократичным был конкурс на новый памятник Ленину, объявленный в 1965 г. В нем участвовало 50 (!) скульпторов (можно сравнить с недавними конкурсами, как, например, на памятник Александру II, объявленный летом 2002 г., где соревновались двое). Было из чего выбирать, представлялись самые разнообразные фигуры: Ленин стоящий, бегающий и сидящий мечтая, сидящий с кирпичом и мастерком в руках (строил коммунизм?), идущий просто, идущий и читающий, идущий один и с группой рабочих, крестьян, солдат и матросов, бегающий так, что «полы его пальто напоминают крылья», и т. д.

Победили скульптор В.Б. Пинчук и архитектор С.Б. Сперанский из Ленинграда, представившие фигуру Ленина, присевшего на скамейку Тайницкого сада, с непокрытой головой и в расстегнутом пальто. Другие проекты конкурса использовались для памятников в Литве, Молдавии, Калмыкии, Казахстане и других местах.

Памятник открыли 2 ноября 1967 г. в присутствии коммунистов из многих стран мира, приехавших на 50-летний юбилей. Как описывалось в книжке об этом памятнике, «разрезана красная лента... Сброшено покрывало... Перед взволнованными взорами собравшихся предстал монумент – строгий, проникновенный, значительный... Прозвучал Гимн Советского Союза, затем „Интернационал“». С глубоким вниманием и волнением воспринимались выступления. Это были слова о том, что в дни всенародного праздника мысли и чувства всех советских людей обращены к Ленину... Безграничны любовь к великому вождю и верность его учению. Замечательны свершения советского народа, под руководством Коммунистической партии уверенно идущего по ленинскому пути, по пути строительства коммунизма».

В Кремле небольшой камерный памятник хорошо смотрелся на фоне зелени сада, вокруг были разбиты цветники, установлены гранитные скамейки, на которых, правда, ни тогда, ни сейчас отдыхающих нет.

После краха Советской империи много памятников тоталитарному прошлому было снято, и в их числе этот, который демонтировали в 1995 г. и перенесли в музей, в Горки Ленинские.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Исторический обзор

Красная площадь – главная площадь Москвы, исторический и художественный центр города, сцена, на которой разыгрывались исторические спектакли, отражавшие важнейшие события русской истории, а также и главный, а на протяжении многих веков единственный центр городской торговли. На площади собирались при освящении храмов, при торжественных церемониях, казнях, триумфальных шествиях, процессиях послов. Площадь естественно стала мостом от посада к замку властителя – именно на нее выходил посадский народ с требованиями к властям, со своими бедами, горестями и также и радостями.

Красная площадь – одна из самых больших в Москве, ее площадь равняется 7,3 га, она ограничена на юге собором Василия Блаженного, на севере – зданием Исторического музея и восстановленными Воскресенскими воротами; длинные стороны прямоугольника образуют с востока здания Верхних и Средних торговых рядов, а с запада – стены и башни Кремля, которые доминируют на площади.

Судя по исследованиям, датирующим наиболее древние культурные слои на Красной площади, лес вырубил уже во второй половине XI – первой половине XII в. и здесь тогда была пашня, и, как выяснилось в результате раскопок на территории, прилегающей к Кремлю с востока, наши представления о степени заселенности посада нуждаются в существенных поправках.

Красная площадь

Еще в ранние периоды истории Москвы, то есть в XIII–XIV вв., довольно далеко от стен крепости, которые находились на мысу холма, над впадением Неглинной в Москву-реку, располагалось уже немалое поселение. Так, Богоявленский деревянный храм, находившийся примерно в полукilометре от первоначальных стен Кремля, возник во второй половине XIII в., а на территории современного Исторического проезда существовала жилая застройка в середине XIII в.

Посад, то есть поселение крестьян, торговцев, ремесленников, теснился в основном ближе к крепости, где можно было бы быстро скрыться под защиту крепостных стен, и город расширялся в сторону посада в восточном, единственно возможном для этого направлении, где далеко протягивалась равнина, тогда как на юге и западе мешали реки. Если крепость Юрия Долгорукого 1156 г. была еще небольшой, занимающей мысовую часть холма, то дубовый кремль Ивана Калиты 1339 г. значительно выдвинулся к востоку, а белокамен-

ный Кремль Дмитрия Донского в своей восточной части почти следовал нынешнему положению стен, и только в северо-западном углу линия стен крепости отходила от современного Кремля. К низменной, посадской стороне выходили ворота в городской Кремлевской стене, и, как бывало обычно, именно перед городскими крепостными воротами разворачивался оживленный торг. Так как жилые строения не подходили очень близко к крепостным стенам, то перед ними естественно образовалось пустое пространство, занимаемое временным торгом.

Можно считать, что примерно с этого времени, то есть со второй половины XIV в., положение торгового пространства у восточной стены и, соответственно, позднейшей Красной площади в основном установилось.

Однако во многих книгах утверждается, что появление площади произошло во времена великого князя Ивана III в конце XV в. Так, например, известный историк Москвы П.И. Сытин пишет, что «по указам Ивана III от 1493 и 1495 гг. с территории современной Красной площади были убраны дома, лавки и церкви посада, и образовалась площадь»; то же повторяется в десятках и сотнях книг и статей о Москве.

Но авторы как-то забывают сказать, что оба этих указа никак не относились к Красной площади; один говорил об очистке территории к западу за рекой Неглинной, а другой об образовании на юге за Москвойрекой государева сада. Вот их тексты: Указ 1493. «Повелением великого князя Ивана Васильевича церкви сносиша и дворы за Неглимною; и постави меру от стены до дворов сто сажень да десять» (Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. VIII. С. 226; 1495). «Князь великий повеле снести церкви и дворы за реку Москву против города, и повели на тех местех чинити сад» (ПСРЛ. Т. XII. С. 240). Как видим, ни один из них не говорит о будущей Красной площади, лежащей к северо-востоку от Кремля.

Указа по отношению к будущей Красной площади и не надо было выпускать, так как приступы к крепостной стене и так были пустыми. Они, конечно, не один раз заполнялись разного рода временными постройками, и их время от времени приходилось приводить в порядок. Красная площадь не была искусственно сделана путем расчистки под так называемый плацдарм, то есть для предполья (плацдармом называется место для хранения оружия и размещения войск). Там было единственное удобное место (с запада и юга протекали реки) для торгового пространства под крепостными стенами, которое и не нужно было расчищать. Ссылка на то, что при раскопках в Историческом проезде нашли вымощенную площадку, отнюдь не свидетельствует о некоем «плацдарме». Организация предполий в Москве, как и в аналогичных случаях в Западной Европе, предпринималась для обороны, для создания зоны, свободной для обстрела, и недаром в указе об очистке территории к западу от кремлевских стен говорилось, что ширина очищенной территории должна быть равна расстоянию полета стрелы.

На протяжении веков площадь и ее части назывались по-разному, и надо сказать, что многие названия употреблялись одновременно: либо просто «площадь», либо «торг», либо «пожар», либо, и это установилось окончательно, «Красная площадь».

Многие исследователи писали о происхождении названия «Красная площадь», последнее и наиболее обоснованное мнение опубликовал историк Я.З. Рачинский в своем «Полном словаре названий московских улиц».

Называлась она «Торгом», имя это продержалось в документах примерно с XV и до начала XVII в. Первое упоминание этого имени в летописях встречается в 1434 г. в известии о смерти юродивого Максима, «который положен бысть у Бориса и Глеба на Варварьской улице за Торгом».

На Торгу не только торговали, то там совершались и наказания: «Тое же зимы [1488 г.], биша попов Новгородских по торгу кнутьем, присла бо их из Новагорода к великому князю владыка Генадей, что пьяни поругалися святым иконам; и посла их опять ко владыце». Но не только «пьяни» попы были биты на Торгу: «Тое же зимы архимандрита Чюдовского били в

торгу кнутьем, и Ухтомского князя, и Хомутова...» Есть также сообщение о казни 28 апреля 1634 г., когда по несправедливому приговору боярина Михаила Шеина и окольного Артемия Измайлова с сыном «отсекли им всем трем на пожаре головы».

Здесь площадь называется «Пожаром», чему было много примеров: в 1587 г. царский посланник следовал «в Китай город в Неглименные ворота, да пожаром к Ильинскому Хресцу», то есть проехал по всей площади. Существует предположение, что это название «Пожар» относилось только к началу площади у Воскресенских ворот, где стояла Казанская церковь: «... в 1636 г. было выдано на молебен 2 гривны протопопу Казанской церкви, что на Пожаре», или в сообщении 1643 г. о том, что «октября в 22 день ходил Государь в Собор за кресты, а из Собору ходил Государь за кресты ж ко пречистой Богородице Казанской, что на пожар».

Объясняют это название тем, что якобы у Земского приказа (на месте нынешнего Исторического музея) стояли пожарные обозы, следившие за порядком в городе. Но надо сказать, что пожарные находились в разных местах на площади – Иоганн Кильбургер в 1674 г. писал, что в рядах «денно и ночью в разных местах стоит караул и вода от пожаров, которые нигде так часто не бывают, как в Москве».

В некоторых изданиях, и в том числе в Большой советской энциклопедии, связывают это название именно с пожаром 1571 г., но это неверно, ибо еще в 1534 г. летопись сообщила о строительстве Китайгородской стены у «пожара»: «По повелению государя великого Ивана Васильевича вся Руси поставиша града около всего пожара, идеже у них вси торговые места». Надо сказать, что напрямую связывать это название с определенным пожаром было бы опрометчиво, ибо пожары происходили отнюдь не только около Кремля.

Разные части Торга в разное время носили разные имена: был, например, «Ильинский крестец», который, по уверению историка Забелина, «причислялся» к площади, но он представлял собой часть улицы Ильинки и отделялся деревянным мостом, идущим от Спасских ворот на Ильинку, в юго-восточной части рядом с Лобным местом.

«Пожаром» назывались и далекие от Воскресенских ворот части площади: к примеру, в 1587 г. царский посланник следовал «в Китай город в Неглименные ворота, да пожаром к Ильинскому Хресцу», то есть проехал по всей площади. Мощи митрополита Филиппа, привезенные в Москву, принесли сначала «на пожар к Лобному месту», а по строгельным книгам 1657 г. расстояние от первой церкви на рву у Спасских ворот до рядов отмерялось «по Пожару». Да и не только нынешняя Красная площадь называлась в Москве «Пожаром». Так, в январе 1581 г. литовский гонец Держка следовал «в Земляной город в Устретенския ворота да Устретенскою улицею, а с Устретенския улицы на пожар (здесь явно говорится о Лубянской площади), да на Покровскую улицу на Литовской двор».

«Пожары», связанные с торговлей, были и в других городах: известны такие места в Новгороде, в Казани, в Суздале.

В те времена, как кажется, слово «пожар» означало тогда не погорелое место, а просто полое, пустое место, связанное с торговлей.

Еще знаток топографии старой Москвы художник А.М. Васнецов, обладавший не только тонким чувством художника, но и талантом и трудолюбием исследователя, писал о том, что она называлась «Пожаром» «не потому, конечно, что здесь постоянно были пожары, т. к. здесь и гореть-то было нечему – столы да скамьи, которые всегда можно было растащить или разломать... опасности в пожарном отношении, следовательно, на Красной площади не было. Пожарище, т. е. место постоянной сутолоки, как на пожаре; народ суетится, спешит, бежит...». «Пожаром», по его мнению, ее звали потому, что площадь была «местом постоянной сутолоки».

Постепенно с приобретением московским Торгом (Пожаром) общегородского значения не только рыночного места, но и административного и духовного, площадь стала назы-

ваться Красной, то есть главной. Вот цитата из «Выходов государей...»: «[1661 г.] мая в 8 день слушал Государь всеобщего у праздника, пречистыя Богородицы Казанския, что на Красной площади...» Это название начинает регулярно употребляться со второй половины XVII в., а все другие исчезают из речевого обихода.

Одно из значений слова «красный» было «главный», наиболее выделяющийся по какому-либо признаку. В избе самый почетный угол был «красным углом», основное окно в избе – среднее, «красное окно», скамья под ним – «красная скамья».

Чуть ли не в каждой книге о площади утверждается, что название «красная» означает «красивая», тут же «объясняя» это утверждение, что «красная девица» значит «красивая девица». Современный этимологический словарь соотносит это слово со словами «прекрасный», «красивый», даже прямо приводит пример: «Красная площадь» (!). Но к площади это объяснение не имеет никакого отношения: трудно представить себе жителя города XVII столетия, сравнивающего эту торговую площадь с красивой девицей... Площадь никак не могла быть такой уж красивой в то время, а стала называться она так потому, что приобрела значение главной площади в городе, и это случилось не ранее XVII столетия. Правда, утверждалось, что еще в XIV в. в Кремле существовала своя Красная площадь, которая каким-то образом была вытеснена за пределы крепостных стен и так давшая название нынешней Красной площади, но эти соображения отнюдь не подкреплены достоверными сведениями (авторы ссылаются на статью И.М. Снегирева в «Московских ведомостях» (1845. № 5), но там не приводится никаких подтверждающих документов).

Место площади, находившееся на важных путях к югу через Москвуруку и далее в Заречье, а также к северо-западу, по Тверской дороге, являлось значительным транспортным перекрестком, от которого начинались четыре улицы посада – Никольская (от Никольских ворот Кремля), Ильинка и Варварка (от Спасских ворот), Великая (от Тимофеевских ворот).

Наряду с Кремлем площадь (по крайней мере с XVI в.) была важным административным центром: у Спасской башни находилась так называемая Тиунская изба, центр патриаршего управления, рядом с которой наказывали попов, примкнувших к восставшим стрельцам: «А попы, которые с теми стрельцами были у них в полках, один перед Тиунскою избой повешен, а другому отсечена голова и воткнута на кол, а тело его положено было на колесо так же, что и стрельцы». С северной стороны площади располагались Сытный отдаточный двор, Земский приказ, городской суд с острогом, Ямской двор, арсенал с пушечными и пороховыми амбарами (складами).

Там же производились так называемые «торговые казни», наказания за «экономические преступления». Так, по государевому указу, когда «винным за большия их вины по Их Великих Государей указу доведется учинить жестокое наказание торговую казнь», то «чинить такую казнь, бить кнутом за Спасскими вороты в Китае на площади против рядов».

Сложение архитектурного ансамбля площади заняло несколько сот лет – от XV до XIX столетия. В конце XV в. были построены кремлевские стены Иваном III, перед ними в 1508 г. зодчий Алевиз-фрязин проложил оборонительный ров: «Велел князь велики вкруг града Москвы ровь делати камием и кирпичем, и пруды чинити вкруг града, Алевизу Фрязину». Впоследствии ров перестал быть оборонительным сооружением и использовался в самых разных целях. Так, в 1599 г. сообщалось, что ров вычистили и устроили его «з зупцами» (то есть оградили стеной с зубцами. – *Авт.*), а во рву ранее устроили зверинец: «Того же году зделаны зубцы каменные по рву кругом Кремля-города, где львы сидели, и до Москвы реки от Неглиненских ворот; да подле Москвы реки от Свибловых башни во весь город по берегу зделаны зубцы каменные и по мельницу по Неглиненскую». В начале XVIII в. во рву разбили Аптекарский сад.

В 1599/1600 г. соорудили каменное Лобное место, с севера же еще в 1535 г. прошла стена Китай-города, через которую на площадь вели двухпролетные ворота, с юга во второй

половине XVI в. был возведен Покровский собор, с востока в конце XVI в. площадь ограничили каменные торговые ряды.

На площади со временем появлялись новые постройки, не повлиявшие коренным образом на ее очертания, хотя и изменявшие ее масштаб.

В конце XVII в. и в начале XVIII в. северная граница площади приобрела совсем другой облик – торжественный и монументальный. Главный въезд на площадь со стороны посада, со стороны Тверской улицы, – Воскресенские крепостные ворота Китайгородской стены потеряли свой суровый характер и превратились в торжественные триумфальные ворота, через которые проезжали посольские процессии. Примерно тогда же с левой стороны от въезда на Красную площадь построили внушительный Монетный двор, а с правой – Земский приказ, учреждение, ведавшее сбором налогов, управлявшее Москвой и бывшее еще и судом. Оба этих здания были тогда щедро украшены многоцветными изразцами. Позже в здании Земского приказа обосновалась Главная аптека, а при Елизавете Петровне его отдали Московскому университету, и в конце XIX в. тут выстроили Исторический музей, а перед Монетным двором в начале XVIII в. возвели новые здания, занимавшиеся впоследствии на протяжении многих лет различными административными учреждениями.

Постройка в конце XVIII в. Казаковым здания Сената существенно изменила облик Кремля со стороны Красной площади: вместо живописных вертикалей башенок и куполов церквей над стеной вылез плоский, длинный и скучный карниз, только несколько оживленный пологим куполом на оси Сенатской башенки. Особенно неприятно смотрелось сенатское здание, когда рядом с ним возвышались колоритные верхи построек Вознесенского монастыря. Этот контраст исчез в советское время, после возведения на месте монастыря здания военной школы с таким же унылым, как и сенатское, завершением.

В XIX в. ряды получили классическое оформление: перед ними поставили выразительный памятник Минину и Пожарскому, в 1875–1883 гг. на месте здания Земского приказа появилось большое строение Исторического музея, а в начале 1890-х гг. вместо старых рядов построили Верхние и Средние торговые ряды.

Так площадь дождалась советского времени, когда ее ансамбль, складывавшийся веками, стал интенсивно разрушаться. Снос великолепных Воскресенских ворот и Казанского собора, перенос памятника Минину и Пожарскому, постройка мавзолея Ленина, чуждого по формам русской архитектуре, обезобразили площадь; разрушились и визуальные связи – после возведения гостиницы «Россия» Покровский собор стал проецироваться на ее жесткий каркас, а гигантские строения гостиниц «Москва» и «Интурист» закрыли горизонт с севера (после долгих протестов общественности и «Интурист», и «Россию» снесли).

«Аптекарский огород», основанный в 1706 г., один из самых старых парков на территории Москвы.

Разрушений и искажений могло быть и много больше, если бы все предложения коммунистов были осуществлены. Было задумано снести здание Верхних торговых рядов (ГУМа) и на его месте воздвигнуть Дом промышленности; по одному из проектов (братьев Весниных) это было огромное сооружение, состоящее из четырех колоссальных объемов, связанных переходами-мостами на высоте нескольких десятков этажей. Другие проекты не уступали ему по гипертрофированному гигантизму и какой-то беспардонной навязчивости, с какой авторы сажали свои произведения почти на сам Кремль. Советские архитекторы, как вспоминал один из них, вдохновлялись тогда стихами Маяковского:

Шарахнем
в небо
железо —
бетон.

И шарахали бы, но тяжелая война, восстановление разрушений, нанесенных ею, отодвинули воплощение этих проектов, а после смерти диктатора вообще отказались от подобных затей.

Надо думать, что вне Кремля, признанного религиозного центра, приходские церкви строились с того времени, когда посад под кремлевскими стенами достаточно развился; возможно, что уже со второй половины XIII в. они были построены, конечно, сперва из дерева. Возможно, что на взгорье, на краю крутого холма, спускающегося к Москве-реке, стояло несколько деревянных церквей, где после взятия Казани в октябре 1552 г. Иван Грозный повелел выстроить необыкновенное сооружение, состоящее из девяти отдельных храмов на общем основании. В центре его высится шатровая Покровская церковь, освященная в честь праздника, напоминающего о «покрове», которым защитила русскую землю Богородица. Другое важное событие в жизни Московского государства – окончание Смуты – было отмечено возведением на другой стороне площади Казанского собора по обету князя Дмитрия Пожарского.

Красная площадь – место религиозных церемоний, крестных ходов из Кремля. Одним из самых известных было так называемое «шествие на ослиати», воспроизведение въезда Христа в Иерусалим на молодом осле, приветствуемого народом, подстилавшим ветви пальм на дорогу. При отсутствии в Москве ослов вообще, а молодых в особенности, патриарх ехал на лошади, ведомой царем, а вместо пальм использовались вербы (поэтому и Вербное воскресенье). Процессия выходила из Спасских ворот, останавливалась у Лобного места и подходила к Входиерусалимскому приделу Покровского собора, обозначавшему священный город Иерусалим. Другой крестный ход направлялся от Спасских ворот к Казанскому собору в воспоминание освобождения Москвы от польско-литовских интервентов в 1612 г.

Не миновали Красную площадь и иностранные посольства, как правило въезжавшие в Москву по Тверской улице и далее на площадь через Воскресенские ворота, следуя в Посольский двор. Вот как Бернгард Таннер, бывший в Москве с польским посольством в 1678–1679 гг., описывал въезд в Москву: «Наконец подъехали мы к Китай-городу, укрепленному лучше других частей... мы достигли площади, которая вся была вымощена гладкими бревнами... Проехав площадь, мы повернули в улицу налево и на великолепном, построенном для иноземных послов подворье... положили конец своему путешествию».

Красная площадь становится не только торгом и административным центром, но и городским форумом – не раз упоминают источники о том, как именно на Красной площади собираются москвичи всех сословий: посадский люд, торговцы, ремесленники, стрельцы.

После смерти Ивана Грозного и вступления на престол Федора Москва была взбудоражена слухами о заговоре боярина Бельского с целью сместить царя; толпы москвичей пришли 9 апреля 1584 г. на Красную площадь: «...народ всколебался весь без числа со всяким оружием». На площади стояли большие пушки, которые «всколебавшийся» народ захватил и повернул в сторону Фроловских ворот: «По грехом чернь московская приступила к городу большому, и ворота Фроловские выбивали и секли и пушку большую, которая стояла на Лобном месте, на город поворотили». Стрельцы, охранявшие Кремль, стали стрелять в толпу, убили 20 и ранили около 100 человек и уняли бунт, а Бельского сослали.

Во времена Смуты, когда в Москве обосновался Лжедмитрий, лелеявший планы широких реформ, ему противостояли бояре во главе с Василием Шуйским. Драки, грабежи, бесчинства наемников, которых привел с собой Лжедмитрий, вызывали в Москве возмущение. На рассвете 17 мая 1606 г. раздался звон колокола на Ильинской церкви (в начале улицы Ильинка), и толпы возбужденного народа ринулись на Красную площадь. Подстрекаемые боярами, они ворвались в Кремль, во дворец Лжедмитрия, который сумел убежать, пробраться в набережные палаты и выпрыгнуть из окна. Он вывихнул ногу, и стрельцы внесли его опять во дворец, где он и был убит заговорщиками. Из Кремля его труп вытащили на Красную площадь и положили рядом с Лобным местом вместе с маскарадной маской и дудкой скомороха.

На Красной площади трагически закончилась жизнь полководца Михаила Шеина, командовавшего в Смоленске, осажденном польскими войсками. Город был сдан русскими, и Шеина в беспокойной обстановке недовольства правительством в Москве обвинили во всех грехах и казнили. Ему обещали помилование в последний момент, он без страха положил голову на плаху, но желанного помилования не услышал – палач отсек голову боярину. Случилось это 28 апреля 1634 г.

В царствование Алексея Михайловича на Красной площади неоднократно происходили народные волнения. Правительство боярина Морозова, близкого к царю, ввело соляной налог, большее всего ударивший по простому народу, и в июне 1648 г. разразился бунт, во время которого сожгли и разграбили дворы Морозова и его приближенных. Для того чтобы хоть как-то утихомирить разбушевавшиеся страсти, 3 июня к Лобному месту на площади к собравшемуся народу вышла представительная делегация во главе с патриархом. От нее потребовали выдать «головой» и Морозова, и пособников его. За Морозова вступился сам царь, а один из помощников Морозова, ненавистный глава Земского приказа Леонтий Плещеев, был прямо на площади буквально растерзан толпой. Впоследствии бунт удалось прекратить – выдали жалованье стрельцам, отправили Морозова в ссылку и удалили его пособников.

Еще раз увидела Красная площадь негодующую толпу через 14 лет, летом 1662 г.: разразился Медный бунт. За несколько лет до этого ввели медные деньги, которые имели хождение наравне с серебряными, но из-за огромного их выпуска и появления фальшивых монет они быстро обесценились – наступила страшная дороговизна на все, и в особенности на съестные припасы. В Москве, на Лубянке, появились «воровские» листы, в которых неизвестные авторы обвиняли влиятельных бояр и купцов. На Красной площади с утра 25 июля 1662 г. «внезапу возмутися народ; и яко волны морския волнующияся без ветров, тако и смущающияся человецы, шатающийся вне ума своего, наущением диявольским возмутиша народ». Собралось несколько тысяч человек, откуда часть их направилась в Коломенское требовать правды у царя Алексея Михайловича. Там с ними расправились с исключительной жестокостью верные царю войска.

Площадь была и местом городских казней. Как сообщала летопись, «царь Иван Васильевич казнил торговых людей на Пожаре и гостей многое множество». Их казнили у рва вдоль Кремлевской стены, и там же находились 14 небольших деревянных церквей «на мертвых, на костях и на крови убиенных» (эти церкви стояли и до Ивана Грозного и столь любимых им упражнений над людьми).

После страшного пожара 21 июня 1547 г. москвичи искали по всей Москве виновных, как думали они, бояр Глинских – ведь, как говорили сведущие люди, Анна Глинская «з своими детьми и с людьми волхвовала: вымала человеческия, да клала в воду, да тою водою, ездячи по Москве, да кропила, и от того Москва выгорела». Ее сына, князя Юрия Глинского, толпа нашла в Успенском соборе и, несмотря на то что там шла служба, убила его прямо в соборе, выволокла труп на Красную площадь и, «положиша перед торгом, идеже казнят».

Около Лобного места 6 июня 1671 г. четвертовали главу казацкого и крестьянского бунта Степана Разина – положили между двумя досками, отрубили сначала руки, потом ноги и потом уже голову...

На Красной площади в 1682 г. казнили старообрядца Никиту Добрынина, по прозванию Пустосвят, суздальского попа, характера дерзкого и задорного, выступавшего против нововведений Никона, – точно такого, каким его изобразил художник В.Г. Перов на большом историческом полотне 1881 г. «Спор о вере», хранящемся в Третьяковской галерее. Никита вместе с товарищами добился публичного диспута: «...приходил в Грановитую палату и при благоверных государынях царевнах, и при великом господине святейшем Иоакиме патриархе московском и всеа Русии и при властях... говорил поносные слова, чего и в мысль взять нельзя, и называл еритиком великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца». После диспута Никита вышел на Красную площадь, победоносно возглашая: «Победихом, препрехом и посрамахом!» Раскол распространился и в среде недовольных стрельцов, и Никита выступил их идейным руководителем. Но правительство нейтрализовало стрельцов, а зачинщика смуты, неуступчивого попа Никиту, 11 июля 1682 г. казнили на площади – отсекли беспокойную его голову.

Стрельцы не раз были причиной смут: недовольные потерей вольницы, притеснениями со стороны полковников, невыплатой жалованья, стрельцы взволновались и были готовы к выступлению против правивших тогда Нарышкиных. Стрельцы вступили 6 июня 1682 г. в Кремль, потребовали выдачи ненавистных бояр, которых убивали в Кремле и тащили на Красную площадь к Лобному месту: «...бежав стрельцы и салдаты в город в Кремль, и взбежали на Красная, и на Постельная крыльцо, и в царския хоромы, имали насильством своим... баяр, и окольничих, и думных, и стольников и метали с Верху, с Краснова крыльца на землю, а на земли рубили бердыши и кололи копы... И порубили своим насильством бояр: баярина Артемона Сергеевича Матвеева взяли от самого государя и, выветчи, скинули на землю с Краснова крыльца и, подхватя на копы, изрубили бердыши; баярина князь Григорья Григорьевича Ромодановского сыскали у патриарха и, выветчи перед приказы на площадь, изрубили бердыши и искололи копы; боярина князь Михаила Юрьевича Долгорукова, ухватя в проходных сенех, изрубили на Красном крыльце; думнова дьяка Лариона Иванова скинули с Краснова крыльца и изрубили бердыши в части; сына Лариона Иванова Василья скинули с Краснова ж крыльца, изрубили бердыши; стольника Феодора Петровича Салтыкова изрубили у Мастерской полаты... А како в городе Кремле рубили, всех волочили к Лобному месту на площадь».

Царевна Софья и Милославские пришли к власти, воспользовавшись недовольством стрельцов, и на некоторое время Москва была полностью во власти буйствующих стрельцов. Они потребовали «учинить в Китае городе на Красной площади столб... каменной четверугольный», который «свершили шатром и покрыли черепицею мурамленою и на нем прибили листы большия, подписаны со все четыре стороны», «тех побитых злолихоиметелев,

кто за что побит, на том столбе имяна подписать, чтоб впредь иные, помня ваше государское крестное целование, чинили правду».

Однако стоял этот «памятник» стрелецкой вольницы недолго. Правительство Софьи, не заинтересованное в поддержке неуправляемых стрельцов, приступило к решительным действиям: стрельцов усмирили, а стрелецкий «памятник» на Красной площади 2 ноября 1682 г. сломали. Интересно отметить, что на этом практика ставить памятные обелиски не закончилась, приобретя зловещие формы. Через 15 лет после этих событий Петр I расследовал дело о заговоре стрелецкого полковника Ивана Цыклера с целью убить царя, которое закончилось казнью заговорщиков. В память об этом и был поставлен «столп» на Красной площади, но теперь вместо шатра с «черепицею мурамленою» он заканчивался пятью «рожнами железными», на которые воткнули головы казненных. В 1689 г. Петр I возвратился из-за границы и приступил к следствию («великому розыску») после восстания стрельцов. Их пытали и казнили во многих местах по всей Москве: в Преображенском, на Болоте, у Новодевичьего монастыря и во многих других местах, и в том числе на Красной площади, картину которой того времени восстанавливает В.И. Суриков на знаменитой картине «Утро стрелецкой казни» (1881).

Петр I железной рукой втаскивал Россию в Европу, не останавливаясь ни перед чем. Именно Красная площадь была свидетельницей многих событий, как жестоких, подобно казни противников реформ, так и более мирных. Новый год не от «сотворения мира», а от «Рождества Христова» с помпой отпраздновали на площади 1 января 1700 г.: 200 пушек палили целую неделю, «потешные огни» озаряли площадь, наполненную любопытными. На Спасской башне установили выписанные из Голландии часы «с перечаем», то есть с колокольной музыкой, с циферблатом, разделенным на 12 часов, обозначенных римскими цифрами. Внизу, у ворот, поставили фигуры, одетые в заморские одежды, и тех, которые пытались войти в Кремль в старой долгополой одежде, задерживали и взымали немалый штраф. Читали указ: «...на Москве и в городах носить платья: венгерские кафтаны верхние длиною по подвязку, а исподние короче верхних тем же подобием...»

Тут же на площади выбрали и место для строительства совсем нового для москвичей развлечения – театра. Петр считал это важным государственным делом, он вынес театральные представления из дворцовых кремлевских покоев на открытую городскую площадь. У Никольских ворот в октябре 1702 г. стали строить первый публичный театр, законченный в сентябре следующего года, – большое деревянное здание «комедийной храмины», длиной 39 м и 13 м высотой, зал которого, украшенный сукном и росписями, вмещал около 500 человек.

Как писал автор мемуаров голштинский посол граф Бассевич, «в то время в Москве был театр, но варварский, какой только можно себе вообразить, и посещаемый поэтому только простым народом и вообще людьми низкого звания. Драму обыкновенно разделяли на двенадцать действий, которые еще подразделялись на столько же явлений (так на русском языке называются сцены), а в антрактах представляли шутовские интермедии, в которых не скупались на пощечины и палочные удары. Такая пьеса могла длиться в продолжение целой недели, так как в день разыгрывали не более третьей или четвертой ее части. Принцесса Наталия, меньшая сестра императора, очень им любимая, сочинила, говорят, при конце своей жизни две-три пьесы, довольно хорошо обдуманнные и не лишенные некоторых красот в подробностях; но за недостатком актеров они не были поставлены на сцену».

Там играла труппа, нанятая за большие деньги в Данциге. Сначала это новое развлечение понравилось, но потом как-то приелось, и пришлось пойти на некоторые послабления в городе: в театральные дни позволялось «смотрящим всяких чинов людям российского народа и иноземцам ходить повольно и свободно и без всякого опасения, а в те дни ворот городских по Кремлю, по Китаю городу и по Белому городу в ночное время до 9 часу ночи

не запирать и с приезжих указной по воротам пошлины не иметь для того, чтобы смотрящие того действия ездили в комедию охотно». Однако зрителей становилось все меньше и меньше, и 31 мая 1706 г. театр официально прекратил представления. Здание его еще некоторое время стояло на площади, но впоследствии материал его использовали при строительстве Арсенала, а остатки сгорели в пожар 1737 г.

Красная площадь предлагала и другие развлекательные зрелища для москвичей: в петровское время на ней неоднократно возводились триумфальные ворота в дни празднований различных событий, проходили процессии и маскарады, да и позже на площади устраивались развлечения для народа. Так, например, в 1831 г. газета «Московские ведомости» в отдельном объявлении сообщала о том, что у стены между Никольскими и Спасскими воротами будет представлено «невиданное до сего времени в здешнем климате зрелище, которое состоит в езде на трех собаках, тех самых, на которых ездят Колымские жители...».

Но конечно, самой главной на площади была торговля, которая производилась у Никольской и Спасской башен, по склону холма от Лобного места вниз к Москве-реке, а также напротив Кремля, между улицами Никольской, Ильинкой и Варваркой. Советник шлезвиг-голштинского герцога Адам Олеарий, видевший Москву в 30–40-х гг. XVII в., так описывал этот рынок: «Перед Кремлем находится самый большой и лучший во всем городе рынок, полный по целым дням торговцев, мужчин и женщин, рабов и празднующегося народа... На рынке и соседних с ним улицах устроены известные места и лавки для всякого рода товаров и промышленных изделий, так что в одном месте можно найти только одинаковые товары. Продавцы шелковых, суконных товаров, седельники, сапожники, портные, скорняки и другие – каждый имеет свои особые улицы, в которых и торгуют своими товарами».

Оживленная торговля на лотках, с рук шла и на самой площади. Как писал другой иностранец, Бернгард Таннер, «любо в особенности посмотреть на товары или торговлю стекающихся туда москвитянок: нанесут ли они полотка, ниток, рубах или колец на продажу, столпятся ли так позевать от нечего делать, они поднимают такие крики, что новичок, пожалуй, подумает, не горит ли город, не случилось ли внезапно большой беды». То там, то тут можно было увидеть ремесленников. Вот у Никольской башни лудили посуду, и тут же собирались блинники и пирожники, под платформами, на которых стояли пушки, были открыты лавки и харчевни. Между Никольской башней и Воскресенскими воротами Китай-города большое место занимал государев отдаточный двор, откуда служилые люди забирали жалованье натурой – зерном, мукой, сукном, водкой.

Много раз власти пытались хоть как-то урезонить эту торговую вольницу. Так, например, в 1649 г. «Великий Государь указал: Красную площадь ведать по прежнему в приказе Большая Казны и с тою Красной площади лавки и шалаши и всякое лавочное строение сломать, и впредь на той Красной площади для торгу никакому строению не быть и никакими товары и съестным харчем не торговать; а торговать всякими товары в тех рядах, в которых которыми товары торговать указано». Еще в конце XVI в., для того чтобы хоть немного упорядочить торговлю, напротив Кремля возвели каменные ряды. Остатки их, возможно выстроенные на месте еще более старых деревянных лавок, были найдены в конце XIX в. при постройке современного ГУМа (Верхние торговые ряды). В 1676 г. пришлось подтвердить «именной с Боярским приговором» указ «О неторговании на Красной площади... разными мелочными товарами, кроме рядов», подтверждая им предыдущие постановления: «... а которые всяких чинов торговые люди ныне торгуют на Красной площади и на перекрестках и в иных неуказных местах, поставя шалаши, и скамьи, и рундуки и на веках всякими разными товары, и те шалаши, и скамьи, и рундуки, и веки с тех мест указал Великий Государь сломать, и впредь на тех местах никому никакими товары не торговать, чтоб на Красной площади и на перекрестках и в иных не в указных местах от тех торговцев проезду и

утеснения не было... А которые люди с сего Великаго Государя указу впредь учнут на Красной площади и на перекрестках и в иных не в указных местах, поставя шалаши, и скамьи, и рундуки, и на веках всякими товары торговать: и тех людей, имая, приводить в приказ Большаго Прихода и чинить им наказанье... и о том прокликать бирючу по многие дни, чтоб Его Великаго Государя указ всем был ведом». Почти через 20 лет опять пришлось объявлять указ, на этот раз о «неторговании на Красной площади рыбою», так как «от тех неуказных торгов Красной площади многое утеснение и от безоброчного торгу в сборе их государственной денежной казны чинится недобор большой».

Постепенно удалось загнать торговый люд в каменные ряды, ставшие на сотни лет основным торговым центром Москвы. В конце XVIII в. площадь расчистили, ряды закрыли сплошной двухэтажной аркадой, в центре которой красовался портик. На протяжении многих лет ряды ремонтировались, достраивались, изменялись, так что постепенно превратились в сложный лабиринт слабо освещенных проходов и переходов, заполненных множеством лавочек.

Торговля процветала и напротив рядов, у Спасской и Никольской башен, на мостах, перекинутых через ров у Кремлевской стены. Этот род назывался Алевизовым – его сделал зодчий Алевиз-фрязин в 1508 г. Это было крупное сооружение, шириной 36 м, глубиной от 10 до 13 м, в который пустили через подземный тоннель воду реки Неглинной. Ров обложили белым камнем и оградил не высокими кирпичными стенами с зубцами, похожими на кремлевские.

Спасский мост через ров был довольно большим – он достигал 21 сажени в длину, то есть почти 45 м, а в ширину имел около 10 м, и по сторонам его находились торговые лавки, как обыкновенно было на всех средневековых мостах. Рядом с мостом стоял патриарший Тиунский приказ, ведавший священниками и взиманием налогов с них. Здесь соби­рались бесприходные попы, которых нанимали служить разные религиозные отправления. В ожидании клиентов они, как сообщали власти, «безчинства чинят великия, меж себя бранятся и укоризны чинят скарედные и смехотворныя, а иные меж себя играют, и борются, и в кулачки бьются». Много раз духовные власти пытались прекратить эти сборища, их участников штрафовали, наказывали плетью, высылали, но еще в конце XVIII в. митрополит с возмущением опять отмечал, что они «великия делают безобразия... произносят с великою враждою сквернословную брань, иногда же делают и драку», и прекратилось это только после чумы 1771–1772 гг.

Спасский мост (и шедший от него по направлению к Ильинке бревенчатый настил, также называвшийся «мостом») был родоначальником московской книжной торговли. На нем с давних времен продавались рукописные и печатные книги, необходимые для религиозных служб, а потом и гравированные листы, лубочные картины, сатирические народные произведения, как, к примеру, «Суд Шемякин», «Брюсов календарь» с предсказаниями, «Хождение попа Саввы, большой славы», который «живет и за рекою, а в церкву ни ногою; люди встающе, а он по приказам волочится; ищет, с кем бы ему потягатца и впредь бы с ним не видатца...». На Спасском мосту находилась известная в Москве книжная лавка Василия Киприанова, которая занимала первый этаж двухэтажного дома, «идучи из Кремля города из Спаских ворот на правом стороне подле Спаского мосту», там же был и «кофейный дом», где «содержитца им по отдаче из откупа чай и кофе и протчие заморские питья», а на втором этаже располагалась его библиотека, открытая для посещения. Это был тот самый Киприанов, который предложил Петру I создать новую типографию, в которой намеревался печатать гравированные листы и гражданские книги с новым шрифтом, – 30 мая 1705 г. считается началом «гражданской печати» в России. В этой типографии печатали и знаменитый «Брюсов календарь».

Первым из букинистов на Спасском мосту начал торговать старинными рукописями Игнатий Ферапонтов, который, «читая и перечитывая книги, сколько ему время позволяло... собственным любопытством и опытом дошел до того, что... некоторые из почтеннейших наших любителей и знатоков русских древностей считают себе за честь советоваться с ним...», как писал о нем историк К.Ф. Калайдович. Многие рукописи в знаменитых собраниях А.И. Мусина-Пушкина, Ф.А. Толстого, П.П. Бекетова были приобретены на Спасском мосту. Наследники его также торговали там еще в начале XIX в. Один из спасских книжников, Яков Добрынин, первым стал продавать новиковскую «Древнюю Российскую Вивлиофику», публикацию редких исторических документов («вивлиофика» – по-гречески «библиотека»). Здесь же начинал свою торговлю и знаменитый книговед Василий Сопиков, составивший «Опыт российской библиографии, или Полный словарь сочинений и переводов...», первый генеральный каталог русских книг, или «репертуар», вышедший в пяти томах в начале XIX в.

Рядом с мостом стояло большое каменное здание, так называемая Библиотека, которая, по мнению историка И.Е. Забелина, также была связана с книжной торговлей. Возможно, что именно в этом доме находились лавки известных книгопродавцов, объявлявших в «Московских ведомостях» о своей торговле. Вот Семен Глазунов торгует на Красной площади, «идучи от Спасских ворот на первую лестницу», а у Матвея Глазунова продается некая «Механическая книга» вместе с сочинением Вольтера. После пожара 1812 г. и перестройки Красной площади книжники перебрались от Спасской башни к Никольской.

Не только книги продавались на Спасском мосту: рядом был и Кофейный дом, упоминаемый в 1730 г., на мосту продавалась и вейновая водка (род крепкого ликера).

Мост был разобран уже после наполеоновского нашествия 1812 г., когда Красную площадь приводили в порядок. Тогда ряды на восточной стороне закрыли строгим классическим фасадом с торжественным колонным портиком в центре, у Кремлевской стены высадили деревья и устроили бульвар, на месте засыпанного Алевизового рва между зданием городской думы и Магистрата и Кремлевской стеной сделали проезд (ныне он называется Кремлевским), в 1818 г. открыли памятник Минину и Пожарскому, героям ополчения 1612 г., что перекликалось с победой, одержанной спустя 200 лет. Именно тогда, после победоносного окончания Отечественной войны, Красная площадь приобрела значение парадного форума не только Москвы, но и всей России. Правда, сразу же после освобождения на Красную площадь, куда сходились москвичи, переместились и торговцы. Как вспоминал очевидец, «теперь есть базар из возов на Красной площади, по обеим сторонам построены в два ряда деревянные лавочки, наподобие бывших хлебных и табачных».

Но постепенно площадь теряла значение торгового центра – ведь с ростом города во многих его местах появились новые рынки и магазины. Еще больший порядок внесло появление на Красной площади монументальных строений, предназначенных для торговли. Почти одновременно на восточной стороне начали возводить огромные по тому времени, да и сейчас не маленькие, здания Верхних и Средних торговых рядов. Приверженные старине купцы, привыкшие к тесноте, темноте и грязи, сопротивлялись изо всех сил, но пришлось уступить прогрессу. В 1890 г. заложили огромное здание Верхних торговых рядов (проект архитектора А.Н. Померанцева), открытое в конце 1893 г., а в 1890–1894 гг. возвели Средние торговые ряды (архитектор Р.И. Клейн). Новые здания, несмотря на свои размеры, отнюдь не подавили древние кремлевские памятники, а послужили в общем ансамбле площади ровным нейтральным фоном.

Площадь оживлялась довольно редко, весь год она была пустой, оживляясь только на вербный базар, проходивший перед Пасхой. По описанию московского бытописателя Петра Вистенгофа, опубликованному впервые в 1842 г., «в Москве с наступлением весны в вербную субботу начинается первое (летнее) гулянье. Оно бывает в экипажах по главным мос-

ковским улицам, прилегающим к Кремлю, и вокруг самого Кремля. Тут в первый раз появляются весенние моды наших щеголей и щеголих; при благоприятной погоде бывает большое стечение народа, и в то время, когда тянутся бесконечные цепи новых, прекрасных экипажей, тротуары и середины улиц наполнены толпами народа; простолюдины перемешаны с дворянством и купцами, проходят в Кремль и на Красную площадь, где обыкновенно бывает центр гулянья. Тут цепи карет тянутся иногда в шесть рядов; между ними рисуются верхами московские молодые денди. На этом гулянье в первый раз встречаются новые лица юношей, одетых уже щеголями, тогда как прошедшим летом они считались еще детьми. Гулянье продолжается до сумерек, и спустя четверть часа после разъезда шумные, веселые площади и улицы представляют одну смиренную пустыню».

На площади шумно проходил вербный базар:

«На вербе Красная площадь вся в звуках и криках. Писк „умирающих чертей“, свистки, трещотки, хлопушки... Общая толчея... Среди нее выкрики вербных торговцев:

– Вот для Пасхи запаски – поросята и колбаски!

– А вот повара-доктора...

– Теща поколела, язык продать велела... Надо купить, барин!..

– Ванька-встанька, не гнется, не ломается, сам поднимается!..

– Отчаянные морские жители!

Шумно, весело, крикливо... толпа все пребывает и растет».

В начале XX столетия на площади появились трамваи: прогресс многолик и часто приходит в явное противоречие со здравым смыслом – так, отцы города в 1909 г. утвердили прокладку трамвайных путей по Красной площади с путевой петлей вокруг памятника Минину и Пожарскому. В обществе горячо обсуждались вопросы о возможности такого на Красной площади. Вот создатель Музея изящных искусств профессор И.В. Цветаев счел возможным трамвай здесь: «Всюду и везде эпоха требует уступок. То, что было не нужно сто лет тому назад, теперь оказывается нужным и обойтись без этого нельзя. Физиономии городов меняются всюду – и у нас, и за границей. Самые старые города постепенно теряют свою физиономию. Так и Москва. Разве 20–30 лет тому назад Москва была такою, какою она стала теперь?» – но художник В.М. Васнецов был резко против: «По красоте своей и историческому значению Красную площадь можно сравнить с площадью Св. Марка в Венеции. Много народа приходит в Москву, приезжают также иностранцы, чтобы взглянуть с Красной площади на Кремль, на памятник Минину и Пожарскому, составляющий гордость и славу России, на собор Василия Блаженного. Нельзя будет любоваться памятниками, если они будут загромождены трамвайными столбами, будут перепутаны целой сетью „колец“ и „петель“ и по площади будут сновать взад и вперед вагоны. Везде памятники строго охраняются, и только у нас, в России, они находятся в таком запустении».

Мимо всемирно известных памятников архитектуры и истории загромыхало самое популярное транспортное средство, площадь покрылась путями и была загромождена столбами с подвешенными проводами. Московское археологическое общество выступило с резким протестом: «Московская городская управа обязана была отнестись к вопросу о видоизменении Красной площади с особой осторожностью и вниманием и не имела никакого права портить единственный в своем роде на Руси памятник Отечественной истории, замечательный по своей своеобразной красоте и величественности», протест направили и в Петербург. Император создал комиссию, которая все-таки дала согласие провести линию по Красной площади к Замоскворечью, но ближе к стене. Хорошо еще, что не проложили наземную линию метро, а ведь по проекту она должна была пройти здесь...

Однако все это было сущим пустяком по сравнению с тем, что пришлось пережить площади после взятия власти большевиками. Красная площадь – главная площадь Москвы – была религиозным, общественным, торговым центром города, но только не кладбищем

политических деятелей. Эта нелепая идея возникла сразу же после завоевания власти коммунистами и позднее превратилась в почти религиозный культ поклонения «уважаемым» мертвецам.

В результате вооруженной борьбы в октябре – ноябре 1917 г. с обеих сторон было убито около тысячи человек. Скорбящая Москва хоронила своих защитников на Братском кладбище (у села Всехсвятского), после отпевания в церкви Большого Вознесения, а захватившие власть большевики закопали своих не на каком-либо городском кладбище, а прямо у стены, на бульваре Красной площади. Один из очевидцев записал в дневнике тогда: «На Красной площади без церковной обрядности похоронено более 400 человек. 3-го числа на Братском кладбище состоялись трогательные похороны по христианскому обряду 37 молодых людей (юнкеров, студентов, сестер милосердия), погибших в неравном бою с большевиками. Говорят и пишут, что их провожала несметная толпа. На могилах говорились речи, из коих речь Н.И. Астрова довела меня до слез. Он сказал что нужно, и, может быть, его слова проймут озверевшие сердца наших настоящих властителей».

В 1918 г. они взялись за монументальную пропаганду, в разных местах города поставили памятники «революционерам», многие из которых представляли собой какое-то дикое нагромождение. На Красной площади у Лобного места скульптор С.Т. Коненков представил аляповатые, грубо раскрашенные деревянные фигуры, должны изображать Разина с его «ватагой». Это не могла выдержать и новая власть: вскоре все было убрано.

И после 1917 г. у Кремлевской стены продолжали хоронить: там находились могилы председателя Всероссийского исполнительного комитета (то есть формального главы государства) Я.М. Свердлова, журналиста В.В. Воровского, убитого эмигрантом, американского журналиста Д. Рида, заведующей женским отделом Центрального комитета партии Инессы Арманд и др.

У стены решили похоронить умершего в 1924 г. после длительной болезни В.И. Ленина. В страшные январские холода на месте кирпичной трибуны срочно выдолбили котлован, над которым поставили дощатый павильон. Когда выяснилось, что тело можно поддерживать неопределенно долго в нетленном состоянии, то возвели постоянную гробницу, где выставили его на всеобщее обозрение. Так в центре Москвы, у стен Кремля, большевики устроили кладбище, рядом с которым теперь устраивают концерты, катания на коньках и прочие увеселения.

Гробница Ленина в течение многих лет служила местом, откуда партийная верхушка наблюдала за военными парадами и народными демонстрациями, обязательно проходившими два раза в году – на Первое мая и Седьмое ноября. Справа и слева от гробницы устроили пологие трибуны, на которых помещались особо приглашенные лица. Первые демонстрацию и парад устроили уже через полгода после взятия власти – 1 мая 1918 г. Перед демонстрацией по площади прошли войска Красной армии с тачанками, пулеметами и пушками. Парады потом повторялись довольно часто, и проходили они не только на Красной площади, но и в других местах города – на Театральной площади и Ходынском поле. На Красной площади состоялся памятный парад 7 ноября 1941 г., когда прошли воинские части, отправлявшиеся на фронт, проходивший близко от столицы, а также тот парад, который ознаменовал конец долгой и кровопролитной борьбы с нацистами, – 24 июня 1945 г. на площади выстроились посланцы от боевых фронтов, одержавших победу.

Коммунисты не относились к Красной площади как к чему-то неприкосновенному. Для беспрепятственного проезда механизированных колонн военной техники и радостных толп демонстрантов в 1929 г. сломали уникальные Воскресенские ворота, несколько позже убрали с площади памятник Минину и Пожарскому и снесли отреставрированный Казанский собор.

В 1930-х гг. московскими архитекторами интенсивно разрабатывались проекты коренной перестройки Москвы и, конечно, особое внимание уделялось центру города, местностям, прилегающим к Красной площади. Были представлены несколько проектов дома Наркомтяжпрома на месте ГУМа: Н. Ладовского – в 1934 г., огромное сооружение из двух башен братьев Весниных – в 1936 г., здание, состоящее из нескольких объемов, К. Мельникова – в 1934 г.

Искусствоведы утверждали, что здания этого «тяжпрома» и Дворца Советов будут образовывать «ансамбль» с Кремлем, который по величине был несравним с обоими зданиями. Однако как и Дворец Советов, так и эти проекты «благодаря» войне не были осуществлены, удалось только почти полностью разрушить Зарядье: начали еще до войны и закончили постройкой уродливого здания гостиницы «Россия», чей фасад проецировался на храм Василия Блаженного. После войны перед архитекторами и скульпторами поставили задачу воздвигнуть на Красной площади памятник Победе. Сохранилась любопытная стенограмма совещания, состоявшегося в 1947 г., на котором видные советские архитекторы и скульпторы обсуждали, как выполнить эту задачу. «ГУМ мешает Красной площади», – говорил архитектор Щусев. Это «неприятное пятно», как он выразился, надо бы закрыть трибунами и перед ними поставить памятник или же поставить его перед Историческим музеем, фасад которого тогда «можно хорошо переделать», а то и совсем снести музей; а скульптор Меркуров решил сломать Сенатскую башню и на ее фундаменте поставить фигуру Сталина (собственного, конечно, производства), а на замечание, что это «может убить Спасскую башню», невозможно заметил: «Ну и пусть убьет» (!).

От разрушения Красную площадь спас лишь недостаток денег...

В советское время Красная площадь была свидетелем протестов честных людей, тех, кто не мог примириться с действиями коммунистов. Так, 25 августа 1968 г. на площадь к Лобному месту вышли Константин Бабицкий, Лариса Богораз, Наталья Горбаневская, Вадим Делоне, Владимир Дремлюга, Павел Литвинов и Виктор Файнберг, протестуя против вторжения советских войск в Чехословакию. Они развернули плакаты «Руки прочь от ЧССР!» и «За вашу и нашу свободу». Их избили и арестовали, за демонстрацию они поплатились годами лагерей, ссылок и спецпсихбольниц. Уже в наше время, 18 ноября 1999 г., у Лобного места развернули плакаты честные люди, протестовавшие против бойни в Чечне.

Главная площадь столицы привлекает и любителей приключений. Так, 27 мая 1987 г. 19-летний Матиас Руст прилетел из Западной Германии на небольшом самолете через все посты противоздушной обороны. Он приземлился на Москворецком мосту и накатом доехал к собору Василия Блаженного, где и был арестован. Следствием его эскапады были суд, давший ему четыре года (через год его освободили), и перетряска кадров высших военачальников, которые, конечно, объяснили всю эту историю не своими позорными ошибками, а происками западных заговорщиков, поставивших себе целью «опорочить» нашу армию (!), что по их логике блестяще удалось.

Полет Руста вызвал немало сатирических откликов в СССР. Вот отрывок из стихотворения Игоря Иртеньева, широко ходившего тогда:

Кружит, кружит нечестивый
Над Престольной в небеси,
Отродясь такого дива
Не видали на Руси.

Не боится сила злая
Никого и ничего,
Где ж ты, Троица Святая?

Где родное ПВО?

Но не только такого сравнительно невинного поступка малолетнего шалопаю была свидетелем Красная площадь. На ней 6 ноября 1942 г. завязался настоящий бой – тогда автомобиль, в котором находился Микоян, выехал из Спасских ворот и был обстрелян с Лобного места. Из машины охраны и с площади к Лобному месту бросились несколько охранников, начавших перестрелку. Только взрывы двух гранат заставили одиночку-террориста сдаться. Им оказался некий ефрейтор зенитного полка, давно задумавший антисоветский террористический акт. Его отдали под суд, приговор которого – расстрел – был приведен в исполнение только через восемь лет.

В 1998 г. на площади появились ограждающие ее невысокие бетонные обелиски – после террористического акта, когда автомашинка пенсионера с самодельными бомбами взорвалась у Спасских ворот.

С отстранением от власти коммунистов Красная площадь возродилась: с ее северной стороны были восстановлены собор Казанской иконы Богородицы и Воскресенские ворота, перестали проходить «всенародные» демонстрации и обязательные парады военной техники. Несмотря на потуги невежд патриотов, которые, пользуясь недостоверными сведениями или же неприкрытыми домыслами, пытались придать ей какую-то сакральность, священный смысл, выдать за заранее обдуманную, некую «благодатную схему», она в последнее время приобрела значение обыкновенного общегородского развлекательного центра.

Красная площадь стала ближе, обыкновеннее, стала частью обыденной жизни москвичей. Теперь на Новый год сюда приходят не одни иностранцы, движимые любопытством к экзотическому, но и очень многие россияне; проходят концерты и гулянья.

Описание зданий на Красной площади здесь будет вестись по часовой стрелке, начиная с Верхних торговых рядов (нынешнего ГУМа) и заканчивая недавно восстановленным Казанским собором.

Верхние торговые ряды

Казалось бы, такое большое здание, как ГУМ, – длиной четверть километра – должно подавлять все на Красной площади. Однако нет, и причиной этому – отсутствие крупных отчетливых членений фасада, который почти плосок, ровен, покрыт, как ковер, узором мелких декоративных украшений в духе русской архитектуры XVII в. Здание служит нейтральным фоном для резких, четких форм собора Василия Блаженного и чеканных силуэтов башен Кремля.

Торговля на месте современного здания ГУМа обосновалась не позднее XV в. (но, может быть, и ранее). Первые изображения торговых рядов появились на видовых рисунках-планах Москвы. Так, на перспективном изображении города из атласа амстердамской фирмы «Блеу», сделанном в 1598–1599 гг., по восточной границе Красной площади, между улицами Никольской и Варваркой, а также от Варварки по направлению к берегу Москвы-реки, нарисованы длинные строения лавок, а на подробном плане Кремля из того же атласа, показывающем и Красную площадь, по ее восточной стороне торговые строения даны более детально.

Ряды, которые назывались Верхними, занимали весь квартал между Никольской и Ильинкой, между Ильинкой и Варваркой – Средние торговые ряды, и далее к набережной Москвы-реки спускались строения Нижних торговых рядов.

За строгим регулярным фасадом торговых рядов, образованным последовательностью арок, находилось множество лавок, располагавшихся параллельными рядами, – отсюда и название «торговые ряды». Многие иностранные путешественники обязательно рассказывали о московских рядах, с одобрением отмечая, что в каждом ряду продавался только свой товар, и такое строгое разделение сохранялось много сотен лет.

Швед Петр де Эрлезунда, побывавший в Москве в начале XVII в., писал, что на главном московском рынке, «на каждой [его] улице встречаются особенные и разные товары, так что на одной из них совсем не те, что на других»; поляк Самуил Маскевич отметил, что «трудно вообразить, какое множество там лавок, какой везде порядок – для каждого рода товаров, для каждого ремесленника, самого ничтожного, есть особый ряд лавок, даже цырульники бреют в своем ряду». Павел, дьякон, приехавший в Москву с епископом Елассонским, писал, что Ряды разбросаны от одного края площади до конца ее и большая часть их выстроена из камня; ставни лавок из чистого железа и даже двери складов. Зимой вставляют в окна, по их размеру, куски льда с реки в виде оконниц: они просвечивают лучше хрустала. Напротив рядов находятся винные погребки, построенные из кирпича и камня, холодные летом и теплые зимой. Для книг есть особый ряд, для икон особый; есть ряд для новых облачений, другой для колоколов, кадилниц и водосвятных сосудов; есть ряд для ладана, другой – для свечей. Что касается ряда золотых дел мастеров, то большая часть его предназначена для серебряных окладов икон и их золочения. Есть ряд для монашеских мантий, ряс и шапок и черных саванов, с изображением крестов на них. В каждом ряду есть большие сторожевые собаки; от одного конца ряда до другого укрепляется длинная веревка, а на ней блок; когда наступит вечер, привязывают веревку к шее собаки, а также к [блоку] той [длинной] веревке, и собака без усталости бежит от начала ряда до конца. Есть ряд для железных вещей: принадлежности для дверей, окон и пр.; больших котлов, уполовников, сковород – все из чистого железа, превосходной работы. Есть ряд для чудесных выпуклых и гладких оконниц из каменного хрустала (слюды), который не ломается, но гибок, как бумага. Есть у них ряд, который они называют Бит-базар, т. е. Ветошный ряд; в нем продают всевозможную одежду, оружие и редкости новые и старые».

Верхние торговые ряды, ныне ГУМ

Во многих сочинениях о Красной площади написано, что каменные лавки вместо деревянных были построены в 1598/99 г. «Царь и великий князь Борис Федорович всеа Руси велел зделать в Китае-городе лавки каменные во всех рядах своею царскою казною, и покрыть под одну кровлю, и збирать с тех лавок каменных, что изошло, погодно деньги, не вдруг, на чьех местех те лавки строены, для извороту торговых людей». Но возможно, он выстроил в то время только фасадную часть перед рядами, возведенными при Иване Грозном после пожара 1547 г., хотя, вероятно, ряды существовали на Красной площади еще раньше: так, например, известно о Сурожском ряде, который возник, очевидно, в XV в.

При Годунове на Красную площадь стали выходить аркады, за которыми скрывались старые лавки, среди которых, возможно, было немало деревянных, с крытым проходом на столбах перед ними. Об этих столбах упоминается в переписи 1626 г., опубликованной И.Е. Забелиным. Почти через 100 лет, после пожара в 1710 г., сообщалось, что в рядах погорело много деревянных лавок, которые предписывалось не восстанавливать, а строить вместо них каменные. Петр I послал тогда письмо московскому коменданту князю Гагарину: «Господин Полковник и Комендант! Письмо Ваше, писанное из Москвы Апреля от 4 дня, до Нас дошло, в котором пишете, что на Москве многие ряды выгорели и что Вы объявили указ, дабы вновь на тех местах строили каменные, то изрядно; а что Мы на прошлой почте писали к Вам, дабы дать в том строенье сроку на год, того ныне не делай и подтверди еще указом, дабы на погорелых местах, конечно, делали каменные лавки, для того, ежели им построить деревянные на один год, то лишний убыток будет». Но и много позже в торговых рядах было немало деревянных строений, только постепенно заменявшихся каменными. С развитием торговли, уничтожением внутренних таможенных пошлин Москва все более и более становится средоточием и распределительным центром российской внутренней торговли. Так, судя по сборнику «Состояние города Москвы», составленному в 1775 г., «главнейшие протоки, через которые течение всей московской торговли, как для самого города, так и для прочих в России городов, разливается, суть расположенные в Китай-городе ряды». Авторы сборника подсчитали, что тогда в 53 рядах было «лавок, палаток, ларей 3732, да погребов 80». Расширение торговли заставило московские городские власти в 1785–1786 гг. надстроить ряды с фасада по Красной площади вторым каменным этажом. Историк Москвы П.В. Сытин сообщает, что тогда количество лавок достигло 4075. На площадь выходил парадный арочный фасад рядов, выделенный десятиколонным портиком. Архитектурный прием – соединение однотипных арочных ячеек торговых лавок в единый организм – стал с тех пор характерным для многих городов России.

Напротив примерно в то же время строилась симметричная линия рядов вдоль кремлевских рва и стены, с окончанием их строительства Красная площадь приобрела замкнутый характер: ее длинные восточная и западная стороны образовывали одинаковые аркады лавок, а торцевые южная и северная стороны замыкали перпендикулярные выступы рядов.

Такой площадь дожила до 1812 г. Вечером первого дня вступления французов в Москву огонь занялся в нескольких местах, и в том числе в Скобяном и Москательном рядах. Чиновник Вотчинного департамента, находившийся в здании Сената в Кремле, писал, что пламя показалось 2 сентября в 8 часов вечера. Те, кто был в то время в 15 верстах от города, «увидели в городе пожар: это было только начало, – говорит очевидец. – В продолжение ночи пожар усилился, и поутру 3 сентября уже большая часть горизонта над городом обозначилась пламенем. Огненные волны восходили до небес, а черный густой дым, клубясь по небосклону, разстилался до нас. Тогда все мы невольно содрогались от удивления и ужаса... Место удивления заступило негодование. „Вот тебе и златоверхая Москва! Красуйся, матушка, русская столица!“ – говорили солдаты».

Настоятель французской церкви аббат Сюрюг писал: «В ночь на 4 сентября пожар принял чудовищные размеры. Никто не спал. Сорвавшаяся буря неистово погнала пламя и обвила Москву ослепительно-ярким огненным венцом. Вопли народа, плач детей, барабанный бой, колокольный набат, грохот падающих стен и трескотня прорывавших воздух ружейных выстрелов – все это слилось в потрясающий хорал, который покрывался порывами отчаянно гудевшаго ветра. С колоколен срывались колокола и падали с глухим звоном, огромные головни летали из улицы в улицу, пылающие бревна перекидывались с дома на дом и, обрушившись, разсыпались каскадами искр. Огонь яростно впился в Винный двор и сальные заводы, сразу охватил их, багровыми змеями извивался по крышам, выметывался в окна и с оглушающим шумом высоко швырял лопавшиеся и объятые голубым пламенем бочки со спиртом. Спугнутые с гнезд голуби в Охотном ряду кружились над огнем, нигде не находя себе приюта. Сорвавшиеся с узды лошади с диким ржанием скакали в разные стороны. С жалобным воем металась собака. Жители изступленно вытаскивали из домов образа, ставили их у ворот и, опаленные, задыхаясь от дыма, бросались, сами не зная куда».

Пожар принес городу огромные разрушения: из шести с половиной тысяч домов осталось около двух с половиной, особенные потери были в центре города. Москва лишилась множества уникальных культурных ценностей – дворцов, книжных и живописных собраний, научных коллекций. Сгорели театры, мосты, церкви, лавки, фабрики, жилые дома и богатых и бедных... Как рапортовал московский обер-полицмейстер, «все места, где были торговые ряды, ныне выжженные, покрыты пеплом и обломками взорванного строения».

Возрождать Москву начали уже через несколько месяцев после изгнания Наполеона – причем обращалось внимание не только на восстановление сгоревшего, но и на перепланирование и постройку новых зданий и сооружений.

По плану предполагалось разобрать мосты, перекинутые через ров к Спасским и Никольским воротам, убрать лавки, закрывавшие собор Василия Блаженного, и отстроить заново сгоревшие каменные лавки на восточной стороне Красной площади. Около Кремлевской стены лавки не восстанавливались, как «почти до основания разрушенные», и их предназначено было «сломать и ров засыпать», открыв вид на стену. На месте лавок планировался «бульвар в два ряда деревьев».

Интерьер Государственного универсального магазина (ГУМ, бывшие Верхние торговые ряды)

Проект фасада Верхних торговых рядов, как и «кондиции» и смету на строительство, составлял фактический руководитель архитектурной части Комиссии для строений Осип Бове. Согласно архивному документу, строительство закончили 23 ноября 1815 г. На Красную площадь выходил теперь новый, закрывший старые ряды лавок фасад, спроектированный Бове по канонам классической архитектуры: центр здания был выделен торжественным колонным портиком и невысоким куполом, а его боковые части отмечены далеко выступающими ризалитами (они назывались в народе «глаголями», так как имели форму буквы «г», в старой азбуке «глаголь») с шестиколонными портиками. Все они были украшены барельефными изображениями женских фигур с лавровыми венками, символизировавшими Славу, а главный портик нес герб Москвы. Позднее торжественно-патриотическое звучание площади было усилено установкой напротив центрального портика Верхних торговых рядов памятника Минину и Пожарскому. Как отмечал лучший и самый подробный путеводитель по Москве начала XIX столетия, «новые Торговые ряды имеют хорошую форму, особенно прикрытые 1815 года колоннадою, они составляют отличное наружное украшение площади».

Ряды состояли из 32 каменных корпусов, в которых находилось более тысячи торговых помещений, площадью от 340 квадратных аршинов (примерно 170 кв. м) до полутора квадратных аршина (около 0,7 кв. м).

Сохранилось много воспоминаний о торговых рядах на Красной площади, они неоднократно упоминаются в литературных произведениях, живописуются художниками. Каждый писавший о Москве обязательно подробно рассказывал о рядах, которые в московском обиходе назывались просто «городом», о товарах, продававшихся там, об обычаях, царивших в них, часто сравнивая московские ряды с восточным базаром. Заваленные товарами, полутемные и запутанные переходы, в которые выходили многочисленные лавочки, оглушительные крики продавцов, завлекающих покупателей, – все это было характерным для московских рядов. Удобств не было никаких, а зимой тут царил леденящий холод: ряды, из-за боязни пожаров, не отапливались – продавцы отогревались горячим сбитнем, напитком из воды с медом и специями, и борьбой на кулачках или перетягиванием каната. Нравы, царившие в «городе», были притчей во языцех. Журнал «Московский вестник» писал в 1830 г.: «Вот идет задумчивый и порядочно одетый господин, преследуемый огромною стаею рядской сволочи, наперерыв желающей заманить его в свои лавки с уверением, что в них все есть. Посмотрите, как изображается негодование на лице господина, как затыкает он уши, как ищет средства ускользнуть от напасти. Все напрасно: он уж в когтях...»; а вот слова очевидца конца XIX столетия: «...робкого, обалделого покупателя, случалось, приказчики прямо-таки затаскивали к себе в лавку силой; навязывание товара было прямо невозможное,

но московский обыватель средней руки чувствовал себя хорошо в такой обстановке, любил „город“ и все свои покупки делал именно там. Отправляясь в „город“, почти с таким чувством, как охотник-стрелок в дупелиное болото, – в большинстве это бывали дамы, – покупатель знал, что его ожидает, и готовился к борьбе. И не напрасно, ибо в „городе“ запрашивали безбожно, подсовывали разный испорченный товар и вообще старались всячески обмануть покупателя, смотря на него как на жертву и совершенно не заботясь о репутации фирмы; да такая и не страдала от случаев явного обмана неопытного, наивного покупателя. Обыватель мирился с правилом: „Не обманешь – не продашь“, входя в положение торговца. Продавец и покупатель, сойдясь, сцеплялись, один хвалил, а другой корил покупаемую вещь, оба кричали, божились и лгали друг другу, покупатель сразу понижал наполовину, а то и больше запрошенную цену; если приказчик не очень податливо уступал, то покупатель делал вид, что уходит, и это повторялось по нескольку раз, причем, даже когда вещь была куплена, приходилось внимательно следить за тем, например, как отмеривалась материя, не кладутся ли в „дутик“ исключительно гнилые фрукты и т. п. Вся эта азиатская процедура, эта борьба, пускание в ход хитростей, совершенно ненужные в торговле, считалась в „городе“ обеими сторонами обязательной; это был обоюдный спорт, и удачная, дешево сделанная покупка служила потом в семье покупателя и перед знакомыми интереснейшей темой разговора, ею хвастались...»

Е. Иванов, автор уникальной книги «Меткое московское слово», рассказывающей о разговорном языке старой Москвы, немало строк посвятил описанию Верхних торговых рядов: «По обычаю прежнего времени, приказчики, то есть продавцы „при растворах“, стояли снаружи, „на прохладном ветру“, – на улице и наперебой затягивали в свой магазин каждого прохожего. При исполнении своих обязанностей зазывальщиков они один перед другим щеголяли искусством разговора: „Шелк, атлас, канифас, весь девичий припас! Адресочек наш не запамятуйте: Продувной ряд, Муромский лес, в нем седьмой навес, от дороги влево, где заячья тропа на прогон скота; прямо не идите, взад не заворачивайте – сразу найдете!.. Ящики туалетные на двадцать мест – подарки для женихов и невест! Вакса, личная помада, духи „Сирень“ – прямо из сада! Сходно продаем, премию в сувенир даем!“

Иногда ватага таких говорунов сговаривалась и устраивала целые шутовские потехи над экономными, любившими поторговаться покупателями. Особенно доставалось духовным лицам и членам их семейств, которых продавцы знали всех наперечет».

По рядам всегда ходило много нищих и юродивых, спившихся и потерявших место чиновников, бродячих музыкантов. Вот в 1865 г. художник И.М. Прянишников написал картину «Шутники» под впечатлением пьесы А.Н. Островского, виденной еще в студенческие годы. Пьеса была написана и представлена в 1864 г. и встретила разноречивые отклики. Сам автор говорил о ней как о самой своей лучшей пьесе, а Лев Толстой отозвался о ней как о слишком трогательной – когда он смотрел ее, по словам Кузьминской, у него в глазах стояли слезы. Главный герой пьесы вынужден унижаться, чтобы обеспечить своих дочерей, и художник изображает бытовую сценку в торговых рядах – купцы заставляют танцевать под гармошку подвыпившего завсегдатая.

От скуки приказчики практиковали и разные шутки: прикалывали на спину вырезанные из бумаги разные фигуры, «подбрасывали на бойких местах коробки с живыми мышами, тщательно завернутые в бумагу; проходившие охотно подбирали такие находки и быстро скрывались с ними... В большом ходу была еще следующая забава: на полу, посередине ряда, клали мелкую серебряную монету, к ней приклеивали тонкую черную нитку, которую протягивали по полу в лавку; конец нитки находился в руках служащего. Прохожий, увидев лежавшую на полу серебряную монету, быстро нагибался, чтобы поднять ее, в этот момент из лавки дергали нитку и монета улетала из-под носа удивленного прохожего... Эта проделка сопровождалась всегда гомерическим хохотом купцов. Зимой, в сильные морозы,

такая забава проделывалась несколько иначе. Монету не привязывали, а примораживали к полу – нашедший сначала отдирает монету ногтями, но это ему не удавалось, тогда он начинал энергично откалывать ее каблуком. Купцы смеялись и говорили нашедшему: „А ты попробуй копытцем...“ Нашедший ругал купцов и удалялся... монета оставалась на месте».

Известный юрист конца XIX в. Николай Васильевич Давыдов вспоминал: «„Город“ представлял из себя громаднейший лабиринт галерей, ходов, переходов и линий; в этом лабиринте была сосредоточена вся главная, „расхожая“ торговля Москвы; тут можно было приобрести решительно все нужное москвичу, и притом за цену более дешевую, чем на Кузнецком мосту или на Тверской. Торговля не была беспорядочно разбросана по рядам, она собиралась к одному месту по специальностям; так, галерея, носившая название Панской, торговала сукнами, Москательная – пряными товарами, Ножовая линия сосредоточивала у себя предметы, соответствующие ее названию; иконы и вообще церковные принадлежности располагались в особой галерее, шелковые и бархатные материи тоже; специальные вывески перед началом линии указывали, чем в ней торгуют».

Пирожки продавались между «столбами», как назывались фасадные колонны портика. Там целый день стояли пирожники с висящими через плечи широкими ремнями, на которых висели покрытые толстыми одеялами ящики: особенно в ходу были «„подовые“» пирожки, которые пекутся в особо устроенной печке „на поду“, – рассказывал московский бытописатель П.И. Богатырев, – они всегда подавались на блюдечке с подливкой. В скоромные дни пирожки были с мясом и яйцами; в постные дни – с груздями, с семгой и кашей, с кашей и сметками и горохом. Подливка была тоже постная. Жареные пирожки, кроме перечисленных начинок, бывали еще с вареньем и яблоками... Надо сказать, что все, что ни предлагалось съедобного в „столбах“ и рядах и вообще в „городе“, было чисто, вкусно и недорого».

Другое известное всем посетителям рядов место было в Сундучном ряду, которым гордились москвичи и туда специально водили иностранцев – в квасной лавке можно было «получить самую лучшую янтарную осетрину, белугу с хреном или малосольными огурцами, севрюгу, ветчину, сосиски, всевозможные пирожки и запить это великолепным квасом: хлебным, клюквенным, яблочным, малиновым, черносмородиновым и другими... В Ильинском «глаголе» торговали гастрономическими и бакалейными товарами, а в Никольском – писчебумажными. Между «глаголями» протягивалась Ножевая линия, по одной стороне которой, ближе к Красной площади, в простенках между окнами находились так называемые шкафчики – крохотные лавочки, владельцы которых не помещались в них, а стояли снаружи, вместе с покупателями. Это было самое вредное для здоровья купцов место: «... около них был всегда сквозной ветер; зимой в метель их заносило снегом, летом поливало косым дождем».

К 1860-м гг. стало ясно, что ряды надо коренным образом перестраивать, ибо мелкий ремонт, доделки и переделки уже не могли ничему помочь: все разваливалось. По словам инспектора московской медицинской конторы Н.Х. Кетчера, направленного в 1869 г. для осмотра рядов, «лучи солнца никогда не проникают в эти никогда не протапливаемые ряды; в них постоянные холод, сырость и сквозной ветер», а в письме в Петербург добавлялось, что «описание в актах осмотра не дает еще точного понятия о том своеобразном состоянии, в котором находятся торговые ряды, и о том впечатлении, которое получается при личном осмотре». Один из московских путеводителей писал, что в рядах «даже самый яркий солнечный свет не был в состоянии проникнуть в многочисленные узкие коридоры и закоулки... а лестницы с шатающимися ступенями и головокружные переходы вечно утопали в полумраке». Комиссия, осматривавшая ряды, нашла некоторые из них «в крайне опасном положении», и «везде полугнилые деревянные лестницы, холодные потолки... повсюду сгнившие балки и стропила, протекающая крыша, выбитые в галереях опасные для ходьбы полы».

Посещения чиновников, осмотры, рапорты продолжались долго, но четкого плана, что же делать с разрушающимися рядами, не было. Неясно было и то, откуда взять немалые средства для их перестройки. Известная тогда пара предпринимателей, только что закончивших строительство Теплых рядов на Ильинке, – Пороховщиков и Азанчевский – предложили образовать акционерное общество по перестройке рядов с переходом их во владение общества, но город не согласился на такие условия.

Под нажимом энергичного городского головы Н.А. Алексева, который сам происходил из купеческого сословия, было образовано общество владельцев лавок Верхних торговых рядов, которое занялось выяснением, кому принадлежит земля под рядами, да и сами лавки. Начались долгие споры о праве владения, обратились даже к консультации знаменитого историка Ключевского, который представил в газете «Русские ведомости» обстоятельное разъяснение.

По уставу общество приобретало в свою собственность лавки, уплачивая за них акциями. Но дело шло туго, купцы не соглашались покинуть насиженные места и сопротивлялись всеми силами. Тогда московский генерал-губернатор пригрозил принудительным отчуждением и приказал насильно выселить упрямцев. По рассказам, для многих это было совершенно неожиданно, некоторые же посчитали себя разоренными и сошли с ума, а один из них покончил с собой в Архангельском соборе...

Для переселенцев построили на Красной площади вдоль Кремлевской стены временные ряды из 14 железных корпусов, которые открылись 22 января 1887 г., и там началась торговля на время строительства нового здания Верхних торговых рядов.

Перед сломом лавки Верхних торговых рядов разделялись семью продольными рядами и тремя поперечными. Каждый ряд имел свое название – так, на Никольскую выходили Колокольный, Скобяной, Сундучный и два Иконных ряда; на Ильинку – Шапочный, два Суконных, Скорняжный и Серебряный; между ними были Кафтанный, Ленточный, Нитяной, Бумажный, Малый Ветошный, Холщовый, Малый Золотокружевной, Золотокружевной; вдоль фасада по Красной площади, по всей длине здания, шел Узенький ряд, а позади – Ветошный (кстати, в этом ряду ранее продавались меха).

На постройку нового здания Верхних торговых рядов 15 ноября 1888 г. объявили конкурс, на который через три месяца поступили 23 проекта из Москвы, Петербурга, Одессы, Берлина, каждый под своим девизом. С проектами можно было познакомиться в залах Исторического музея. Жюри присудило первую премию в 6 тысяч рублей проекту под девизом «Московскому купечеству», и когда вскрыли пакет с именем автора, то им оказался А.Н. Померанцев; вторую премию получил Р.И. Клейн (девиз «По программе»), а третью – А.Е. Вебер (девиз «С Богом. 1889»).

Интересно отметить, что по проекту новое здание несколько повторяло планировку старинных рядов – в нем также были три прохода, перпендикулярные Красной площади, а большие окна-витрины с полукруглым завершением напоминали традиционные аркады гостиных дворов.

Победитель конкурса архитектор Александр Никанорович Померанцев был автором многих выдающихся сооружений, сочетавших в себе незаурядный архитектурный облик и использование последних достижений инженерной мысли. Так, им были спроектированы замечательные мосты на Московской окружной железной дороге, сохраненные теперь в качестве пешеходных, павильоны Всероссийской Нижегородской выставки 1896 г., собор в столице Болгарии Софии, множество зданий в разных городах России, ему же принадлежит и проект огромного недостроенного Александро-Невского собора на Миусской площади в Москве в память отмены крепостного права. За прославившее его имя здание рядов А.Н. Померанцев получил звание профессора Императорской академии художеств.

Ломать старые ряды начали 20 сентября 1888 г., а 21 мая 1890 г. состоялась торжественная церемония закладки нового обширного здания. В специально устроенный шатер посередине строительной площадки (где теперь фонтан в центре ГУМа) принесли наиболее чтимые иконы: Иверской и Казанской Богоматери, Василия и Иоанна Блаженных, святого Николая и мощи святого Пантелеймона. Присутствовали генерал-губернатор князь В.А. Долгоруков, городской голова Н.А. Алексеев, представители купечества. На место закладки положили металлическую доску с надписью и подали шампанское, а когда Долгоруков возгласил здоровье императора, раздались крики «ура» и хор певчих из кремлевского Чудова монастыря исполнил гимн.

В течение следующих двух лет возводили фундамент и стены, а в 1893 г. подвели громадное здание под крышу и окончили внутреннюю отделку и облицовку. Официальное открытие рядов в присутствии великого князя Сергея Александровича и его супруги Елизаветы Федоровны состоялось 2 декабря 1893 г., но еще за два года до того готовые помещения уже начали разбираться торговцами.

По оценке путеводителя, изданного к съезду зодчих в 1913 г., здание Верхних торговых рядов было «грандиознейшим в Европе сооружением, приспособленным к торговым целям». Обработка фасадов была предопределена древними памятниками Красной площади и Кремля, и в периодической архитектурной печати особо отмечалась «разнообразная разработка бездны мотивов русского стиля».

Однако за старинными одеждами скрывались ультрасовременные технические строительные решения, и в особенности сложное стеклянное покрытие. Часто пишут о непосредственном участии известного инженера В.Г. Шухова в строительстве Верхних торговых рядов, а некоторые авторы даже сообщают о том, что Померанцев специально пригласил его на строительство. Однако Шухов не работал на Красной площади: стеклянные перекрытия пассажей и залов были спроектированы инженерами Петербургского металлического завода и исполнены там же. Но принципы расчета конструкций были шуховские, и Шухов вместе с другим известным инженером А.Ф. Лолейтом консультировал проект.

Здание состоит из трех параллельных друг другу пассажей (которые по старой памяти звались рядами), соединяющих Никольскую и Ильинку, и трех поперечных от Красной площади к Ветошному проезду. Они имели свои названия, которые сейчас уже забыты: первый (от Красной площади) продольный пассаж делился на две части – от Никольской до среднего поперечного пассажа назывался Казанским рядом, а его продолжение до Ильинки – Ильинским; средний поперечный пассаж на всем протяжении назывался Средним рядом; третий, ближайший к Ветошному проезду, также делился на две части – от Никольской до среднего поперечного пассажа – Владимирский ряд и далее до Ильинки – Ивановский ряд. Поперечные пассажи также имели свои названия – так, первый от Никольской носил название Мининского ряда, средний назывался Центральным, а ближайший к Ильинке – Пожарским рядом.

При строительстве было вынуто 146 тысяч кубометров земли (сообщали, что там нашли много древних предметов: в частности, остатки шлема, бердыш, кольчуги, несколько монетных кладов). Общая площадь торговых помещений рядов составила 24 640 кв. м, ширина здания – 95 м, длина по фасаду на Красной площади – 260 м, высота верхней точки стеклянного покрытия – 33 м, общая длина галерей второго этажа – почти 2 км. В здании были сделаны три больших зала, под пассажами в подвальном этаже также проходили проезды, высотой около 5 аршинов (примерно 3,5 м), освещавшиеся особой системой призматических стекол, так что, как гордо сообщалось в печати, в подвале было так же светло, как и на улице.

Первый этаж главного фасада облицован тарусским мрамором (то есть песчаником, добываемым в окрестностях города Таруса на Оке), а выше – радомским песчаником (из

предместий польского города Радома). Цоколь отделан финляндским красным гранитом (по Красной площади) и донским синеватым (по Ильинке и Никольской).

На строительстве было занято до 3 тысяч рабочих; несмотря на то что многие детали сделаны из бетона, кирпичей пошло до 40 миллионов штук. В здании находилась собственная электростанция, освещавшая не только сами ряды, но и Красную площадь и соседние улицы, артезианский колодец, дававший до 50 тысяч ведер хорошей воды, собственный водопровод с пожарными кранами и резервуарами воды наверху, центральное отопление с возможностью регулировать температуру в торговых помещениях. Всего в здании размещалось свыше 1200 магазинов, а также, как сообщалось в печати, «помимо массы торговых помещений в рядах имеется несколько больших зал, могущих служить для различных целей, и один огромный зал над главным входом, с окнами, выходящими на Красную площадь, в высшей степени пригодный для различных больших собраний, концертов и проч., ибо он может вместить без затруднения свыше 1000 человек».

В самом престижном месте, в Казанском и Ильинском рядах, расположились магазины известных фирм – мануфактурные (Трехгорная Прохоровская, Коншина, Тверская Морозовская), парфюмерные (Ралле и Брокер), кондитерские (Сиу, Абрикосов, Эйнем), чайная (Братья К. и С. Поповы), фармацевтическая (К.И. Феррейн) и др.

Помимо торговли в рядах давали и самые разнообразные представления – в 1896 г. газеты сообщали о том, что там находится «самый большой паноптикум Шульце-Беньковского в двух этажах при электрическом освещении», в котором в числе других редкостей показывались «татуированная пара г. Франк и г-жа Эмма де Бург из Америки, имеющие на теле более 400 разных рисунков», а также «самый большой великан» и «самый маленький лилипут». Выступала и «известная красавица девица Саламбо со своими 25-тью дрессированными собаками». Осенью 1897 г. открылся другой паноптикум, в котором показывались лилипуты, сросшиеся близнецы, человек-гумми, растягивавший свою кожу от 10 до 16 вершков, а также и еще одно чудо: «...ежедневно от 2-х час. до 10 час. через каждый час демонстрируется „СИНЕМАТОГРАФ“, имеющий громадный успех во всем свете. За вход в музей паноптикума с правом видеть синематограф – 20 коп., дети – 10 коп., благотворительный сбор – 2 коп. Анатомическое отделение для взрослых с картиной „Нана“. Дамам по пятницам объясняет акушерка – приплачивается по 15 коп. Музей открыт с 10 час. утра до 10 час. вечера». В рядах на фотографической выставке находилась чудесная новинка – «фотограф-автомат, делающий моментальные снимки при помощи магния: стоит только просунуть в отверстие монету, и через несколько секунд вы получите ваш портрет».

Здесь же, в Верхних торговых рядах, 26 декабря 1897 г. открылся и первый в России «электрический театр» – так назывался тогда кинотеатр. Вход в него был в центре главного фасада, за памятником Минину и Пожарскому. Самой большой популярностью пользовались трюковые и документальные картины.

Верхние торговые ряды представляли собой не только обширные и удобные торговые помещения, но и значительный культурный центр: в его залах регулярно проводились выставки, концерты, конгрессы. В 1895 г. тут заседал II съезд зодчих, а в 1897 г. собрался подготовительный комитет Международного съезда врачей, и, по словам участника его, «приезжие гости-иностранцы очень интересовались этим громадным пассажем». Сам съезд заседал в Манеже, а здесь во всех галереях и незанятых помещениях устроили вечер для делегатов (среди которых были и всемирно известные светила – Вирхов и Ломброзо), играли два оркестра и три хора – русский, малороссийский и казачий, устроили выставку собрания Брокера, в коридорах поставили пальмы и лавровые деревья, громадные столы с кушаньями, щиты с электрическими огнями, изображающими императорские инициалы, и, «несмотря на громадное количество публики, в рядах особенной тесноты не наблюдалось».

В центре рядов со стороны Красной площади, в подвале, находился известный всей Москве ресторан «Мартьяныч», интерьеры которого проектировал известный архитектор И.А. Иванов-Шиц в стиле модерн (рисунки его сохранились в фондах Московского музея архитектуры). В центре зала стоял большой аквариум, где плавали живые рыбы – посетители вылавливали их сачками и тут же посылали на кухню. Сохранилось много воспоминаний о «Мартьяныче» в Верхних торговых рядах. Это был весьма популярный ресторан, особенно среди торгового люда: тут заключались миллионные сделки, проходили важные переговоры. Интересно, что ресторан не был дорогим: в объявлениях оповещалось, что ужин из трех блюд с бокалом шампанского стоил один рубль, и, как писали в сообщении об открытии ресторана в начале 1896 г., «любители хорошего тонкого пива найдут в новом ресторане нечто небывалое в Москве: кружку превосходного пива за пять копеек». Кухня ресторана была замечательной: по воспоминаниям, «„Мартьяныч“ славился, как „Тестов“ расстегаями, а „Егоров“ блинами, обилием хорошего приготовления блюд, а главное – дешевизной. На полтинник-рубль у „Мартьяныча“ можно было наесться так, что „нечем дышать“. Дешевизна привлекала к „Мартьянычу“ учащуюся молодежь – студентов и курсисток. В Татьянин день у него бывало настоящее столпотворение». Именно в этом ресторане встретились представители студенческой любительской труппы с Вахтанговым, что послужило началом создания знаменитого вахтанговского театра.

С популярным рестораном связана история, взволновавшая всю Москву, – газеты сообщили, что 9 марта 1911 г. владелец ресторана Петр Николаевич Мартьянов был убит своим сыном.

Выставки, конференции, встречи, рестораны да и вся торговля исчезли из Верхних торговых рядов с приходом советской власти. Все мало-мальски большие помещения захватывались размножавшейся с необыкновенной быстротой новой бюрократией. В отлично приспособленных для торговли рядах обосновался Народный комиссариат продовольствия и еще множество других контор, однако вскоре новая власть поняла, что она может быть сметена исстрадавшимся и изголодавшимся народом и военный коммунизм, основанный на принудительном труде и распределении, потерпит сокрушительный крах. Пришлось допустить столь ненавистный капитализм: тогда, как по мановению волшебной палочки, везде появились давно забытые продукты, магазины наполнились товарами, всюду закипела жизнь. В здании бывших Верхних торговых рядов Ленин решил открыть «междуведомственный» государственный универсальный магазин (ГУМ) и 1 декабря 1921 г. подписал соответствующее постановление. В здание вернулась торговля, а Маяковский тут же накропал стишок «по случаю»:

Все, что требует
желудок,
тело
или ум —
все человеку
предоставляет ГУМ.

С концом НЭПа надобность в крупных торговых магазинах исчезла, да и коммунистам было невозможно наблюдать неуправляемые толпы людей на столь режимном месте, и по настоянию НКВД торговлю в здании на Красной площади прикрыли: там опять поселились различные советские учреждения, и в их числе, к примеру, такие экзотические организации, как Жертервен (Всесоюзное общество содействия жертвам интервенции) или дышавшее уже на ладан Общество бывших российских солдат 1-й и 2-й особых дивизий во Франции.

В этом здании проходило прощание с женой Сталина Надеждой Аллилуевой, покончившей жизнь самоубийством в ночь с 8 на 9 ноября 1932 г. после праздничного вечера в Кремле. Тело ее обнаружила экономка семьи на следующее утро, рядом лежал пистолет «вальтер». Причиной были, вероятно, и семейные, и общественные разногласия. Она оставила после себя письмо, но его сразу же уничтожили. Тело Аллилуевой 9 ноября перенесли в здание ГУМа, где в большом зале состоялось прощание с ней. Был Сталин, он подошел к открытому гробу молодой жены, вдруг оттолкнул его обеими руками, отвернулся и ушел – он посчитал ее самоубийство предательством по отношению к себе.

В главной газете того времени – «Правде» – поместили некролог, где написали, что «умер молодой, скромный и преданный боец великой большевистской армии. Умер в пути, в походе. На учебе», и, конечно, ни слова о самоубийстве, хотя партийным функционерам и сообщили истинную причину. Похоронили ее на Новодевичьем кладбище.

В здании бывших Верхних торговых рядов находилась радиостудия, откуда передавались репортажи о событиях на Красной площади, ежегодных парадах и демонстрациях.

В 1930-х гг. Сталин решил полностью перестроить Москву, и Красная площадь занимала в этих планах немаловажную роль. Ансамбль площади был бы полностью разрушен, если бы осуществились эти геростратовские планы. Предполагалось снести Верхние торговые ряды и на их месте воздвигнуть дом Наркомтяжпрома (Народного комиссариата тяжелой промышленности) – огромный, состоящий из нескольких объемов, связанных мостами на высоте многих десятков этажей (проект А. и В. Весниных). Строительство по этому проекту, а также и другим, подобным ему, полностью подавило бы Кремль и уничтожило ансамбль Красной площади. Тяжелая война, восстановление разрушений, нанесенных ею, отодвинули воплощение этих проектов, а после смерти Сталина от этих амбициозных проектов отказались вовсе.

Одной из зримых примет освобождения от мертвящей власти диктатора было возвращение торговли в здание рядов на Красной площади. Уже в августе 1953 г., то есть менее чем через полгода после его кончины, в правительстве обсуждался вопрос об открытии ГУМа. Конечно, нашлись те, которые резко возражали. «Вы подумайте, что нам предлагают, – вещал один из влиятельных партийцев тогда, – открыть торговлю на Красной площади. Универмаг привлечет массу народа, проехать и пройти будет трудно, площадь потеряет свой величавый вид». Но его не послушали, и в декабре того же года, почти под самый Новый год, ГУМ открылся, и, помнится, это событие очень живо обсуждалось и одобрялось москвичами.

В последние годы правления коммунистов ГУМ был местом буквально паломничества со всех концов огромной империи. Еще перед открытием магазина выстраивались огромные очереди, а с открытием люди мчались в заранее облюбованные секции в надежде захватить дефицитный товар. Но в ГУМ направлялись и другие покупатели, заранее уверенные в том, что они приобретут нужный товар. На третьем этаже ГУМа находилась спецсекция, в которой «отоваривались» избранные из числа особо доверенных коммунистов. Рассказывают, что однажды строгий блюститель коммунистической идеологии Сулов решил закрыть ГУМ ввиду того, что уж больно неприглядное зрелище он представлял: очереди, очереди и еще раз очереди, отнюдь не украшавшие образ будущего всего человечества. Уже назначили сроки, и продавцы ГУМа засобирались в другие торговые места, но случилось так, что супруга Брежнева посетила спецсекцию и поинтересовалась, почему это у всех такие постные лица, а ей ответили, что скоро все закроют. В тот же день она пожаловалась генсеку. Брежнев под конец ближайшего заседания Политбюро, ни к кому специально не обращаясь, сказал: «Тут еще какой-то дурак решил ГУМ закрыть...» Вся затея была оставлена.

Теперь ГУМ превратился в акционерное общество, сдающее отдельные секции дорогим, престижным торговым фирмам.

Средние торговые ряды

Средние торговые ряды находятся между Ильинкой и Варваркой, по одной линии с Верхними. Средними они назывались потому, что располагались между Верхними и Нижними. Средние ряды, так же как и Верхние, состояли из нескольких построек, разделявшихся проходами, но характер торговли здесь отличался от Верхних: если там издавна преобладала розничная мануфактурная, галантерейная, ювелирная торговля, то в Средних торговали оптом, и притом часто «тяжелым» товаром, то есть москательным, кожевенным, свечным, кузнечным и прочим, в том же роде, хотя и с многими исключениями. Средние ряды разделялись двумя поперечными и шестью продольными проходами, имевшими, так же как и Верхние, свои названия: Медный, Москательный, Скобяной, Зеркальный, ряд Фряжских питейных погребов. Но, правда, не всегда название соответствовало продаваемым товарам: так, в Зеркальном ряду торговали в основном хлопчатобумажными и шелковыми тканями, в Большом Юхотном (юхть, или юфть, – кожа) ряду кроме кож торговали также тканями, а в ряду Фряжских погребов было всего два погребка, все же остальное место занимали лавки с чаем и сахаром.

Так же как и Верхние, Средние торговые ряды после пожара 1812 г. пришлось прикрывать новым фасадом. Предполагается, что проект его также принадлежит Осипу Бове. Здание рядов было выстроено в классическом стиле с колонными портиками в угловых частях здания, а так как оно было расположено на крутом склоне, то новый фасад состоял из двух частей, соединенных двухэтажной вставкой с плоским рустованным фасадом и развитым антаблементом. Здание Средних рядов дожило, как и соседнее Верхних, до начала 90-х гг. XIX столетия, когда наступила пора его перестраивать из-за ветхости и непригодности к все более и более развивающейся торговле. В архивах сохранилось много сообщений властей о положении в рядах. Вот одно из них, адресованное московским обер-полицмейстером генерал-губернатору: «В... Зеркальном ряду Средних торговых рядов одна стена, выходящая в самый ряд, вследствие ветхости до такой степени уклонилась от вертикального положения, что грозит падением». Так же как в Верхних, в Средних рядах было опасно находиться – они, как писали в отчетах разные комиссии, «грозили общественным бедствием». Многие владельцы этих лавок не хотели расставаться с обжитыми местами, и только императорским указом 30 мая 1889 г. «об отчуждении в пользу города тех участков средних торговых рядов... которые не будут добровольно уступлены акционерному обществу сих рядов» заставили их согласиться на новое строительство.

Конкурс на новое здание объявлять не стали, а зная способности и умение архитектора Р.И. Клейна разрешать технические трудности и учитывая то, что он получил вторую премию на конкурсе Верхних торговых рядов, обратились к нему.

Для автора Средних торговых рядов было важно согласовать их облик с начатым ранее зданием Верхних, для чего архитектор предусмотрел примерно ту же высоту, те же членения, пропорции и примерно ту же декорацию фасадов. Можно уверенно предположить, что Клейн, ввиду близкого соседства храма Василия Блаженного, не желая соревноваться с ним, хотел сохранить его ведущую роль, оставляя за своим творением лишь роль нейтрального фона. Ему также пришлось разделить фасад на две части – одна, ближайшая к Ильинке и выходящая на Красную площадь, изобильно обработана деталями в том же стиле, что и здание Верхних рядов, а другая, ближе к Варварке и смотрящая на храм Василия Блаженного, оформлена существенно скромнее, но в том же стиле. Архитектор блестяще разрешил многочисленные трудности проекта и строительства, которые создавала очень покатая местность: надо было избежать каких-либо ступеней, крутых подъемов и спусков – ведь предполагалось торговать «тяжелыми» товарами. При подготовке котлована было

сделано несколько интересных археологических находок, но, к сожалению, не специалистами: по Москворецкому проезду на глубине 3 м обнажилась деревянная мостовая, найдены монетные клады, в особенности медные монеты времени царя Михаила Федоровича, в Хрустальном переулке – остатки деревянных домов и колодцев. Императорское археологическое общество озабочилось состоянием близко расположенного собора Василия Блаженного и просило в письме за подписью председателя графини П.С. Уваровой и секретаря В. Трутовского «быть осторожным при сломке старой постройки, ибо всякое сотрясение почвы может угрожать значительной опасностью собору, который, как здание древнее, не может похвастаться особою крепостью и прочностью своих стен».

На время строительства нового здания купцы получили возможность торговать во временных рядах, построенных вдоль Кремлевской стены на Васильевской площади.

Как правило, даты строительства нового здания Средних торговых рядов в литературе приводятся с ошибками: так, в первом томе монументального издания «Памятники архитектуры Москвы» утверждается, что они строились с 1889 по 1891 г., но, судя по газетам того времени и архивным данным, закладка производилась в июле 1890 г., к «разбивке» старых рядов приступили в октябре того же года, через год газеты сообщали о «строящихся рядах», а в декабре 1892 г. все уже было построено, однако отделка и приспособление продолжались довольно долго, и только 21 февраля 1894 г. состоялась торжественная церемония освящения Средних рядов. На ней присутствовали великий князь Сергей Александрович с супругой Елизаветой Федоровной и московские высшие чины, которых встречали в большой двухсветной зале над главным входом напротив Лобного места. На празднике отмечалось, что «роскошные, подобные дворцам» здания Верхних и Средних торговых рядов являют собой всероссийскую выставку русской торговли и промышленности.

В плане Средние торговые ряды представляют собой неправильной формы замкнутый четырехугольник, внутри которого располагаются четыре отдельных корпуса с широкими проездами между ними, под которыми, в свою очередь, проложены подземные проезды. В отличие от Верхних тут нельзя было применить систему пассажиров, так как при торговле тяжелыми и объемными товарами необходимо было предусмотреть отдельные подъезды к каждому помещению. Стоимость строительства составила 2 миллиона 800 тысяч рублей.

Обычно пишут, что в Средних рядах продавались только «тяжелые» товары – москательные, металлические и прочие в том же роде, но если судить по описанию рядов, опубликованному в «Русском альбоме» в 1894 г., то там велась торговля чаем, по Хрустальному переулку – писчебумажными и канцелярскими товарами, по тому же переулку и частью по Ильинке – фарфором, хрусталем и лампами, далее по Ильинке – парчой, дверными и оконными приборами, а в корпусах внутри – москательными, химическими и аптечными товарами. В бельэтаже рядов помещались нотариальные, банковские, экспедиторские конторы. Перед мировой войной, в июне 1913 г., общество Средних торговых рядов задумало изменить здание: «...желаем над существующим строением вновь надстроить четвертый этаж с перебивкою фасада». Чертежей новых фасадов в архиве не найдено, но, судя по отзыву Академии художеств, предполагали сделать его «характерным для французского стиля», однако эти изменения, к счастью, не осуществились из-за разразившейся войны.

В отличие от Верхних рядов Средние так и не были возвращены торговле: как их заняли военные в 1918 г., так до недавних пор они распоряжались этим замечательным зданием, специально спроектированным для торговых рядов.

В советское время оно называлось 2-м домом Реввоенсовета (1-й находился на Знаменке, 21, в бывшем Александровском училище). Известно, что в здании бывших рядов находилась, в частности, военно-химическая лаборатория, проводившая в самом центре города опыты с вредными газами, а рядом с лабораториями поместился и Доброхим, то есть Общество друзей химической обороны СССР, где главным «другом» состоял Лев Давидо-

вич Троцкий. В 1920–1930-х гг. среди разных военных учреждений располагались редакция военной газеты «Красная звезда», и военный архив, и фабрика военного кино, и даже квартиры.

Ныне появились сообщения о том, что в этом здании оборудуют бизнесцентр «Кремлевский», в котором планируется поместить гостиницу категории люкс, биржу драгоценных металлов и камней, Центр ювелирного искусства, выставочные и аукционные залы, конторы, на первых этажах дорогие магазины и рестораны, а на подземных уровнях гаражи.

Покровский собор (храм Василия Блаженного)

Хотя о Покровском соборе известно много – и даты постройки, и даты перестроек, и даже предполагаемые имена зодчих, но неясны предшественники, прообразы Покровского собора и его символика. До недавнего времени повторялось (без надлежащего исследования), что формы собора были заимствованы у церкви Иоанна Предтечи в Дьякове, что у села Коломенского, но стали выражать «совершенно новое художественное качество». Оказалось же, что все наоборот – дьяковская церковь была построена позже Покровского собора.

Покровский собор, возможно, самое таинственное сооружение в русской архитектуре. Понятно, что такой необычный храм выражает нечто символическое, что недаром он выстроен иначе, чем строились сотни храмов и до него, и после. Многие исследователи предлагали свои версии, иногда талантливые и убедительные, а иногда и бесталанные, иногда остроумные и не очень.

Некоторые видели в соборе изображение Богородицы в виде столпа главной церкви и предстоящих ей святых в виде меньших столпов, другие – символ храма царя Соломона или образ священного града Иерусалима: отождествляли столп Покровской церкви с главным храмом, четыре столпа, поставленные по сторонам света, – с крепостными башнями, а меньшие столпы – с городскими храмами.

Несмотря на то что это одно из наиболее известных сооружений не только Москвы, но и вообще России и ему посвящены десятки публикаций, история его, причины постройки и прошлое полны тайн.

Покровский собор (храм Василия Блаженного)

Чуть ли не все путешественники, посещавшие Москву, в путевых записках рассказывали о Покровском соборе. Первое известное упоминание – немца Генриха Штадена, ставшего опричником: «...на площади под Кремлем стояла круглая церковь с переходами; постройка была красива изнутри и над первым переходом расписана золотом многочисленными изображениями, изукрашенными золотом и драгоценными камнями, жемчугом и серебром». «Великолепной церковью» назвал Покровский собор посол английской королевы Елизаветы I Джайлс Флетчер, живший в Москве в 1586–1589 гг. В «Известии о путешествии герцога Ганса Младшего Датского» (1602) отмечено: «Этот храм выстроен почти четвероугольником, только с очень многосторонним искусством всякого рода и вида».

Автор большого сочинения о Московии Адам Олеарий писал: «Вне Кремля, в Китай-городе, по правую сторону от больших кремлевских ворот стоит искусно построенная церковь святой Троицы, которую немцы зовут Иерусалимом, строитель которой, по окончании ее, ослеплен был тираном (имеется в виду Иван IV. – *Авт.*), чтобы уже впредь ничего подобного не строить». Голландский корабельный мастер Ян Стрейс вспоминал: вне Кремля

«стоит богато и искусно построенная церковь, каких я не видал в своих путешествиях, и говорят, что она создана по образцу Иерусалимского храма, по имени которого и названа».

Еще один посол – принца Оранского и Генеральных штатов Нидерландов Конрад ван Кленк, находившийся в Москве в 1675–1676 гг., – отметил, что церковь, «которая называется Иерусалимом, построена очень искусно», и далее повторил тот же рассказ об ослеплении зодчего. Якоб Рейтенфельс, живший в Москве в 1670-х гг., считал Покровский собор «весьма красивой... церковью», а секретарь австрийского посольства Адольф Лизек в 1675 г. написал о соборе – «великолепный храм». Корнелий де Бруин, голландский живописец, посетивший Россию в начале XVIII в., назвал автора собора: «Церковь святой Троицы, построенная одним итальянским зодчим».

Для нас формы Покровского собора, или храма Василия Блаженного, как он часто называется, уже давно не вызывают никаких недоуменных вопросов, мы привыкли к необычным формам, подобных которым не найдешь нигде в России, но посещавшие Москву путешественники уже Нового времени, воспитанные на строгих формах европейского классицизма, почти все отзывались о храме Василия Блаженного весьма нелестно. В 1809 г. в Лондоне вышла книга Роберта Кера Портера, художника, известного историческими полотнами, росписями церквей, театральными декорациями, который провел в России – в Петербурге и Москве – два с половиной года в качестве придворного живописца. Вид Василия Блаженного вызвал у него активное неприятие: «Я глядел на это необыкновенное строение, от души дивясь тупости зодчего и слепоте князя, не понявших, что это – самое нелепое, громоздкое, чудовищное сооружение, которое когда-либо появлялось в цивилизованной стране». Французский путешественник Леон де Брюссиер побывал в Москве в 1829 г. Он писал, что храм производит впечатление кошмара, посетившего архитектора; лишь у народа, считает он, находящегося в состоянии варварства, могла возникнуть и получить воплощение идея подобного творения. Правда, он признает, что здание не лишено своеобразного изящества: «Не знаешь, какому чувству поддаться, глядя на него: восхищение было бы неуместно, презрительная критика – тем более».

Еще один француз, Ж.-А. Ансело, в письме на родину из Москвы, отправленном в июле 1826 г., характеризовал церковь как «странное создание необузданного воображения, памятник эпохи варварства», а в другом письме описывал свои чувства при взгляде на храм Василия Блаженного: «... этот храм поистине самое диковинное творение, какое способно создать пламенное, ничем не сдерживаемое воображение... вся эта цветовая пестрота, покрывающая все церковное здание, орнаменты, которыми оно перегружено, странная форма шпиля представляют самую дикую картину из всех, какие когда-либо могли явиться человеку».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.